

**А. МУРТАЗАЛИЕВ
М. СУЛТАНОВ-БАРСОВ**

УМАР-ХАДЖИ АНДИЙСКИЙ

Историко-философский очерк

Махачкала 2013

ББК 87.3(2Р-6Д)

УДК 1.0

М-91

Муртазалиев А., Султанов-Барсов М.

Умар-Хаджи Андийский: Историко-философский очерк. - Махачкала.: Изд. дом «Народы Дагестана», 2013. - 208 с.

Консультанты по вопросам религии:

Расим Челеби (Турция), теолог-арабист, переводчик;

Дмитрий Ястребцов [Дауля Абу Юсуф] (Египет), теолог;

Ахмед Магомедов (Хутрахский); ревнитель просвещенного Ислама;

Махмуд Гаджиев (Ахвахский), мюрид, ревнитель просвещенного Ислама;

Магомед Магомедов (Телетлинский), арабист.

Книга о великом дагестанском пацифисте Умаре-Хаджи Андийском. Это, пожалуй, первая попытка в дагестанской научной и религиозно-публицистической литературе освятить историю Дагестана и тесно связанную с ней историю Чечни, с позиции исламского религиозно-философского здравого смысла. В ней ярко освящены основные положения и методологические идеи кадирийского тариката, благодаря которым были спасены многие народы от безумия войны, бессмысленных жертв. Авторы на реальных исторических примерах показывают роль и значение великих шейхов Умара-Хаджи Андийского и его предшественника Кунта-Хаджи Кишиева.

Книга рассчитана как на ученых историков, религиоведов, студентов гуманитарных факультетов, так и широкий круг читателей, интересующихся интеллектуальными аспектами истории Северного Кавказа.

©Муртазалиев А., Султанов-Барсов М., 2013

© Изд.дом «Народы Дагестана», 2013

Содержание:

Глава 1	
КАДИРИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ.....	5
Глава 2	
УМАР-ХАДЖИ АНДИЙСКИЙ.....	21
Глава 3	
ОСНОВЫ ИСЛАМСКОЙ МИСТИКИ.....	32
Глава 4	
СВЯТОЙ ШЕЙХ УМАР-ХАДЖИ.....	54
Глава 5	
ЗРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ.....	58
Глава 6	
КАДИРИЙСКИЙ ТАРИКАТ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ.....	65
Глава 7	
ШЕЙХ УМЕР ИЛИ УШЕЛ В СОКРЫТИЕ?.....	74
Глава 8	
ИДЕЙНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ.....	80
Глава 9	
ПАЦИФИЗМ И ЧАС ВЕЛИКОГО СРАЖЕНИЯ.....	84
Глава 10	
ИСЛАМСКИЕ И КАНТОВСКИЕ АНТИНОМИИ. СПОРЫ О ПРАВЕДНОСТИ И ЗАБЛУЖДЕНИИ....	106
Глава 11	
ЕЩЕ РАЗ О ЧАСЕ ВЕЛИКОГО СРАЖЕНИЯ, МИСТИКЕ И ПОНЯТИИ «АБСОЛЮТ».....	118
Глава 12	
КАВКАЗСКАЯ ТРАГЕДИЯ.....	125

Глава 13	
ДЕЛА И ПОМЫСЛЫ МУРШИДА.....	131
Глава 14	
ЕЩЕ РАЗ О КАДИРИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ.....	139
Глава 15	
УМАР-ХАДЖИ АЛЬ-АНДИ	143
Глава 16	
СИЛА БЛАГОДАТНОЙ ЛЮБВИ ПРОТИВ ЖЕСТОКОСЕРДИЯ ВЛАСТИ.....	161
Глава 17	
ВОССТАНИЕ ОРЛОВ И КАРА ДРАКОНА.....	183
Глава 18	
АРЕСТ СВЯТОГО ШЕЙХА АЛЬ-АНДИ.....	191
Глава 19	
ПРОЩАЛЬНАЯ ПРОПОВЕДЬ ШЕЙХА.....	200
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	204

Глава 1

КАДИРИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Трагедия кадирийских мюридов произошла в первых числах января 1864 года. Умар-Хаджи Андийский (1834-1914), уже получивший к этому времени посвящение в таинство тариката от Кунта-Хаджи Кишиева (ок. 1830-1867), находился в паломничестве, в священных для мусульман городах Аравии - Мекке и Медине. В сердцах некоторых кадирийских мюридов до сих пор существует упрек в адрес Андийского Старца¹ за то, что не предотвратил эту трагедию силой своего карамата... Но, слава Всевышнему, этот упрек не из числа враждебных - напротив, он пронизан любовью к святому шейху, верой в то, что ему истинно была дарована Всевышним Аллахом сила творить чудеса... Но есть среди мусульман и такие, кто отрицает за этим шейхом чудодейственную силу и вообще институт святых в Исламе. Мы же полагаем, что

¹ Умар-Хаджи Андийский, или в арабской форме - Умар аль-Анди, в рапортах офицеров из военно-административного управления Дагестанской и Терской областей наряду с именем собственным значился еще как «Андийский Старец», «Андийский шейх». И, хотя ко времени пленения имама Шамиля Умар Андийский был молодым двадцатипятилетним человеком, его почитали как Старца даже се-добородые старики.

Здесь и далее примечания авторов, если не указано другое.

истина, как утверждал в своих проповедях Умар-Хаджи Андийский, где-то посередине, между миром явным (захир) и миром тайным (батын).

Как бы то ни было, Дагестан и Чечня, а вместе с ними и весь Кавказ остывали от жара войны, длившейся 47 лет (1817 - 1864) почти непрерывно. Горцы, все больше проникаясь громким зикром², уже не помышляли о сопротивлении окончательно установившейся на Кавказе власти Российской империи. Треклятая война значительно сократила численность горцев и довела до такого истощения, что уже не было никаких сил для сколько-нибудь серьезного сопротивления. Защита последнего очага кавказской свободы, мыслимой тогда еще горцами в категориях античного духа³, выпала на долю черкесского племени убыхов в урочище Кабааду (ныне Красная Поляна). Но и он будет разгромлен 21 мая 1864 г.

Эта бессмысленная и очень кровопролитная война, достигшая своего апогея, благодаря военновождистскому гению Шамиля Гимринского, ставшего имамом Дагестана, Чечни с 1834 года, а позже и Черкесии (фактически начал воевать с 1829 года в качестве мюрида первого имама Дагестана Гази-Магомеда), завершилась, как сообщают предания кадирийских мюридов, в точном соответ-

² Форма мусульманских мистерий, осуществляется многократным повторением имени Аллаха методом речитатива и/или распевания.

Здесь и далее примечание и интерпретации авторов, если не указано другое.

³ Категории античного духа в сознании кавказских горцев XIX века характерны синкретизмом мышления, отсутствием хитрости, восприятием справедливости в формах чести и совести, естественными формами демократизма. (См. Вольные общества).

ствии с предсказаниями двух святых шейхов: Кунта-Хаджи Кишиева и Умара-Хаджи Андийского - пленением имама Шамиля. И хотя весь образованный мир, интересующийся историей Кавказа, знает, что пленение имама Шамиля было почетным, в котором Император России Александр II показал миру не только силу русского оружия, но и беспрецедентное благородство русского духа, горцы, тяжело переживавшие исход Кавказской войны. И, несмотря на почетное пленение великого имама, воинствующий дух в горах Дагестана и Чечни продолжал будоражить умы горцев еще многие годы...

Мы, разумеется, не знаем в деталях предсказания святых шейхов, как и многое другое из их жизни и учения. Но все то, что сохранилось в памяти кадирийских мюридов и что удалось найти в военно-исторических архивах, в том числе частных архивах кавказоведов, мы обобщили в настоящую концепцию историко-религиозного очерка и попытались показать всё самое важное, сохраняющее острую актуальность в судьбе кавказских народов по сей день. А вопрос о том, насколько правдиво и квалифицированно мы это сделали, судить уже вам, уважаемый Читатель.

<...>

Шел 1864 год.

Четыре с половиной года Дагестан и Чечня прожили без войны. И в этом мирном течении времени была немалая заслуга шейха Кунта-Хаджи, принесшего на Кавказ из Египта учение кадирийского тариката, как утверждают исследователи-востоковеды самого распространенного в мире Ислама.

И хотя основы исламского пацифизма уже зрели в андийских селах как благодатные семена проповедей Умара аль-Анди, как свидетельствуют предания, с пятилетнего возраста (с 1839 г.), Кунта-Хаджи оказался первым, кто открыто объявил народу газават Шамиля бессмысленным. За эту пацифистическую дерзость Кунта-Хаджи был дважды доставлен к великому вождю кавказских горцев и допрошен в качестве подозреваемого в ереси. А в имама-те Шамиля казнили за куда меньшую провинность...

Первый раз Кунта-Хаджи с блеском выдержал шариатский экзамен. И великий имам Шамиль сказал о нем: «Он хороший алим (богослов); у него высокая степень познания маарифата⁴; попросите его не выступать больше против газавата и отпустите». Во второй раз Кунта-Хаджи был строго предупрежден о суровости наказания (смертной казни) за продолжение своих пацифистических проповедей, т.е. объявления газавата бессмысленным, и снова был отпущен. Тогда шейх, уже успевший заронить в сердца нескольких тысяч чеченцев и нескольких сотен дагестанцев зерна кадирийского учения, уехал в Аравию. Уехал, оставив некоторые предсказания об исходе Кавказской войны... И когда они сбылись (в 1859 году был пленен имам Шамиль), Кунта-Хаджи вернулся в Чечню летом 1860 года и с новой силой начал свои миролюбивые проповеди.

⁴ Маарифат (араб.знания) - в тарикате 3-я ступень совершенства правоверного мусульманина, следующая за шариатом (1 - ступень) как сводом религиозных, светских и уголовных законов, и тарикатом (2-я ступень) как религиозно-философском путем познания мира и духа

Русские офицеры из числа подлинно образованных оценивали его проповеди - как великую исламскую пацифистическую философию, заслуживающую всяческих похвал и поощрений. Было даже представлено предложение кавказскому командованию - взять шейха на государственное попечительство, установить ему жалование (зарплату), которое если и было предложено шейху, о чем у нас нет достоверных сведений, то вряд ли он принял бы из рук иноверной власти⁵. Он не принял материальную помощь даже от великого имама Шамиля, ибо был мистиком предельного аскетизма, отрешенным от всего мирского во имя Всевышнего и точно так же, во имя Всевышнего, наставляющим народ на мирный, созидательный труд.

Горцы, обделенные властью, измученные и разоренные многолетней войной, находили утешение в зикре и трудились на земле, сеяли хлеб, пасли скот, восстанавливали жилища, мельницы, кузни и прочие мастерские, разрушенные в ходе войны. Словом, обживались, кто как мог. Но, как показывает история, такой исход устраивал далеко не всех. И прежде всего, как бы удивительно это ни звучало, горскую знать, среди которой были духовные лица, видевшие в бессеребренниках Кунта-Хаджи и Андийском Старце серьезных конкурентов, могущих свести к ничтожному все их привилегии, в том числе получаемые от военной администрации.

⁵ Так за ничтожный талисман
От гроба Магомета взятый
Факиру дайте жемчуг, злато...
Закону строгому послушный
Он их отвергнет равнодушно
М.Ю. Лермонтов.

Народ толпами шел к мистикам-пацифистам, не замечая важные лица официального духовенства, которое и не думало об аскетизме.

Осенью 1863 года в адрес Кунта-Хаджи посыпались жалобы в военную администрацию Терской области, располагавшуюся во Владикавказе, куда территориально относилась Чечня. Святого шейха, как ни странно, заподозрили в подготовке восстания против власти Империи. И в холодный слякотный день 3 января 1864 года великий князь Михаил Романов распорядился арестовать Кунта-Хаджи вместе с его ближайшими мюридами, среди которых оказался и его брат Мовсар. Причем, это было сделано вопреки рапортам русских офицеров, сообщавшим военно-административному командованию, что проповеди Кунта-Хаджи способствуют умиротворению горцев, он настаивает на отрешении от мирской власти.

Ан-нет же! Решили арестовать шейха и выслать далеко на Север. Это не могло не взволновать народ. И хотя из тюрьмы шейх написал своим последователям, письмо в котором он настоятельно просил и требовал руководствоваться разумом, не предпринимать никаких действий для его освобождения из-под стражи, в Чечне развернулись досадные драматические события. Кунта-Хаджи разлучили с мюридами и втайне от всех, он один был направлен на вечную ссылку в город Устюжна в Новгородской губернии. А кто-то из мюридов, находившихся в группе арестованного Кунта-Хаджи, был странным образом освобожден из-под стражи. Он-то и рассказал с таинственным упоением «радость» кадирийцам о том, что шейх решил сотворить для

неверных такое чудо, которое отобьет у них охоту творить зло на их земле...

По словам этого мюрида, научившегося лишь распевать громкий зикр, выходило, что, когда конвойный отряд вывезет шейха за ворота Грозненской крепости, святой прочитает такую молитву, от которой порох неверных отсыреет, как если бы его залили водой. И, хотя среди мюридов наверняка были здравомыслящие люди, слух о готовящемся чуде против неверных быстро разлетелся среди горцев. Тех, кто осмеливался выражать по этому поводу сомнения, объявили маловерами (фасиками) и трусами.

В самом деле, чудовищно лживая «радость», кем-то умело заброшенная в толпу, сулила кадирийским мюридам перспективу уравниаться в шансах в бою с отрядами регулярной имперской армии, базировавшимися в крепости. В рукопашном бою, скрепящая сабли и шашки, горцы против войск империи имели весьма существенное преимущество, выражавшееся как в мастерстве сражения, так и в готовности погибать. Иначе Кавказская война не продлилась бы так долго. А что касается слуха о том, что святой шейх решил увлажнить порох урусов, то он мистически был созвучен знамени Аллаху, предваряющему последнюю эпоху мировой истории, после которой до самого Конец света на Земле будет царить мир и покой, ибо не останется в живых ни одного грешника.

Сам же Конец света будет ознаменован двумя трубными гласами ангела Исафила: первым протяжным гласом, который прокатится по всей земле, будет возвещено, что Аллах умерщвляет все свои живые творения, второй возвестит о воскре-

шении из мертвых и начале Судного дня. Но точное время наступления Конца света ведомо только Аллаху. Так же и наступление Часа великого сражения известно лишь Ему, Милостивому ко всем людям земли, невзирая на их греховность и праведность, но Милосердному за чертой смерти лишь к праведникам.

<...>

Час великого сражения правоверных с грешным миром вовсе не равен физическому часу времени, единице измерения календарных суток. Он может длиться сколь угодно долго, и лишь Одному Аллаху ведомо точное время его начала и конца. Так же Час последнего великого сражения может начаться где угодно, когда по воле Творца спустится с неба пророк Иса (второе пришествие Иисуса), да будет им доволен Аллах, и призовет он имама Махди (мир ему) на битву с Даджалом (Антихристом).

Ведь сказано в хадисах Печати пророков Мухаммеда, да благословит и приветствует его Аллах, в Час великого сражения самого большого грешника рода человеческого одолеет только имам Махди (мир ему), который родится непременно среди потомков пророка Мухаммеда, саллаллахи алейхи вассаллам.

В общем и целом, для того, чтобы навеянные шайтанами преимущества неверных, полученные ими от пороха и огнестрельного оружия, существенно превосходившего по качеству и разнообразию ружья и пистолеты горцев, в одночасье свелись на нет, кадирийским мюридам был нужен этот Час. И тогда исход сражения будет решен искон-

ной человеческой силой и отвагой на мечах и копьях, в рукопашном бою...

Но прежде, чем рассказать об этой трагической для кадирийских мюридов истории, необходимо сделать некоторое отступление. Во-первых, надо учесть, что чеченцы первые среди кавказских горцев начали усваивать премудрость учения великого имама Абдулкадира Гилани (или: Абд ал-КаDIR ал-Джилани (1077-1166)). Во-вторых, в силу особенностей чеченской ментальности (в данном аспекте равнозначной дагестанской, черкесской и др. северокавказским менталитетам) среди последователей Кунта-Хаджи существенно доминировали практические элементы мистики⁶, отодвигая на вторые и третьи позиции ее гностическую⁷, понятийную часть. Ну и в-третьих, сказывалось физическое истощение народа почти полувековой войной на способностях аналитического характера...

<...>

...Осенью, на исходе 1863 года, видимо, чувствуя грядущую беду, Кунта-Хаджи собрал большое собрание мюридов в селе Иласхан-Юрт. Дом и окружающие его улочки аула были заполнены прибывшими на зикр чеченцами, кумыками, андийцами и немногими аварцами из сел Ичичали и Килятли (Гумбетовский район).

⁶ Сверхъестественные, сокровенные (тайные) понятия; в Исламе строго различаются от канонических, соответствующих шариату, и неканонических, не соответствующих шариату.

⁷ Гностицизм - почти то же самое, что мистика (учение) и мистицизм (практика), разница лишь в том, что в термин «гностический» предполагает определенный уровень знаний (маарифат). Ниже по тексту в сносках более подробные интерпретации.

Им предстояла встреча с новым муршидом. Собраться в мечети они не могли, она еще не была восстановлена после разрушения в одной из стычек с карательным отрядом. Гренадеры, забросав гранатами, превратили ее в грудку камней. И, хотя любопытство распирало мюридов, никто не осмеливался прямо спрашивать у шейха, задать вопрос: «Кого же ты выбрал для нас в муршиды после себя?».

Шейх прочитал вопросы по выражениям их лиц и сказал:

- Я посвящаю в таинство нашего тариката того, в ком горит такая же искра божественных знаний и любви к Создателю, как у меня. И даже больше этого! Будьте уверены и приветствуйте его достойным приветствием, когда он предстанет перед вами. Ибо тот, кого я выберу, завершит многое из того, чего я не успею... Но Аллах это лучше знает. Ваш новый муршид, как и я, вкусит горечь несправедливости и гонений. Он подхватит знамя кадирийского тариката, выпавшее из моих рук, и понесет его дальше, исполняя волю Всевышнего Аллаха.

После этой речи шейх вместе с пятью мюридами поднялся на веранду второго этажа и велел убрать лестницу. Умар-Хаджи Андийский стоял в толпе мюридов за воротами... Кунта-Хаджи прочитал нараспев несколько коротких сур Корана и, сделав небольшую паузу, воскликнул:

- Ла иллаһа иллаллах!

Начался зикр.

Около ста человек видели, что на веранде всего шестеро - шейх и пятеро мюридов... Остальные, более четырехсот мюридов, толпившиеся на узких улицах, не могли видеть веранду и тех, кто на ней

начал зикр, но около сотни мюридов, находившихся во дворе дома, прекрасно их видели.

Ритмика, с которой распевалось имя Аллаха, в великой смыслообразующей форме (нет божества, кроме Аллаха), передавалась по цепочке толпившимся на кривых узких улочках мюридам. Вскоре все как один вошли в состояние таинственной мистерии. Имя Аллаха, распеваемое в едином священном порыве, разносилось далеко по окрестностям Иласхан-Юрта, радуя чистых ангелов и огорчая презренных шайтанов.

И вдруг, когда динамика зикра подходила к своей священной кульминации, среди хлопающих в ладони на веранде, словно из воздуха, появился Умар. Он исчез с улицы буквально на глазах мюридов и так же таинственно возник на веранде рядом с шейхом. А когда зикр закончился, во время паузы перед проповедью шейха по толпе пронесся шепот о чудесном перенесении в пространстве андийца по имени Умар.

Эта новость быстро разлетится по всей Чечне, Ингушетии, ряда сел Черкесии и Дагестана. А уже на следующий день слухи о левитации Андийского Старца достигнет ушей царской военной администрации. О нем и до этого ходили самые невероятные слухи, а теперь и вовсе имя молодого андийского Старца начнет окутываться туманом пугающего таинства.

Между тем Кунта-Хаджи сказал:

- Во имя Милостивого и Милосердного Аллаха!

Я должен сообщить вам, братья, имя вашего нового муршида! По воле на то свыше, святому видению со страниц аль-Куръана, я назову вам сейчас его имя. Это Умар Аль-Анди!

Шейх выдержал паузу, во время которой мюриды шептали молитвенное благодарение Аллаху.

- Слушайтесь и повинуйтесь ему по зову сердца. Он не будет выносить для вас решения по шариату. Он, как и я, не служит никому из земных правителей: ни мусульманским, ни тем более иноверным. Но алимы, выносящие решения по священному шариату, должны следовать советам муршида. Советы муршида наполнят ваши умы и сердца священными знаниями маарифата, оградят от поступков, навлекающих беду. А если кто из вас достигнет уровня ишка - неописуемо райского чувства любви к Творцу вселенной, Господу обоих миров, - то он, ваш новый муршид, возвестит нашему братству об этом.

Слушайтесь его, как слушались меня. И даже больше этого! На него указывают мне святые авлия и ангелы Аллаха, как на достойнейшего из достойных. И помните, тарикат - это не воинство, где даются приказы убивать и погибать, а братство священное, в которое люди вступают добровольно, в соответствии со своей акидой⁸ и зову сердца, дабы была помощь в очищении нафса⁹.

Аллаху угоден мир на нашей многострадальной земле. Так не будем же завидовать тем, кто ослеплен земным богатством, грешными благами и немилосердной властью! Пусть неверные насытятся ими вдоволь, а нам оставят нашу священную веру и мирный труд на земле, чтобы было чем кормить свои семьи.

⁸ Араб.: 1) убеждение; 2) Догмат, священный закон, не подлежащий изменению.

⁹ Араб.: характер и натура, комплекс пристрастий, психофизические элементы.

- Инша Аллах! Рабби Аллах! - звучало со всех сторон.

<...>

После таинства посвящения в муршиды об Умаре-Хаджи стали говорить уже как о настоящем волшебнике, способном поражать врагов простым движением посоха или магическими заклятиями. Ему даже приписывали буквальное влияние на хищных зверей, разбойников и царские войска... Но сам Умар-Хаджи, конечно же, не одобрял такой буквализм и всячески просвещал людей, предостерегая от греховного невежества и призывая к просветленной вере.

Поистине Аллах ничего не меняет в жизни людей, пока они сами не поменяют все то плохое, неодобряемое на хорошее, дозволенное свыше.

<...>

И вот, 3 января 1864 года, после распоряжения князя Романова, разыгралась чудовищно несправедливая драма.

Толпа, примерно из тысячи вооруженных мюридов, собравшихся из разных сел, двинулась поближе к крепости Грозная, в которой располагалась военно-полевая администрация с несколькими карательными батальонами. Но до того, как ринуться к крепости, кто-то ночевал в окрестных селах, а кто-то прямо на поле, под январским небом, укутавшись тулупами и бурками. Они следили за дорогой, по которой предполагали этапирование во Владикавказ святого шейха, чтобы затем оттуда отправить в далекую ссылку.

Среди горцев не было командира, не было у них и ясного плана, ни даже злого умысла. Лишь отчаяние двигало ими. Горцы просили военную администрацию о справедливости к их шейху, умоляли освободить его из-под стражи. И несколько дней мюриды ждали ответа. Но военная администрация Чечни не спешила с разъяснениями. Она как будто ждала, пока отчаяние не толкнет зикристов (так часто называли кадирийских мюридов русские офицеры, а затем и сами мюриды) на безумный поступок. А тут еще слухи о готовящемся святым шейхом чуде стали нарастать. Мюриды наперебой рассказывали друг другу, что «Кунта-Хаджи увлажнит урусам порох одной священной молитвой. И тогда ни одно ружье не выстрелит. Пистолеты, гранаты и пушки урусов станут бесполезными. А в рукопашном бою мы их одолеем, инаша Аллах, легко!»

Из крепости прискакали навстречу к мюридам два кавалериста и сказали, чтобы к полудню направились к крепости своих старших. А когда делегация старших мюридов приблизилась к крепости, им навстречу вышел взвод офицеров, которые в грубой, ультимативной форме потребовали забыть о шейхе и расходиться.

- Если даже ваш шейх святой, вы его больше никогда не увидите! - доводя, итак возмущенных несправедливостью горцев до отчаяния, бросил им в лицо кто-то из офицеров, и взвод ускакал обратно в крепость.

Отчаяние чеченцев не заставило себя долго ждать. Силы терпеть эту наглость уже не было, хотя каждый из горцев знает: терпение (сабр) - ключи от рая. Мюриды двинулись на крепость. Кто-то по дороге крикнул:

- Бросайте лишний груз! Ружья и пистолеты нам будут мешать рубить гяуров саблями! Аллаху акбар! Их порох уже отсырел! Их ружья и пушки ничем нам не повредят...

И точно! Экзальтированная¹⁰ праведным гневом и вместе с тем одурманенная чьей-то злой шуткой толпа побросала на землю ружья и пистолеты, оголила сабли и кинжалы и ринулась на осаду крепости. Шеренги солдат подпустили мюридов на тактически оптимальное расстояние и дали артиллерийский залп. Мюриды кинулись в атаку, сквозь свист и взрывы пушечных снарядов и в аккурат нарвались на шквальный огонь картечью. Сумевших приблизиться к крепости встречали гранатами гренадеры.

Словом, порох, как и прочие части огнестрельного оружия русских, оказались в полной исправности. И лишь немногие из отчаянных мюридов сумели прорваться сквозь свинцовый град на дистанцию рукопашного боя, с которой враг был досягаем для сабли и кинжала. Около сорока солдат и офицеров были зарублены в этом досадно-трагическом бою. Мюридов же погибло более четырех сотен, среди которых оказалось и два десятка женщин, переодетых в черкески. Много раненых попало тогда в плен. И лишь совсем немногим удалось спастись бегством. Но вот, насколько хорошо гор-

¹⁰ ЭКЗАЛЬТАЦИЯ, жен. (лат. exaltatio) (книжн.). Восторженное, крайне возбужденное состояние. Находиться в экзальтации. Болезненная экзальтация. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940.

Арабский эквивалент экзальтации - муфритат (ун)от глагола «аф-рата»- чрезмерная эмоциональность, возбужденное, затмевающее разум состояние.

цы усвоили этот урок, сказать трудно... Зато известно доподлинно, что Умар-Хаджи Андийский часто припоминал особо ретивым горцам этот случай. Особенно тогда, когда просили его возглавить восстание, на что он сокрушенно восклицал:

- Сколько же муминов (правоверных мусульман) должно еще погибнуть от пуль, а детей, женщин и стариков - от холода и голода, чтобы вы наконец услышали священное слово Аллаха о разуме, дарованном человеку, чтобы облагораживать жизнь, а не губить ее понапрасну!

Глава 2-я

УМАР-ХАДЖИ АНДИЙСКИЙ

Умар-Хаджи Андийский - шейх кадирийского тариката, один из выдающихся мистиков в истории Кавказа. Характерными чертами его учения в рамках канонического Ислама были удивительно тонкое сочетание рационального с иррациональным, посредством которых только и можно приблизиться к Золотой середине, где непременно сверкает своими алмазными гранями истина.

Для себя он практиковал исламскую форму аскетизма, выражающуюся нестяжательством или отрешением от мирских благ, имущественных прав и беззаветным преданием себя Всевышнему.

И, хотя в академической науке нет о нем специальных исследований, есть основания рассматривать мистические практики Умара-Хаджи Андийского как вошедшие в анналы мусульманских мистерий во многих районах Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабарды, Балкарии. И, как оно водится в исторической практике, мистические проекции Умара-Хаджи в сознании верующих получали свое самостоятельное развитие. Отсутствие же академических исследований о нем объясняется, главным образом, устным характером мистических знаний и практик этого шейха, тем, что называется «при-

оритетом сокровенной добродетели». То есть он был из тех, кто старался не афишировать свои добрые деяния.

Умар-Хаджи принадлежал к племени мусульманских мистиков Кавказа, довольствующимся тем, что Аллаху ведомы его добрые деяния, а потому нет нужды выставлять их напоказ. В этом смысле его историческая личность может служить примером противовеса тем религиозным деятелям, которые известны в народе корыстью, стяжательством, большим материальным состоянием и стремлением выставлять свои добродетели напоказ, умножая тем самым в душах верующих зависть, гордыню, кичливость, вражду.

- Пусть твоя левая рука не знает о том, что доброго совершает правая, - наставлял он людей. - Все, что ни делается, все должно делаться во имя Аллаха, но ради муиминов...

В этом смысле понятие «муимины» (мн. число) означает не только «правоверные мусульмане», но еще мусульмане законопослушные и в силу своей законопослушности (нестяжательства) пребывающие в бедности и заслуживающие со стороны более имущих снисхождение, помощь. Это очень важно понимать для осознания исламской этики вообще и особенностей мировоззрения Умара-Хаджи Андийского в частности.

- Мы трудимся и терпим лишения во имя Аллаха, но ради людей, ради того, чтобы мусульмане отстранялись от запретного и, умножая дозволенное, пребывали в мире и благополучии. Он же, Творец всего сущего, ни в чем не нуждается, ни от чего не питается, но Миры питаются от Него, нуждаются в Нем. Он есть Истина и сам является причиной Сво-

ей Истины. Он Один Славный, Великий, Милосердный, Властный, Кроткий, Гневающийся, Прощающий, объемля эти имена без преград. Миры имеют преграды, но Он их не имеет, а потому и не существуют миры иначе, как по Его священной воле и замыслу...

Все, что известно об учении Умара-Хаджи Андийского, дошло до нас в пересказах мюридов из поколения в поколение, а также в письмах самого шейха и его сторонников. Также существуют заметки о содержаниях его проповедей, написанных сельскими муллами на полях Корана¹¹, в отдельных письмах, рапортах и воспоминаниях русских офицеров, сталкивавшихся с ним на тропинках неспокойного Кавказа, а затем еще и в ссылке, к которой он был приговорен военной администрацией Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре.

С отрочества пошла о нем молва в народе как о кудеснике божьем, отмеченном таинственной благодатью (кири - на дагестанских языках; саваб - на арабском). И, конечно, как всякая молва, слухи об отроке из селения Анди приумножались, искажались, обрастали все новыми и новыми историями, одна причудливее другой. У одних образ шейха вызывал тревогу, у других - любопытство, но большинство горцев видели в лице Умара-Хаджи надежду на защиту от несправедливости.

Однако, ожидая от святого защиты от несправедливости, люди часто забывали о справедливости по

¹¹ Вплоть до второй половины XX века в горах Дагестана существовала практика заметок на полях Корана, куда вносились значительные для владельца экземпляра священной книги заметки, даты, изречения. Эта практика объяснялась дефицитом бумаги и синкретизмом сознания.

отношению к святому, словно и не человек он вовсе, а всесильный посредник между Аллахом и его рабами.

Умару-Хаджи даже приписывали буквальное влияние на хищных зверей. Люди произвольно искажали тексты молитв, которые он читал по поводу затерявшегося в лесу домашнего скота, о благополучии людей, оставшихся ночью в пути без огня и крыши над головой.

Умара-Хаджи печалила молва о нем, в которой люди по невежеству впадали в противные шариату суждения по частным вопросам и вероубеждения в целом. В Коране запрещены магические практики и всякое колдовство, но дозволены мистические практики, совершаемые в точном соответствии с шестью канонами веры: в Аллаха, ангелов, книги, пророков, судный день и предопределение.

Мусульманин имеет право обращаться к Создателю со своими самыми сокровенными мыслями, просьбами, мольбами, если только в них не содержится ничего греховного, преступного, идущего вразрез с законами шариата. И, если какие-то просьбы, мольбу Аллах принимает, сбывается что-то, свершается нечто, не объяснимое умом, это еще не говорит о магии и колдовстве, ибо дано мусульманину право просить у Аллаха, а Всевышний дарует блага, кому пожелает.

Но сколько ни объясняй людям тонкости веры во Всевышнего, невежество в людях неистребимо, как само естество, приобретающее ценность лишь в соотношении со степенями развития мыслящего духа.

Если какие-то прошения, обращения, чаяния в молитвах к Аллаху сбываются или в немощем че-

ловеке вдруг зажигается таинственная сила духа, и он совершает действия, непосильные даже богатырям, то и это не говорит о магии или колдовстве. Это могут быть маленькие знамения Аллаха, свершаемые Им для разумеющих, искренне предавшихся истинной вере. Потому и твердил Умар-Хажи неустанно о шариатском запрете искать, размножать и передавать сирруман¹². В науке это называется «техникой бесконтактных рецептов». Многие страны и больше всего США тратят на освоение и разработку этой таинственной части человеческих возможностей баснословные средства, содержат целые институты для исследований бесконтактных рецептов. И если даже исходить из позиции вероучения Ислама, признающей реальное существование магических и колдовских практик, то совершаемые святыми шейхами чудеса не имеют с ними ничего общего.

Но разве всем объяснишь! Люди во все времена мечтают заполучить скатерть-самобранку, сапоги-скороходы, ковер-самолет. А видя, сколь категоричен в своем осуждении «искусства» творить чудеса святой шейх, люди шептались между собой, вопрошая друг у друга:

- Как же тогда он сам овладел этим чудесным искусством? Не иначе, он ревнует чары к людям, хочет единолично ими владеть.

- Для чего? - возражали другие. - Он же не пользуется мирскими благами.

- И то верно! Какие бы дары ему ни подносили, он все раздает людям.

¹²Араб.: искусство и методы производства чар, умение использовать чудодейственные силы.

- Он и в отрочестве осуждал стремление людей к таинствам, позволяющим совершать чудеса...

- Он никогда не садится на коня, осла или телегу, всюду ходит пешком, прихрамывая и вознося хвалу Всевышнему за каждый прожитый день...

- Он восхищается каждой травинкой, птичкой, животным, считая уже одно их наличие на земле великим знамением Аллаха.

Сам же Умар-Хаджи, желая внести ясность в этот очень тонкий и сложный вопрос, пояснял людям так:

- Истинный карамат¹³ никогда не передается от человека к человеку. Он может быть лишь дарован Всевышним тому, кому Он пожелает. Никакой шейх не в силах сделать из кого-то волшебника. Всё то, что говорят люди о сиррумане как об искусстве чар, которое можно передать от мастера ученику, есть неугодное Аллаху искусство колдовства. Не приближайтесь к этому, если не хотите оказаться в числе гневящих Аллаха!

Люди внимали Умару-Хаджи с превеликим интересом, а большая часть из них все же следовала его наставлениям. А наставлял он о следующем:

- Шейхи истинные, владеющие караматом, владеют им только от Аллаха. И если кому-то из шейхов дана такая сила духа (рух), то не для того, чтобы он разжигал в людях нафс (напомним: нафс – это совокупность страстей, желаний, психологизмов). Напротив, мы должны подавлять в себе наш нафс,

¹³ Феноменальные способности правоверного творить чудеса, нечто выходящее из ряда естественного, то, что невозможно объяснить средствами науки. Эти способности могут расходиться с канонами Ислама, но так же могут и соответствовать им.

не позволять страстям брать верх над разумом и добродетельными чувствами.

Обо мне рассказывают много странного. Приписывают то, чего я никогда не делал и не могу делать, ибо я такой же раб Аллаха, как и все вы. Владею ли я караматом (таинственной силой)? И могу ли я по своему желанию взять и удивить вас каким-нибудь чудом? Нет, братья мои, не владею я караматом и удивить вас чудом не могу. Никто из людей, ангелов и джинов не в силах владеть и удивлять, кроме как с соизволения Аллаха. Я так же, как вы, прошу о милости.

Если же вы на каждую свою мольбу ждете от Аллаха явного отклика, непременно воплощения в жизнь ваших чаяний, то это неразумно и даже грешно. Аллах - Господин обоих миров. Он дарует счастье, кому пожелает, и оберегает от бед, кого пожалеет. И все, что ни случается с нами, есть лишь Его священная воля. Но вот право выбора между хорошим и плохим, благородным и низменным, Он, Аллах Милостивый, оставляет за нами. Так давайте же будем выбирать дозволенное.

Казалось бы, в этих словах шейха нет ничего сложного для понимания. Но, поскольку каждый верует лишь в то, во что хочет, или в то, к чему способна восходить душа, возникают поразительные странности. Встречались шейху и такие малове-ры, которые пытались заключить с ним уговор о том, чтобы поучиться у него искусству чар (колдовству или, говоря языком современной науки, паранормальным приемам) специально для того, чтобы мстить своим кровникам и вообще не угодным им людям. За тоненькую книжицу по наведению порчи, ворожбе, умножению богатства, толкованию

снов во второй половине XIX века в горах Дагестана и Чечни платили двумя дойными коровами или дюжиной овец. И адаптированное арабское слово «сирр у-ман» (искусство тайного или умения творить чудеса) было очень популярно.

Одного из таких «мстителей» пожалел Умар-Хаджи и научил одобряемому Аллахом методу мести. Это был благородный метод, но о нем мы расскажем позже, в главе «Зрячее сердце». А здесь важно заметить, что Умар-Хаджи порицал любые магические и колдовские практики. Он наставлял людей в точном соответствии с фарзом¹⁴ Аллаха как прямым Его повелением для уверовавших и сунной Пророка (с.а.в.) как примерами, необходимыми для понимания и исполнения фарза.

Но не все так просто с разумением человеческим.

Даже крупные алимы (богословы) слишком часто вступают в противоречия друг с другом, когда речь заходит о соотношениях фарза и сунны, о должествовании мнений о мироустройстве, богослужебных ритуалов и светской стороны жизни. Так же проблемными, с точки зрения фарза, являются вопросы, касающиеся определения газавата как праведной войны против неверных. В этом смысле шейх кадирийского тариката Умар-Хаджи Андийский существенно развил учение своего пред-

¹⁴ Араб.: прямое повеление Аллаха для мусульман; фарз выражается в комплексе обязательных представлений о мире и ряде богослужебных ритуалов. Первой, фундаментальной позицией мусульманина, на которой выстраивается мировоззрение, является аш-шахада: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед – Его раб и посланник», из которой вытекает исламский монизм (монотеизм, единобожие; араб. таухид).

шественника Кунта-Хаджи Кишиева и оставил в истории Дагестана бесценный след духовно-мистической практики, которая способствует наилучшему решению важнейших вопросов Ислама.

И хотя наследие Андийского Старца игнорируют академические ученые и даже ряд духовных лиц, уже одно то, что с развалом СССР в Дагестане и Чечне стали повторяться ровно те же религиозно-политические ошибки, которые совершались в XIX веке, говорит о необходимости обратить самое серьезное внимание на наследие этого муршида.

«Шейх мира и согласия», - писали об Умаре-Хаджи русские офицеры в своих рапортах, когда решался вопрос об осуждении его на ссылку. Не будет преувеличением, если сказать, что историческая личность Умара-Хаджи Андийского является важным примером для удержания Северного Кавказа от повторной Кавказской войны. Его пример существенным образом дополняет здравый смысл и еще до начала войны убеждает честных людей в том, что если она вспыхнет повторно, то кровопролитие будет еще более бессмысленным и не угодным Аллаху. Война отбросит мусульман назад, к средневековому варварству. А в условиях варварства легко уживаются обязательные пятикратные намазы с вопиющими формами уголовных преступлений, которые вот уже много лет демонстрируют на Кавказе определенного типа люди. Недавняя история Чечни тому яркое подтверждение...

* * *

Мы, конечно, далеки от мысли представить настоящую книгу как комплекс методов и средств

решения проблем веры и знаний, но надеемся на то, что ряд затронутых здесь вопросов вызовет у читателей живой интерес к теме кавказского кадийского учения. Уже одно то, что это учение отличается от прочих религиозных доктрин в Исламе¹⁵ (салафизма, тафризма¹⁶ и мн. др.) наличием регулятивного пацифизма говорит о его чрезвычайной важности.

Но почему регулятивного? А потому, что пацифизм, как и любые другие понятия и концепции в Исламе, регулируются, исходя из их соответствия Корану и Сунне, концентрированной сутью которых является шариат. Также шариат есть универсальный узел всей исламской проблематики, распутать который до сих пор не могут богословы сун-

¹⁵Ислам - как религиозное вероучение с конкретными источниками (Коран и хадисы) де-юре есть учение единое (холистическое), не раздельное, не сводимое ни к одной из крайностей и тем более во множественном числе, крайностям. Это положение даже не оспаривается. И в данном случае речь идет о «регулятивном пацифизме» в Исламе как об одной из методических доктрин, имеющих перспективу развития до степени методологии. Это в свою очередь зависит от теоретической систематизации.

Дело в том, что Аллах не создал для мусульман отдельные природные условия, а подчинил их тем же естественным законам, что и всё человечество. То есть в вопросах политики, производства, развития, регулирования всевозможных общественно-государственных и дипломатических отношений, с точки зрения шариата, совершенно правомочно пользоваться методическими доктринами.

Другой вопрос, как понимать и толковать шариат. Понятие «методика» в данном случае обозначает такую же знаниевую дисциплину, при помощи которой изучаются и другие популярные в системе исламских религиозных знаний дисциплины: тарих (история), тафсир (толкования), таухид (монизм, единичная основа бытия), фикх (юриспруденция), грамматика, математика и т.д.

¹⁶Собирательная типология крайне фанатичных мусульман, характерных тем, что по всякому, даже незначительному, поводу они выдвигают обвинения против единоверцев в вероотступничестве.

нитов, шиитов, исмаилитов и др. ответвлений Ислама. И что характерно в этом вопросе, так это наличие твердой доброй воли всех мусульманских направлений прийти к единому согласию на основе Корана и Сунны. Только почему-то достичь вожделенного согласия пока не получается.

И последнее в этой связи.

В самом деле, ведь только через унификацию (объединение) общественных воззрений в единую научно-религиозную парадигму можно решить задачу войны и мира, и, непременно, в пользу мира.

Глава 3-я

ОСНОВЫ ИСЛАМСКОЙ МИСТИКИ

Понятие «мистика» среди мусульман Российской Федерации до сих пор не институализировано¹⁷. Отсюда возникают несколько рядов религиозных проблем на Северном Кавказе, в Татарстане и других регионах страны. Институализация (узаконивание чего-либо) понятия «мистика» совершенно необходима как для формирования единомыслия среди верующих, так и для недопущения усугубления религиозного раскола.

Мы убеждены в том, что согласие по вопросу о том, что есть мистика, снимет с повестки дня противостояния среди российских мусульман многие проблемные вопросы и позволит сблизить позиции сторонников Духовного управления и «чистого» Ислама. Ведь в конечном итоге все стоят на фарзе и сунне, или иначе, на Коране и хадисах. А мисти-

¹⁷ Институализация – 1) процесс закрепления общественных (политических, социальных, экономических, духовных) отношений в нормах (правилах, санкциях и т.п.) права и (или) морали; 2) формализация и упорядочение процессов производства, организации политических отношений, ведущие к воспроизводству политической системы общества, воспроизводству сложившихся общественных (политических, социальных, экономических, духовных) отношений.

Политическая наука: Словарь-справочник. сост. доктор пол. наук Санжаревский И.И.. 2010.

ка, точнее, таинственные знания об этой невидимой стороне бытия, необходимы для верного восприятия тафсиров (толкований Корана и хадисов).

Но, говоря об исламской мистике, наверное, прежде необходимо условиться в понимании самого Ислама во всей его градации¹⁸ (на арабском читается примерно как «джархат»). А говоря о градации Ислама, мы фактически говорим о вопросах и ответах на самые разные темы личностной и общественной жизни мусульман (политики, экономики, науки, культуры, юриспруденции, социальных сфер, производства и распределения материальных благ и услуг). И прежде всего о том, что Ислам ниспосылался в Коране на протяжении 23 лет частями (аятами и сурами). Затем содержание Корана подкреплялось хадисами, собиравшимися святыми сподвижниками пророка Мухаммеда, да благословит и приветствует его Аллах, алимами и имамами на протяжении нескольких веков. Также в понятие «градация Ислама» с логической правомочностью входят тафсиры Корана и хадисов и канонические книги по шариату.

Ислам (араб.: покорность, мир, вселенная) - небесная религия, ниспосланная пророку Мухаммеду (с.а.в) в виде необъяснимого умом откровения Всевышнего Аллаха, Куръана (араб. букв. Читай).

¹⁸ Градация - 1) Постепенность, последовательность перехода от одного к другому с усилением или ослаблением проявления какого-либо признака, действия; разделение какого-либо процесса на ступени, стадии, этапы. 2) Расположение ряда слов в порядке нарастания или ослабления их смыслового и эмоционального значения как стилистический прием. Толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой.

Те мусульмане, которые знают, что в Коране не содержатся конкретные указания на обязательность ежедневной пятикратной молитвы и что они даны в хадисах пророка Ислама (с.а.в.), - более состоятельны в градации ислама, нежели те, кто об этом не знает. В Коране нет молитвы ат-тахияту, совершенно необходимой для выполнения прямого повеления Аллаха (фарза)- намаза.

Поэтому канонический статус Сунны (Хадисов) является высоким, приближенным к Корану более, чем любые другие книги вероучения Ислама. Ведь без Сунны пророка (с.а.в.) как совокупного комплекса образцов исламского богослужения нет возможности выполнять фарз надлежащим образом. Отсюда и возникла необходимость для святых имамов и алимов писать тафсиры как для Корана, так и для Сунны (хадисов).

Из всех многочисленных религий на Земле, претендующих на чистоту единобожия (Иудаизм, Христианство и др.), скажем политкорректно, Ислам представляет собой самую последовательную форму монотеизма. Ислам категорически отвергает политеизм и его элементы. Но в этой части религиозного сознания, в вопросах отвержения политеизма и его элементов, российские мусульмане часто впадают в крайности из-за того, что игнорируют понятия: «мистика», «догматика», и даже «богословие» и нек. др. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет мусульман к нарушениям священной исламской логики (мантык)¹⁹. Но поскольку в ос-

¹⁹Мантык (араб.) - логика, наука о правильном мышлении. Логика Ислама - боговдохновенная силлогистика (построение суждений). Разрабатывалась арабскими перипатетиками на основе аристотелевской логики.

нове всякой религии лежит мистика - ощущение сверхреального вопреки реальному - то неизбежно возникают системные противоречия не только между такими разными формами религий, как монотеизм и политеизм, но еще и внутри каждой религии, каждого сложно образованного акта мышления или действия (Аль-Фараби, Ибн Рушд).

В этом смысле знаменателен общеизвестный хадис пророка Мухаммеда (с.а.в.), в котором говорится, что мусульмане разделятся на 73 течения, христиане - на 72, иудеи на - 71. Но так как сект и направлений значительно больше, атеисты и маловеры пытаются контраргументировать этот священный хадис. Они указывают на то обстоятельство, что конфессий в Исламе, Христианстве и Иудаизме значительно больше, чем указано в хадисах. Для них, с позиции канонического Ислама, существует однозначный ответ: важно не то, сколько насчитали, а то важно, по каким критериям определяли, что есть конфессиональное течение...

Логика как объективная наука восходит к формальной логике Аристотеля. Эта дисциплина познания, перенятая мусульманскими мыслителями из античных источников, красноречиво указывает на рациональный характер Ислама, но лишь в тех вопросах, которые могут быть силлогизированы, т. е. построены доступными эмпирическими понятиями, суждениями и умозаключениями. А в тех вопросах мира, которые недоступны опытным знаниям, исламская логика (мантык) объективно (независимо от людей) переходит в форму иррационального мышления и производит суждения/умозаключения дискретно, минуя опытные знания, что вполне правомочно с т. з. концептуальной логики и спорно с т. з. формальной логики. Единственным же условием соблюдения принципов исламской логики остается вопрос о классификации реалистического (земного, опытного - см. эмпиризм) и мистического (иррационального, сверхреального, потустороннего). В этом смысле, наивысшим актом мистики является вера в Аллаха. И, соответственно, благодаря мистической природе веры в Аллаха, она оказывается вне конкуренции с теоретическими и техническими науками, т.е. несравненно выше науки.

Так же для верного понимания учения Умара-Хаджи Андийского и его предшественника Кунта-Хаджи Кишиева важно понимать, что есть мистика и какую роль она играет в религии, религиозном сознании верующих.

* * *

Мистика есть основная дефиниция любой религии. Вне мистики нет ни одной религии, включительно антропоцентрических (буддизм, ламаизм и др.), политеистических (индуизм) и даже атеистических²⁰, которые, как ни странно, тоже встречаются в нашем не постижимом до конца мире.

Основами мистики (араб. ат-тассавуф, батиният) в Исламе являются вера в существование сокровенного (тайного; араб. сирр или сихр) и, соответственно, знания о сокровенном. Также в арабском языке имеются и другие слова - термины для обозначения мистики, например, «гумудия». Мистерия (тасбих и зикр - элементы исламской мистерии) на арабском звучит примерно как «масрахия диния». - Но, поскольку нет общего согласия по определению и институализации понятия «мистика» и, соответственно, «мистерия», противники суфийского метода богослужения (салафиты) тасбих принимают на веру, а зикр отвергают. Тасбихом называют наиболее частную (индивидуально про себя или шепотом) форму возвеличивания Аллаха, которое выражается в повторении по 33 раза слов «Субханаллах», затем - «Альхамдулиллах» и наконец - «Аллаху акбар».

²⁰Weightman 1998, pp.262-263 (Википедия, Индуизм).

Зикр - тоже многократное произнесение имени Аллаха. Разница лишь в том, что тасбих не сопровождается особыми ритмическими движениями, динамизмом, а зикр сопровождается. Но в то же время надо знать, что тасбих и зикр, имея одну единую священную форму основанную на нияте, или, говоря научным языком, интенции²¹, отличаются друг от друга только в формах мистерии. Зикр может приводить правоверного в экстаз²², транс²³. Но и тасбих приводит человека в экзальтацию, иначе,

²¹Интенция - намерение, страстное желание, предрасположенность к каким-либо действиям, помыслам. Понятие И. эквивалентно исламскому понятию «нийат», разница лишь в некоторых дефинициях.

²²ЭКСТАЗ (от греч. - смещение, перемещение, исступление, восторг), термин др.-греч. философии, одно из осн. понятий неоплатонизма. В своём первонач. значении слово Э. означало, в частности, переход от нормального состояния к ненормальному (как в телесном плане - напр., «вывих», так и в душевном - «исступление», «помешательство» и т. п.). В значении «перехода» слово Э. употребляется, напр., у Аристотеля: «всякое движение есть Э. движущегося» («О душе» 406 b 13). Платон употребляет слово Э. при описании сверхумного созерцания, когда душа, отбросив всё чувственное и интеллектуальное, возвышается над сферой бытия-ума (нуса) и в некоем восторге и воодушевлении непосредственно соприкасается со сверхбытийным единым («Эннеады» У1 9, 11, 23). Э. предполагает предварит. очищение души (катарсис), прошедшее все этапы добродет. жизни и возвысившейся над «хороводом добродетелей» (VI 9, 11, 17). Платоновское понимание Э. было воспринято последующими неоплатониками (Порфирий, Прокл), а также патристикой (ПсевдоДионисий Ареопагит, Августин). Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.

²³Транс (от фр. transir - оцепенеть, от лат. transire - переходить границы чего-либо) - ряд изменённых состояний сознания (ИСС) [1], а также функциональное состояние психики, связывающее и опосредующее сознательное и бессознательное психическое функционирование человека, в котором, согласно некоторым когнитивистки-ориентированным трактовкам, изменяется степень сознательного участия в обработке информации.

тасбих будет механическим, формальным, лишенным мистического проникновения в предмет своей веры. Некоторые исследователи религиозных феноменов находят в формально-механических ритуалах вероисповедания аналогии с материалистическими воззрениями на мир.

Но как бы то ни было, просвещенно верующие воздерживаются в зикре от вхождения в экстаз и транс, а в ходе чтения тасбиха воздерживаются от экзальтации. В то же время, сегодня в мире чистой науки о человеке и его скрытых возможностях (психологии, антропологии, гипнологии и др.) такие феномены, как экзальтация, экстаз и транс уже стали предметами и/или методами построения новых сверхтонких технологий управления обществом посредством манипуляции бессознательного. Существует множество тезисов о том, что уже в 21 веке оружие массового поражения уступит место технологиям манипуляции бессознательного. И не случайно в ряде секретных работ по этим технологиям отмечается существенное преимущество суфийских шейхов, в том числе кадирийского тариката.

Знания о сокровенном (мистическом, тайном), как об этом многократно говорится в Коране, строго ограничены Аллахом не только для людей, но и для ангелов, джинов и шайтанов. В то же время надо понимать, что Аллах ограничил своей волей не только сокровенные (мистические) знания, но и земные, реалистические, то есть любые обыденные, научные, военные, медицинские и т. п. знания.

Википедия (ru.wikipedia.org/wiki/Транс (психическое состояние)).

У природы, как объективной (физической), так и субъективной (человеческой), нет свойства что-либо готовое производить одним актом. Этим свойством или качеством обладает только Один Аллах. То есть продукты цивилизации (теории, практика, техника и т.д.) скапливаются на протяжении веков мелкими деталями, а решенное Аллахом возникает в бытии в том виде, в котором оно (возникающее) соответствует Его священному замыслу.

Тем не менее, в числе всех видов знаний мистические являются особыми, пролегающими по тонкой грани между дозволенным и запретным (халялом и харамом). И когда у мусульман не остается ничего в физической плоскости для сопротивления злу, а жизнь народа становится невыносимой, появляются такие мистики, как Кунта-Хаджи Кишиев и его преемник Умар-Хаджи Андийский. Они, святые шейхи, удерживают народы от совершения роковых ошибок, показывают путь к успеху в этой жизни и в жизни вечной за чертой смерти, как многократно сказано в Коране.

Уже одно то, что человек верит в реальность жизни после смерти, является актом мистического характера. Да и вера во Всевышнего Творца, ангелов, книги, пророков, судный день и предопределение была бы совершенно невозможна без веры в реальность жизни после смерти, то есть без признания мистической стороны мироздания.

Следовательно, каждый правоверный мусульманин (суфий, салафит, хариджит, шиит, такфирист и все др., идентифицирующие себя с Исламом) является мистиком. Разница лишь в уровне мистических знаний и практик правоверного, в зависимости от которых логично признавать человека мистиком или не признавать.

Мистик - это значит очень многое. Здесь важно учесть прилагательное, отвечающее на вопрос: «Какой мистик? Исламский? Христианский? Оккультный? Или еще какой-то?» В этом смысле статус «мусульманского мистика» для просвещенно верующих мусульман является священным званием, куда более значимым, чем статусы «профессора» и «академика» в официальной науке. Уже одно то, что чистых мистиков в истории Дагестана и всего Кавказа было очень немного, говорит о значимости этого индивидуального человеческого качества, возможного только при условии беззаветного предания себя Всевышнему.

К основным элементам исламской мистики также относятся обязательные и дополнительные намазы, в том числе коллективные и пятничные, дуа (тасбих и зикр, как уже говорилось выше), чтение Корана, паломничество в Мекку (хадж и умра), размышления о вечном, непреходящем, о рождении и смерти, и о том, что ожидает человека в потустороннем мире.

Дополнительными и вспомогательными элементами исламской мистики являются зияраты к могилам святых шейхов (ходатайственная форма паломничества, а также выражение почтения, признания заслуг умершего святого перед сообществом верующих). Правда, здесь надо помнить, как уже говорилось выше, о тонкостях грани между дозволенным и запретным.

Само слово «мистика» в Исламе так же, как в академической науке, разных религиях и оккультных учениях, выражает продукты мышления (теорию) о сокровенной части мироздания, то, что называется сверхъестественным. А сверхъестественное - это то, что избавлено от бренности материально-

го, земного существования, как, например, ангелы, джинны, шайтаны. Иногда по воле на то Господа миров бестелесные разумные существа являются в материальный мир и выполняют возложенные на них священные задачи (ангелы) или допускаются в мир для совершения гнусных деяний (шайтаны).

Когда же речь идет о мистических практиках - это мистерии. Разница между мистикой и мистериями точно такая же, как между теорией и практикой, которые по большому счету не существуют друг без друга. В этом смысле мистика, в частности, исламская, есть совокупность всех тех воззрений, которые позволяют интуитивно понимать и принимать на веру все то, что противоречит здравому смыслу. Например, воскрешение из мертвых - важная часть исламской религиозной картины мира - противоречит здравому смыслу, которым так часто спекулируют атеисты.

Но, когда разум, вооружившись вероучением, начинает искать ответы на самые очевидные и фундаментальные вопросы бытия, обнаруживается, что здравый смысл как синтез обыденных знаний и опыта совершенно недостаточен для воспроизводства оптимальных умозаключений о мире и вечности. Тогда в размышления включается особая религиозная логика, имеющая в своем арсенале наряду с эмпирическими методами познания еще и такие методы, как темпоральность, иррациона-

²⁴ДИСКРЕТНОСТЬ (от латинского *discretus* - разделенный, прерывистый), прерывность; противопоставляется непрерывности. Например, дискретное изменение какой-либо величины во времени - изменение, происходящее через некоторые промежутки времени (скачками). Современная энциклопедия. 2000.

лизм, дискретность²⁴. Это более высший уровень мышления, чем здравый смысл. Но! Здравый смысл остается в фундаменте человеческого рассудка, что тоже важно учесть для верного усвоения мистики.

Посредством религиозной логики, отличающейся от обычной научной логики психологизмами, обнаруживается тонкая закономерность, определяющая веру в Аллаха как основной акт мистического сознания. Если сознание человека отвергает мистическую реальность, то уверовать в Аллаха он уже не сможет по определению. Но, поскольку мистику практикуют и совершенные атеисты, и всевозможные маги, колдуны, жрецы, парапсихологи, экстрасенсы и простые люди на уровне бытового сознания, понятие «мистика» усложняется неимоверно. А потому повторим еще раз: священную и грешную мистику в Исламе различают (дифференцируют) посредством прилагательных (предикатов). Мистика исламская, мистика христианская, мистика оккультная, мистика языческая и т.д. - ведь независимо от убеждений (акиды) люди имеют в бытие единую природу. Мы одинаково пользуемся техникой, природными ресурсами и тем, что дает земля в виде урожая и море в виде своих материальных богатств (рыбы, морской травы, минералов и т.д.).

Обычные правоверные являются сторонниками мистики, но не всякой, а только выраженной в канонах религии, с которой они идентифицируют себя. Другой вопрос, что обычные верующие не владеют этими знаниями и не отдают себе отчета в этих тонкостях. Они просто веруют и в меру своих склонностей, умственных способностей, волевых

качеств, воспитания исполняют требования своей веры в большей или меньшей степени.

<...>

Такие мистические практики, как дуа (араб. просьба, мольба к Всевышнему), обращенная против хищных зверей, жестокостей войск, угрозы подвергнуться разбою или нападению кровника, впервые на Северном Кавказе стал практиковать Умар-Хаджи Андийский. Еще юношей, задолго до совершения своего первого и последнего поломничества в Мекку и ритуального посвящения в муршиды своим предшественником Кунта-Хаджи, он получил широкую известность в Северо-Западной части Дагестана. О нем говорили как о человеке, мольбу которого Аллах не оставляет без внимания.

Когда в 1850 году суровые шамилевские наибы усмотрели в его молитвах и некоторых действиях, исполненных мистики, «нарушения» норм шариата, 16-летний юноша был подвергнут шариатскому допросу. Он тогда ответил на все их вопросы и прочитал им с десятков аятов Корана с ссылками на тафсиры (канонические толкования), привел ряд хадисов Пророка, да благословит и приветствует его Аллах, в качестве доказательства верности своей мистической практики. А когда речь зашла о материализованных формах мистики - талисманах (свернутых в треугольник или квадрат, переписанных на бумагу аятов Корана, строк из хадисов или другого религиозного текста, которые оборачиваются в материю или кожу, чтобы пришить к одежде или подвесить на шею, через шнурок), - юноша пояснил их аллегорический (иносказательный, не буквальный) характер. В Исламе всякие аллегории

легко сглаживаются главной молитвой: «Ла илаха иллаллах, Мухаммад расюль Аллах». То есть, в вероучении Ислама есть вещи, принципиально не разрешимые средствами человеческого ума, а потому существует в исламском богословии установка запрета на вопрошание «Как?». Например, как Аллах из глины сотворил человека?. И поскольку мы об этом никогда не узнаем, правоверным рекомендуется «крепко держаться за веру в Аллаха», что в свою очередь становится возможным благодаря искреннему признанию шахады (свидетельства личной веры в Аллаха и признание Мухаммеда (с.а.в.). Его рабом и посланником).

Как бы то ни было, пораженные глубокими знаниями юноши канонов Ислама наибы умиротворились. Лишь спросили:

- Правда ли то, что на скот, который ты пасешь, никогда не нападают волки? И разбойники, встретившись с тобой на пути, уходят мирно, ничего не отбирая у тебя и у твоих спутников?

- Сколько я себя помню, звери на скот, который я пас, еще не нападали, инша Аллах, - отвечал им бесхитростно юноша. - И разбойники еще ни разу не грабили меня и моих спутников. Но на все воля Аллаха!

- И ты один, без ружья и сторожевых собак, остаешься на альпийских лугах с отарой овец на целое лето?

- Да, воины Аллаха, - улыбнулся хромой юноша им в ответ, - это тоже правда. - И добавил: - Зачем мне ружье и сторожевые собаки? Ведь ангелы приближаются ко всякому мумину, который читает суры Корана и сердцем возносит хвалу Господу миров. И разве вы не так поступаете?..

Наибы, оставив юношу в покое, двинулись по своим делам.

- Может и в самом деле Аллах оберегает его от зла диких зверей и променявших честь на скверну разбойников, - говорили они между собой, проходя мимо горцев, наблюдавших с тревогой за свирепыми военачальниками вождя горцев Дагестана и Чечни, имама Шамиля.

* * *

Дуа как форма обращения верующего к Всевышнему может произноситься индивидуально и коллективно, содержать в себе любые чаяния как отдельного человека, так и народа в целом.

Обычно текст дуа содержит мольбу к Аллаху о принятии обязательных молитв, совершаемых мусульманами пять раз в день. Это мольба о том, чтобы часть благодати от совершенной им в намазе добродетели Аллах зачислил в пользу душ умерших родственников. Также в дуа излагаются к Всевышнему прошения о благополучии как своего, так и близких, родных людей.

Дуа - самая классическая форма молитвы. Она утвердилась еще при жизни пророка Ислама Мухаммеда, да благословит и приветствует его Аллах. Затем, по мере формирования канонів Ислама в 4-х мазхабах (религиозно-правовых школах): Ханафи, Малики, Шафии, Ханбал - и разъяснения людям всего запретного и дозволенного, формы совершения такой молитвы, как дуа, были окончательно систематизированы в соответствии с Кораном и Хадисами. Но, как и все прочее в этом мире,

тексты, или, что вернее, характер текстов дуа, тоже изменялись и развивались вместе с людьми, народами и их культурами в зависимости от господствующих мировоззрений.

Самым досадным фактором в истории развития исламского мира является раздор, затеянный салафитами против мюридов и их святых шейхов. Наличие где-то отклонившихся от канонов Ислама псевдотарикатов салафиты берут за основание своей критики всего суфизма, всех тарикатов, никак не замечая, что и среди мюридов немало правоверных, соответствующих понятию «салафиты», то есть равняющихся на первых мусульман. Этим они лишь усугубляют раздор и без того расколотой на 73 течения мусульманской уммы. А все из-за того, что они игнорируют понятие «мистика» и, соответственно, не отдают отчет различиям между материальной реальностью и реальностью сокровенной, т.е. мистической. Также они не анализируют понятие «догмат» (священный закон, не подлежащий изменению), а берут и объявляют вне исламского закона все, что не соответствует их религиозно-политической доктрине.

Салафиты стремятся к политической гегемонии не только во всем исламском мире, но ещё и в мире вообще... В этом не было бы ничего плохого, если бы их средства и методы были милосердными, соответствующими объективным условиям жизни и политической конъюнктуре. Но, поскольку нельзя грести всех людей под одну гребенку, справедливости ради следует сказать, что есть и весьма разумные, человеческие салафиты, которые не приемлют жестокость, такфиры, теракты. Но определенную часть этой типологии мусульман стремление к без-

раздельной власти над исламской уммой буквально ослепляет. Они даже полезные для Ислама бидъа (новшества) объявляют запретными и вообще не признают существование полезных для Ислама, а значит, исламского мира, новшеств. Им сложно сосчитать до двух: 1) новшества, противоречащие основоположениям Корана и Сунны - запретны; 2) новшества, способствующие реализации основоположений Корана и Сунны - дозволены.

Таким образом, в исламском мире до сих пор не прекращаются споры о шариатской правоверности мистических практик суфиев (шейхов и их мюридов). А между тем, в соответствии с канонами Ислама, мольба (дуа) может быть обращена к Всевышнему прямо или через пророка Мухаммеда (с.а.в.), о чем в Коране сказано прямо и, слава Аллаху, они хоть это не отрицают. Правда, толкуют иначе, чем суфии.

Сказано в Коране: «Ничье заступничество перед Ним не принесет пользы, кроме тех, кому будет дозволено» (34:23 - здесь и далее в скобках указаны сура и аят Корана). И отсюда вопрос: кому же дозволено? Естественно, пророку Мухаммеду (с.а.в.) и наилучшим из муиминов. «В тот день заступничество не поможет никому, кроме тех, кому Милостивый позволит и чьими речами Он будет доволен» (20:109).

И таких аятов, в которых идет прямая речь Аллаха о заступничестве на Судном дне (шафаате), множество. И понимать их верно, не понимая верно мистику, невозможно по определению. Другое дело, что мистикой, как и самим правом шафаата (прошения о заступничестве), злоупотребляют невежественные мусульмане. Ведь есть еще и такие аяты:

«Заступничество заступников не поможет им» (74:48). Это к тому, чтобы люди не думали: прочитал молитву дуа, и прошение уже принято. В этом случае в мире воцарился бы хаос. А потому сказано еще в Коране: «Не могут оказать вам заступничество те, к которым вы взываете вместо Него, разве лишь те, которые признали истину и знают об этом» (43:86).

То есть, согласно строгим канонам Ислама, пронизанным, естественно, чистой исламской мистикой, всякое ходатайственное прошение (шафаат) должно строиться на таухидической (монотеистической) концепции Ислама, единственности Господа миров. Это говорит о том, что мюрид не считает, что якобы его шейх имеет власть хлопотать на судном дне за кого бы то ни было. Шейхи сами просят шафаата у пророка Мухаммеда (с.а.в.) с глубоким осознанием того, что решающее слово - пустить в рай или низвергнуть в ад - остается за Аллахом. И шейхи, будучи по сунне Пророка (с.а.в.) сострадательными людьми, прося за себя, просят еще и за своих мюридов. А уже как решить их судьбу в вечности, знает только сам Аллах.

* * *

Умар-Хаджи, будучи еще юношей, говорил людям, что в любом молитвенном обращении конечной высшей инстанцией мольбы верующего непременно должен быть Аллах - Творец всего сущего, явного и тайного. Лишь Он единственный Судья в День воздаяния. И шафаат (священное ходатайство), который мы просим у шейхов и Пророка (с.а.в.), мы просим ведь перед Аллахом и только

перед Ним Одним. И поклоняемся мы только Аллаху и никому более.

Беда же людей в том, что далеко не все представляют себе непостижимую умом и сердцем сущность Аллаха, Милостивого и Милосердного, Его господство над всем сущим, что только есть на земле и на небе, а также между ними. И поскольку в Коране обещано верующим счастье в земной жизни и в жизни загробной, а дуа далеко не всегда приносит видимого облегчения в беде и страданиях, то у людей возникают вопросы, порой досадно сбивающие верующих с истинного пути. Кого-то из них удастся шейхам вернуть обратно в лоно Ислама, а кто-то, чрезмерно увлеченный запрещенным, обрекается на вечную погибель в загробной жизни, ибо если Аллах собьет кого-то с верного пути, то уже никто его не сможет вернуть обратно.

<...>

Что же касается мистических практик Умара-Хаджи Андийского, то слухи о его чудесах, как и о чудесах Кунта-Хаджи, о чем мы уже говорили выше, доходили и до имама Шамиля.

Имаму рассказывали самое разное и далеко не всегда правдивое. Но, будучи сам шейхом накжбандийского тариката, имам Шамиль прекрасно знал об этой самой таинственной части мироздания - мистике, он ведь и сам являлся большим мистиком. Многие из его подвигов в войне за веру и свободу Дагестана и Чечни, а в перспективе - всего Северного Кавказа, могли объясняться только чудесами. Например, выход из окружения в Ахульго, Гимры и многие другие его воинские подвиги поражают

исследователей. А грандиозная победа в Сухарной экспедиции до сих пор удивляет специалистов по военным стратегиям. Этот эпизод истории Кавказской войны: полный разгром 40-тысячной царской армии под командованием князя генерала Воронцова, являвшегося 1845 году так же и наместником Кавказа, – вошел в анналы многих учебников по военному делу.

Шамиль сам перед каждым важным делом и особенно сражением совершал дуа - обращался мысленно и вслух к могуществу Аллаха.

Как бы то ни было, дуа, читаемое святым мумином, есть особая форма молитвы, предполагающая большую степень отрешенности от мирских благ, предания себя без остатка во власть Господа. Это очень непросто. Полное отрешение от мирского не под силу простым мусульманам и даже шейхам, если только они не отмечены самим Аллахом своей особой благодатной милостью. Такая отрешенность от мира предполагает безмерную любовь к сущности Создателя, способность мысленного растворения в Его могуществе. Это не простое чувство и вовсе не рассудок, но изумляющее своей непрекращающейся любовью к Господу особое ощущение веры, ориентированность на Истину в Последней Инстанции. Ведь не случайно Аллах называет себя в Коране Первым и Последним, как бы замыкая тем самым бытие и Сверхбытие.

Кратковременную любовь к Господу могут испытывать почти все уверовавшие. Но каков же тот человек, который не расстаётся с этим священным чувством ни на мгновение? Ест он, спит, беседует или работает - он всегда помнит о Всевышнем, чувствует Его всевидящее око на себе. Свеча любви продолжает гореть в его сердце, не угасая, и бьется

оно в такт звучанию самого великого имени Творца: «Аллах, Аллах, Аллах...»

В мировой науке не знают аналогов такой форме чувства любви к Господу, которое испытывают лишь святые тарикатские шейхи. Что, однако, нисколько не умаляет и обычное чувство верующего - иман (классическая форма веры в исламе). В науке есть лишь блеклое подобие, очень приближенные аналоги, как, к примеру, понятие «эпохе»...

Эпохе (древнегреческое) в первом значении - это воздержание от суждений, ибо велика вероятность ошибки (Перрон); во втором - редукция, т. е. особый метод сведения сложного к простому, дабы лучше понять сложное. Также в науке понятие «эпохе» понимается как направленность человека на познание абсолютной сущности вещи или явления. Но в первом и во втором значениях эпохе, хоть и продвигает человека по лестнице познания вверх, эффекта бесконтактных рецепций не дает совершенно. Зная об этом не понаслышке, вот уже много веков западные ученые, работающие на спецслужбы, тщательным образом изучают необъяснимые феномены суфизма тарикатских шейхов, их мистические практики. И, хотя некоторые сокровенные способы воздействия на людей им известны, тщетны их старания в достижении таких результатов, каковых достиг Умар-Хаджи Андийский и предшествовавший ему святой шейх Кунта-Хаджи Кишиев. Они даются лишь тем, кто обладает особой формой и силой имана - истинной веры во Всевышнего.

Было много правителей как в странах ислама, так и в других частях света, созывавших к себе магов и колдунов, дабы с их помощью усилить свое могу-

щество, одолеть войско соседних стран и обогатиться награбленным.

Так же и среди простых людей встречаются те, кто усердно ищет таинственные средства для устроения своих мирских дел. Для этого они практикуют самые разные техники, пытаются копировать поведение святых шейхов. А между тем, кротость, смирение и предание себя Господу без остатка для бренного мира есть лишь малая часть условия достижения сил карамата. И, что еще тут важно понять, одного желания верующего всецело предаться Господу совершенно недостаточно, тут скорее важным условием является, как уже было выше сказано, отмеченность предавшегося самим Господом, Его священной благодатью.

Человек слишком слаб и ничтожен перед лицом природы и слепой страстью своей собственной натуры, чтобы творить истинные чудеса. Многие разучивают фокусы и выдают их за угодные Аллаху караматы, мошенничают. В этих случаях Умар-Хаджи пояснял людям:

- Нечестивца выдаст его собственный амал (поведение). Приглядывайтесь к нему, чтобы понять, каков он на самом деле. Совершает ли ибадат (ритуальное служение Аллаху) и если да, то в каком объеме и какого уровня.

<...>

Так же есть основания считать, что именно он, Андийский Старец, открыл внутренний динамизм громкого зикра. Предания кадирийских мюридов говорят о том, что иногда, бегая по кругу в зикре, Умар-Хаджи левитировал. И если даже мы усом-

нимся в правдивости этих преданий, то все равно остается загадкой содержания рапортов русских офицеров, из числа наблюдателей за большим скоплением мюридов. В них говорится, что немощный шейх задает на зикре такой быстрый темп, который не выдерживают даже молодые, крепко сложенные джигиты.

Динамизм зикра и сегодня в ряде случаях поражает воображение, пожилые люди из числа предавших любви к Господу, во время этих мистерий удивительно преображаются. Хлопая в ладони, сидя на молитвенных ковриках, стоя на улице или бегая по кругу на майдане, они демонстрируют мистическое ощущение мира, явно превосходящее физическое во много раз. Но для истинно верующего эти доказательства излишни, ибо он итак верует, что мироздание было сотворено Аллахом по только Ему одному ведомому замыслу. И причиной сотворения является только Он сам. Отсюда и генерируются удивительные способности преображаться во время громкого зикра.

Глава 4-я

СВЯТОЙ ШЕЙХ УМАР-ХАДЖИ

На долю Умара-Хаджи Андийского, которого также называют на арабский манер Умар Аль-Анди, выпала тяжелая миссия - сохранить и умножить божественное учение о любви к Великому Аллаху и его творениям, оставленное Кунта-Хаджи Кишиевым.

Наряду с любовью к Аллаху Умар-Хаджи Аль-Анди проецировал в своих проповедях на умы и сердца людей бережное отношение к божьим творениям. Но в этих формах любви к божьим творениям и бережливости не было места вегетарианским перегибам и прочим искажениям естества человеческой природы. Так же и пацифизм его нельзя отождествлять с пацифизмом европейским или учением великого русского писателя Льва Толстого, выдвинувшего идею или тезис: «Непротивление злу насилием».

Данную Аллахом природу мира и человека святой шейх из селения Анди понимал и принимал в точном соответствии с канонами шариата. Во всем, что мыслилось, он предусматривал законы и закономерности, установленные Аллахом до скончания века, ибо всецело был предан Исламу как небесно-чистой религии. Что же касается классических

ценностей Рода человеческого, как наставлял своих мюридов Андийский Старец, то они подлежат тщательному изучению, а полученные результаты должны систематизироваться в соответствии со священным Кораном, хадисами пророка (с.а.в.) и тафсирами святых имамов для того, чтобы мы умели совершать ибадат (богослужение) и даават (распространять Ислам), не вызывая при этом к себе отторжения немусульманских народов.

Нельзя допускать деяния, ожесточающие сердца иноверцев и маловеров к нам. Нельзя и оскорблять чужую веру, ибо на чистом листке рассудка любого человека, будь он язычник или кяфир (неверный), есть место и для жемчужины веры - имана. Надо лишь научиться правильно засеивать невидимые глазу песчинки имана, из которых впоследствии образуются жемчуга Ислама.

Конечно, мусульманские радикалы оспаривают и эту позицию, игнорируя милосердные, или, говоря научно-академическим языком, гуманистические начала, Ислама. Но для понимания образа Андийского Старца очень важно учесть основы общечеловеческой морали и нравственности, которые были распространены в девятнадцатом веке и в начале двадцатого века.

- Ничто истинно человеческое не отвергается в Исламе, ибо оно соответствует тому, как на самом деле устроил Аллах природу человека и уммы²⁵, - наставлял он людей. - Среди причин человеческих бедствий, - говорил шейх в своих проповедях, -

²⁵В Исламе арабским словом «умма» обозначается научное понятие «социум» и уточняется адресат общества предикатами, прилагательными.

самыми опасным и неугодными в глазах Аллаха являются гордыня и вызванная ею дерзость. Это две стороны Иблиса, поддавшись которым человек уже не различает истину от лжи, добро от зла, святость от греха.

Умар-Хаджи Андийский был тем муршидом, биографией и мистической практикой которого весьма интересуются парапсихологи, исследователи бесконтактных рецептов, которые совершенно не склонны к академическим проекциям, т. е. афишированию своих знаний. Что тоже не случайно. Но если святые шейхи скрывают сокровенные знания, дабы неразумные не вредили людям и тем самым собственной душе, то специализирующиеся на бесконтактных рецепциях центры скрывают эти техники из стратегических соображений. Они не обременены ни любовью к божьим творениям, ни понятием о запретном и дозволенном, ни самой верой в Творца, в Милостивого и Милосердного, Живого, Вечного.

Мистико-богословские труды Умара аль-Анди утеряны или, как говорят некоторые старые мюриды кадирийского тариката, он их скрыл от людей, дабы никто не соблазнился чудесами и не совершал зла. Ведь не случайно в Коране ясно говорится о колдунах и ведьмах, использующих тайные знания во зло. И предупреждает Аллах Великий, увещевая людей через Пророка Мухаммада (с.а.в.), о великом наказании для них.

На самом же деле, о содержании мистических практик Умара-Хаджи, об их технико-структурной стороне никто доподлинно не знает, а если и знает кто-то, то это строжайше скрывается, дабы не попали они в руки нечестивцев.

<...>

Основным источником, на который мы опирались при работе над настоящей книгой, являются рассказы мюридов, передающиеся из поколения в поколение как истинное сокровище истории своих предков. А также записи из военно-полевых архивов офицеров царской администрации на Кавказе.

Сегодня еще живы люди, слышавшие рассказы об Андийском Старце из уст своих дедов, видевших его вживую, слушавших его священные проповеди и совершавших за ним намаз. Правда, их уже мало, сущие единицы. Время, по воле Аллаха, безудержно уносит старшее поколение и утверждает на его месте поколения растущих потомков. История при этом отодвигается все дальше и дальше от той эпохи, в прошлое, в котором жил и проповедовал Ислам Умар-Хаджи Андийский.

Разница между нами сегодня (2013 год) и годом смерти святого шейха (1914 год) - 99 лет. Его двадцатилетним мюридам к наступлению послесталинской эпохи оттепели (1956 г.) было по 72 года. И они, сами видевшие святого муршида, рассказывали о нем и его учении молодым, которые сегодня имеют уже преклонный возраст, а многих уже нет на этом свете. Но собиравшаяся по крупицам история кадирийского тариката на Кавказе и той миссии, которую исполнил Андийский Старец после Кунта-Хаджи, теперь повествуется в этой книге.

Глава 5-я

ЗРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Десятилетняя девочка, нечаянно разбившая глиняный кувшин со сливками, в котором, по приказу мачехи, она сбивала масло, была совершенно не известна шейху. Никто никогда не видел, чтобы Умар-Хаджи заходил в их дом или общался с кем-либо из этой семьи. Но сидя среди мюридов на годекане, шейх вдруг почувствовал боль и страх беззащитной детской души. Девочке грозили побои мачехи. Старец вдруг с улыбкой поведал о случившемся в одном из домов довольно большого андийского селения. Затем встал и направился в этот дом, погладил девочку по голове и сказал:

- Не плачь, дочь моя, ты же не нарочно разбила кувшин, а сливки еще соберутся с молока, травы много в горах, и Аллах щедр и кроток к уверовавшим.

Затем, попросив женщину, чтобы не наказывала падчерицу, он покинул дом.

В другой раз на годекане (сельской площади), в окружении десятков односельчан, Умар-Хаджи обратился к одному из андийцев со словами:

- Не принуждай свою юную дочь выходить замуж за нелюбимого. Аллах не простит тебе ее страдания до тех пор, пока она сама не простит тебе это-

го. И подумай, что угоднее Аллаху, счастье Его невинной рабыни или твое желание заполучить богатого зятя?

Горец был поражен. Откуда шейху ведомы его помыслы, о которых он еще ни с кем не успел поделиться, даже жене не говорил. А дочь свою, как он признался потом, планировал отдать четвертой женой богатому горцу из соседнего села, который был старше его самого на несколько лет. Отец этой девушки раскаялся, вознес хвалу Аллаху и, примкнув к зикристам, стал одним из самых преданных мюридов Умара-Хаджи.

Очень много преданий об Андийском Старце. Работая над настоящей книгой, мы их сверяли с известными фактами его биографии, документами из хроники его жизни. И если даже предания о самом Пророке Ислама Мухаммеде (с.а.в.) люди умудрялись исказить уже в первые годы уммы, оставшейся без Пророка, то что говорить о людях девятнадцатого и двадцатого веков. Да и в наше время нередко люди искажают даже те события, очевидцами которых они были.

Множество ссор среди горцев, грозящее кровопролитием, рассеивал Андийский Старец в самом зародыше, призывая на помощь Аллаха и приводя для далилов (доказательств) хадисы, тафсиры, изречения святых алимов и шейхов.

Так в Андах однажды разгорелась ссора между двумя сильными тухумами (родами) из-за подозрения в краже седла с уздечкой, богато выделанной серебром. Муршид попросил разойтись сошедшихся на годекане для выяснения отношений двух десятков джигитов. Но разгорячившиеся андийцы, хоть и сделали вид, что слушаются Старца, сами

расходиться не собирались, лишь отошли от центра годекана и топтались двумя группами по краям площади, косо поглядывая друг на друга.

Скоро предвечерняя молитва. Вот-вот раздастся голос муэдзина, призывающего к намазу. И когда муршид отправится в мечеть, уже никто им не помешает сойтись лицом к лицу и выяснить, кто есть кто в древних Андах. А гнев, затмевающий разум, заставит их забыть про намаз, несказанно радуя презренного Иблиса.

На кротком лице шейха мелькнула проницательная улыбка. Он показал людям своим посохом на толпящихся, как от нечего делать, по разные стороны мужчин и тихо проговорил:

- Вот как вы почитаете законы шариата. Среди вас нет ни одного алима, знающего тафсир (толкования), а вы даже терпения не имеете, чтобы позвать алима и выслушать его решение по вашему делу. Что у одних есть на других, кроме подозрения? А подозрения шариат не приемлет.

Тогда пристыженные горцы действительно стали расходиться. И шейх, прикрыв глаза, тихо обронил им вслед:

- Я знаю, кто украл седло...

Слова шейха, моментально подхваченные людьми, прокатились по площади.

- У него зрячее сердце! - благоговейно говорили люди друг другу.

- Клянусь Аллахом, шейх видит сердцем! - восклицали другие.

Муршид же, выдержав некоторую паузу, преобразился и воскликнул:

- Среди спорящих нет вора! А седло скоро найдется, и вор, гонимый совестью и страхом перед Аллахом, вернет его владельцу.

Тут прозвучал с минарета голос муэдзина, и спорщики дружно двинулись на молитву. На следующий день, когда владелец серебряного седла встал на утреннюю молитву, дорогое седло с уздечкой оказалось на веранде его дома. Сколько потом ни упрашивали люди Старца назвать имя вора, он так и не назвал его. Лишь обратился однажды на пятничной молитве с проповедью:

- Стыд - это поводирь мумина. Иман без стыда слабеет день ото дня. Стыд укрепляет иман и верно ведет дорогой ибадата (богослужения) к Аллаху. Разум - страж справедливости человеческой, без которого угасает вера. Священная песчинка, которую Аллах Великий бросает в раковины душ человеческих - это иман, но чтобы вера сияла в человеке, как бесценная жемчужина (жавхар), иман должен быть облагорожен стыдом и разумом. Но и это еще не все. Только тогда небесная песчинка вырастает в бесценный жемчуг веры - иман - когда человек научится беречь любовь к своему Творцу.

Совість, разум, любовь - это три сообщающихся в теле человека сокровенных сосуда, внутри которых только и может вселиться настоящая вера в Создателя земли и небес и во все, что явно и тайно существует между ними. Тогда и только тогда человеку дано победить свой нафс - клубок страстей и желаний, - когда он сумеет привести свои страсти и желания в согласие со своей совестью, разумом и любовью.

Не ищите вора. С вором даже я не стал разговаривать, дабы не причинять ему излишние страдания. Он искренне раскаялся, и сам мучается. Вы лучше пожалейте его. Он и так трепещет от страха перед ликом Всевышнего, ибо знает, каково ему

будет на Судном дне, если владелец седла и уздечки не простит его. Мало того, что он взял не по праву, так еще из-за него два благородных тухума едва не пролили кровь, чуть не сошлись в смертельной схватке.

Так помните же, подозрения слепы, как слепы всякие страсти. Будьте же, братья по вере, благоразумны, и во всем уповайте на Аллаха Великого! Почитайте пророков, сахабов, алимов и шейхов. Берите мудрость и отклоняйте глупость. И помните, нет для правоверного мусульманина лучшего наказания, чем муки раскаянья. Да убережет Аллах наши души от повторного греха.

Хотите ли вы все еще знать имя вора?!

- Нет, - ответили андийцы.
- Нам самим стыдно за него.
- Да очистятся и наши души вместе с его душой!
- Да возрадуется Аллах Великий нашего муршида за его зрячее сердце.

* * *

Однажды весной, когда по утрам еще стояла изморозь и люди только-только выводили скот пастись из хлевов, к Умару-Хаджи с жалобой обратился один бедняк из дальнего аварского села, которого несправедливо обидел человек из более влиятельного рода.

- Он не дает мне прохода, - говорил бедняк шейху, - надсмехается надо мной, провоцирует на драку, хотя и видит, что я ему не ровня. Он высокий и сильный, а я больной и слабый, едва прокармливаю свою семью. Я не хочу его убивать, боюсь, что его

родные зарежут всю мою семью. За меня и моих детей некому вступить в селе.

А в этот раз он совсем распоясался. Отобрал у меня моего единственного мула, на котором держится мой дом. Он возвел на меня напраслину. Говорит, что две его коровы сорвались в пропасть из-за меня, когда я пас сельский скот. Но, видит Аллах с неба, в стадо, которое я пас, забрели волки. Дело было утром, земля еще была в изморози, и коровы, убегая от волков, сорвались в пропасть...

Шейх внимательно выслушал бедного горца и сказал ему:

- Когда вернешься в село, сломай тонкую дубовую ветку в один локоть длиной, сделай семь насечек и сунь ее в навозную кучу, чтобы никто не видел.

Затем пойдешь на годекан и расскажи людям, что по совету Умара из Анди, ты насек на тонкой дубовой ветке семь зазубрин, и, воткнув ее в землю, сдобренную навозом, прочитай дуа: «О, Аллах, сделай так, что по мере гниения этой ветки, прогнили и обе руки моего обидчика за то, что он отобрал у меня мула». Если люди спросят тебя, а почему ты насек семь зазубрин? Скажи: «Что бы на седьмой день начали отсыхать руки моего обидчика». Еще скажи так: «Я не хочу вражды, но Аллах не любит залимов (злодеев). А если мой обидчик раскается, то ведь и Аллах прощающий, кроткий...» И покинь годекан. И больше ни с кем не говори ни о ветке, ни о своем обидчике.

Не прошло и пяти дней, как перепуганный до смерти лихоимец пришел к дому бедняка и, вернув мула, попросил прощения. Чему бедняк был неска-

занно рад и тут же простил его. Затем пошел на окраину села, чтобы вынуть из земли палку с нарезанными зазубринами. Сколько ни искал, он не нашел ее, хотя место помнил точно. Тогда бедняк снова поспешил к шейху в Анди и поведал о случившемся с тревогой.

- Как же мне теперь быть? Ветку я не смог найти, она будет гнить в земле и вместе с ней сгниют руки раскаявшегося односельчанина... Я больше не желаю ему зла.

- Не переживай, брат мой по вере, - сказал на это, загадочно улыбаясь, шейх. - Ветка, воткнутая весной в землю, да еще сдобренная навозом, не сгниет, а возрастет, если только засухи не будет летом. Если ты его простил, то ведь и Аллах простит. Иди себе с миром и помни, Аллах любит умных муминов...

К концу лета бедняк как-то, проходя мимо того места, куда весной втыкал ветку, увидел тонкий дубовый росток.

- О, Аллах! - воскликнул он тогда. - Какое зрячее сердце у этого шейха.

Говорят, этот дуб до сих пор там растет... Но во избежание кривотолков и бессмысленных споров, мы не будем указывать местоположение того дуба. Довольно и того, что сохранилась прекрасная легенда, наставляющая людей, как детей малых, на путь истины.

Глава 6-я

КАДРИЙСКИЙ ТАРИКАТ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Как уже говорилось в первой главе, учение кадрийского тариката²⁶ впервые появилось на Северном Кавказе в проповедях Кунта-Хаджи Кишиева (ок. 1830-1867), предшественника Умар-Хаджи Андийского.

Это случилось по возвращении Кунта-Хаджи из Египта, где он провел в обители кадрийских шейхов два года после паломничества в Мекку в 18-тилетнем возрасте. Выходит, что первые свои проповеди о пути к Аллаху Кунта-Хаджи начал читать на Кавказе в 20 лет отроду.

По свидетельствам чеченских и андийских мюридов, свою первую проповедь о любви к Аллаху и всем его творениям Кунта-Хаджи прочитал в селе Иласхани-юрт, в котором родился. И если бы не карамат (чудо или чудотворная сила), дарованный Аллахом этому юноше, то суровые горцы Чечни и Северо-Западного Дагестана не последовали бы новому для них учению, а убежденные сединой старики не признали бы в нем святого. В нем было не-

²⁶Как утверждает ряд исследователей, кадрийский тарикат является самым распространенным в мире.

что непререкаемо авторитетное, внушающее доверие и почтение.

Кунта-Хаджи родился в Чечне, но его предки, как говорится в некоторых преданиях, были родом из дагестанского села Гунха (ныне Ботлихский район). Конечно, этому нет письменных свидетельств, горцы Кавказа редко вели записи родословий. Также в историографии есть проблема по установлению точной даты рождения Кунта-Хаджи. Но мы, опираясь на ряд доподлинно известных фактов, решили исходить из выше обозначенной даты, ок. 1830 год. Во-первых, потому что он был немного старше Умара-Хаджи, а во-вторых, есть косвенные свидетельства, указывающие именно на эту дату.

Кадирийский тарикат к нашему времени претерпел на Северном Кавказе синтезацию (соединение) трех структурных элементов - саламийи (пацифизма), динамического зикра (ритуальных мистерий) и джигитовки (низама). Если египетские и турецкие кадириты кружатся на месте, а индийские поют и танцуют под аккомпанемент музыкальных инструментов, то кавказские кадириты, распевая главную формулу Ислама «ла иллаһа иллагаһ», хлопают в ладони сидя, стоя или бегая по кругу.

Но это все внешние отличия. Разумеется, есть незначительные отличия и в содержаниях учений. Но сути самого учения эти внешние различия в формах мистерий и некоторых нюансах содержания не искажают.

Основой сути тариката Кадирия, учения, идущего от Мухьи ад-дин “Абд ал-КаDIR ал-Гилани (1077 - 1166), является великая концепция мусульманского пацифизма - саламийя или асалумийя. Но сразу оговоримся. Пацифизм в учениях кавказских

кадирийцев, естественно перекликаясь с идеей неприятия войны в пацифизме европейского типа, столь же существенно и отличается. То есть имеется существенная разница между кадирийским и европейскими формами пацифизма. Европейские формы неприятия войны скатились далеко к нелинейным парадигмам мировоззрений. Они автоматически вступают в противоречие с классическими принципами нравственности, основой которых является честь, строго классифицируемая гендерными критериями. У европейских пацифистов большей частью размыты гендерные критерии и потому форма и содержание пацифизма европейцев и мусульман во многом не совпадают.

Абдулкадир Гилани по происхождению перс, исповедовал Ислам хамбалитского мазхаба. Он является одним из самых почитаемых суфийских святых, которые оставили богатое богословское наследие. Его проповеди большей частью были посвящены неприятию войны как между двумя странами, так и внутри страны. Он наставлял людей к воздержанию от жестокости, призывал правителей к милосердию, дабы не гневить Аллаха. А исламскую умму (исламское сообщество) Гилани призывал к мирному джихаду, считая его более эффективным методом распространения ислама, чем методы военные. Он верил в то, что уже оформившаяся и окрепшая в истинной вере умма Пророка (с.а.в.) гораздо большего добьется посредством благочестивого даавата (миссионерства), чем силой оружия.

Гилани, как утверждают некоторые поздние суфии, был из тех проповедников богословия, которые отказывались от курятины, если курица до заклания успела побывать во дворе воина и склевать

там хотя бы одно зернышко. В этом предусматривалась дорога к сердцу человека для греха. Воин, вернувшийся живым из войны, априори убивал людей, а среди убитых им могли быть честные мусульмане, но, несмотря на это, он вернулся с добычей, а она для чувствующего священную сущность Создателя запретна. Даже в такой форме, когда его собственная курица склюет что-то во дворе имеющего на руках кровь чего-либо, могущего через мясо курицы попасть в тело. А поскольку все духовное в сотни раз тоньше материального, то грех, вселившийся во владение воина, легко проникнет в чистую душу мумина через зерно и мясо курицы, склевавшей это зерно.

Такое идеализированное отношение к греховному и благодетельному было актуально для мусульманского мира, периодически потрясаемого внутренними войнами, во все века. И, как ни сложно убедиться, наследие Гилани актуально в исламском мире даже сегодня, когда мусульмане, как и в старину, проливают кровь единоверцев. Чего стоит одна «арабская весна»! И что это, как не откат к средневековью?

Умар-Хаджи Андийский, поясняя мюридам смысл кадирийского тариката, говорил:

- Асаламийя - гІакълудул месед! (Пацифизм - золото разума). Мирный даават сегодня куда более угоден Аллаху, чем военные набеги, после которых мусульманские воины вынуждены поспешно отступать с захваченной добычей. Ибо нет сегодня в мире военной силы у мусульман, способной противостоять войскам Российской Империи в открытом бою. Даже турки терпят поражение за поражением, а Персия вынуждена соблюдать условия Гю-

листанского мира с 1813 года. Слишком многое упущено правителями мусульманских стран, и среди алимов за последние века появилось много корыстолюбцев, безучастных к страданию народа.

Конечно, тут остается множество вопросов, вытекающих из духа вероучения Ислама, которому тарикат не должен противоречить, но лишь способствовать торжеству принципов Ислама, которые так или иначе являются частью мировой цивилизации.

Но мир людей таков, что никогда еще ни в одной религии не устанавливалось полное единодушие. Потому споры между верующими любых религий не прекращаются по сей день, видимо, не прекратятся они и в обозримом будущем. И если бы не воля Аллаха на то, чтобы мир людей был таким, каким мы его видим сегодня, то нет сомнения в том, что он был бы другим. Ибо ничто в природе явной и природе тайной не в силах противиться своему Создателю.

<...>

Тем не менее, кадирийский тарикат, однажды утвердившись в Чечне (затем в девяти равнозначных селах Андийского вольного общества и во многих других селах Дагестана), трижды спас чеченский народ от полного уничтожения.

Вместе с другими добродетелями - совестью, разумом и любовью - это учение утвердило в умах горцев Чечни и Северозападного Дагестана, а несколько позже и ряда других, более южных районов великую пацифистическую миссию. Трудно переоценить все то духовно-интеллектуальное, которого

добились два великих муршида, Кунта-Хаджи и Умар-Хаджи, проповедуя гуманистическую форму Ислама.

Первый раз, в начале 60-х гг. XIX века, были существенно локализованы провокации горцев против имперских войск России, имевших абсолютное преимущество в военной и живой силе. Зачастую количество солдат, окружавших села в карательных целях, превосходило количество жителей.

Но среди горцев все равно находились безумцы, рвущиеся в бой, даже зная о неминуемости гибели, как своей, так и своих близких. Проповеди имама Шамиля и его наибов до самого его пленения в августе 1859 года поощряли безрассудную храбрость. Великий вождь, видимо, надеялся на то, что причинение как можно большего ущерба войскам противника, пусть и безрассудным способом, локальными стычками и малыми боями в результате внезапных набегов, в своей сумме подготовит условия для решающего удара. Он был нацелен на полную независимость Дагестана и Чечни. Но Аллах распорядился иначе...

А вот если бы удалось завоевать независимость Дагестана и Чечни, - позволим себе вариативный анализ, - то нет сомнения в том, что мусульманское государство Кавказа продолжило бы присоединения к себе еще и других мусульманских народов Северного Кавказа - кабардинцев, карачаевцев, абазинцев и т.д., вплоть до ногайцев. Но поскольку еще ни в одной мусульманской стране мира не было прецедента образования государства из множества исторически независимых друг от друга народов, то такое соединение шамилевского имамата изна-

чально было обречено на внутренние кровопролитные войны.

Эту вариативную модель продемонстрировала миру новейшая история Чечни, когда в 1996 году, в результате Хасавюртовского соглашения, она де-факто добилась независимости. Но де-юре оказалась не способной к централизованному управлению, чеченским сепаратистам не доставало ни политической, ни юридической, ни тем более религиозной культуры поведения.

И разве не удивительно, что этот результат Андийский Старец предвидел еще в 1870 году, когда оставшиеся без Кунта-Хаджи кадирийские мюриды уговаривали Умара-Хаджи возглавить газават против Царской России?! Или хотя бы дать фетву (освященное именем Аллаха разрешение) на возобновление шамилевского газавата, на что, конечно же, безумцы получили категорический отказ.

- Путь к независимости мусульман Кавказа, - говорил андийский муршид, - пролегает через совершенно иные добродетели, чем воинская отвага, сеющая смерть свою и чужую. Война, длившаяся полвека с небольшими передышками, сократила численность наших народов. Но самое страшное, война отводит людей от служения Аллаху. Вынужденные выживать отступают вглубь неприступных гор, где не удастся ни сеять, ни пахать, ни пасти, а потом из-за куска хлеба забывают не только о шарикате, но и обо всем человеческом...

Отсюда заключал Андийский Старец:

- Ас-саламийа (пацифизм) остается для нас самым оптимальным способом противостояния могучей империи иноверцев, но прежде всего мунафикам и лиходеям из числа самих мусульман.

Второй раз кадирийский тарикат спас горцев в ходе установления советской власти и сталинских репрессий. Об этом очень много написано, и мы не будем пересказывать широко известное. По крайней мере, старшему поколению кавказцев.

В третий раз свою спасительную мудрость кадирийский тарикат показал всему миру во время сепаратистских безумий и ельцинско-грачевской военной бездарщины 1994 - 1999 гг. Читай - еще более бессмысленной войны с Федеральным Центром, чем Кавказская война XIX в., имевшая в своей основе стремление горцев к сохранению веками сложившихся форм свободы и независимости.

В 90-х годах прошлого века и начале двухтысячных предводителем кадирийских мюридов оказался не посвященный в таинства тариката шейх, который и не претендовал на особый духовный статус. Но шейх, как выдающийся богослов, муфтий и политик, Ахмад-Хаджи Кадыров продемонстрировал на поле политической практики свою особую, отмеченную свыше, миссию. И сделал он это посредством кадирийского тариката. Свет истинной Веры в самое тяжелое время в истории чеченского народа помог Ахмаду-Хаджи Кадырову спасти свой народ. Народ и саму Чеченскую Республику от сепаратистского безумия, грозившего чеченцам полным уничтожением как административно-политической единицы с карты страны. Среди русских националистов крайне экзальтированного толка уже раздавались голоса, требующие от политического руководства РФ применение такого оружия, после которого не только Чечня, но и весь Кавказ притихнет надолго. Станет более послушным, чем

одурманенная самурайским «кодексом чести» милитаристская Япония...

Но что бы ни говорили, какие бы аргументы ни выдвигали против муфтия Чечни, ставшего впоследствии первым Президентом Чеченской Республики, факт спасения Ахматом Кадыровым своего народа от гибели никто уже не сможет опровергнуть. А такие попытки были и продолжаются сегодня! Но они обречены на профанацию, ибо Ахмад-Хаджи Кадыров уже вошел в историю Кавказа как великий религиозный и государственный деятель, шейх, муфтий и Президент Чечни.

Глава 7-я

ШЕЙХ УМЕР ИЛИ УШЕЛ В СОКРЫТИЕ?

Чтобы получить еще более полное и верное представление о шейхе-муршиде Умаре-Хаджи Андийском, надо знать его мнение о судьбе своего предшественника в ссылке...

В 1867 году, согласно официальной версии, полученной от надзорной администрации за ссыльными в г. Устюжна, Новгородской губернии (ныне Вологодская область), уроженец Чечни по имени Кунта-Хаджи Кишиев умер и был похоронен с номерным знаком... Место захоронения не сообщалось, видимо, из опасения, что глубокая российская провинция, где отродясь не было иноверцев, превратится в место мусульманского паломничества. А с учетом того, что во всех концах России, и город Устюжна не исключение, было немало русских людей, ненавидящих православную церковь, власти опасались обращения русских в Ислам. Подобных примеров хватало на Кавказе.

В столице имамата Шамиля была даже выстроена православная церковь для русских солдат и офицеров, так называемых перебежчиков, образовавших в армии горцев отряд православных мюридов. М. Н. Чичагова, первый биограф имама Шамиля, не

могла описать в полной мере то, почему и в каком количестве русские солдаты и даже офицеры низших высших чинов симпатизировали горцам.

По этой же причине не сохранилось ни одного упоминания о кавказских имамах в шедеврах величайшего певца природы и нравов Кавказа М. Ю. Лермонтова. Цензура и тайная имперская полиция неусыпным оком следила за вторым по значимости поэтом России. Есть основания предполагать, что Лермонтов описал в стихах осаду Ахульго - самого трагического для горцев сражения, но рукописи, по всей видимости, были изъяты и уничтожены тайной полицией незадолго до роковой для поэта дуэли.

Как бы то ни было, религиозный раскол в русском православном обществе (Никоновские реформы) и гонения на хранящих преданность исконно русскому религиозно-языческому культу (Дажь-Бог, Сварог, Велес) были очень кровавыми. И если даже исходить из того, что Велесова книга является фальсификацией Ю.П. Миролюбова (1892 - 1970), то многочисленные факты тайных пристрастий в русском народе к древнеславянским культам говорят о существовании в XIX в. антиправославных тенденций. Это положение во многом объясняет и успех большевистского переворота в 1917 году. При дилемме православие или атеизм среди русских людей находилось очень много таких, кто отдавал предпочтение второму. Отсюда и угроза обращения русских в Ислам, ибо при возможности выбора найдутся немало таких, которые захотят стать мусульманами. Словом, всё в мире людей наслоено и через опосредованные ряды вещей и явлений взаимосвязано. И хотя Ислам не

менее категоричен по отношению к язычеству, чем православие, он имеет определенный успех в условиях поиска социальной справедливости. Особенно в кадирийском толковании.

<...>

Когда в Чечне стало известно о том, что святой шейх Кунта-Хаджи Кишиев умер, кадирийские мюриды собрались на большой зикр, где присутствовал в числе старцев и Умар-Хаджи Андийский. Согласно преданиям, несколько старших мюридов, близко знавших Кунта-Хаджи, видели, как святой шейх в белых одеждах спустился к ним с неба и присутствовал до самого конца мистерии. Потом сказал нескольким избранным:

- Не думайте, что я умер в ссылке. Я по воле Аллаха ушел в сокрытие и останусь в сокрытии до наступления Часа последнего сражения, чтобы вместе с имамом Махди сокрушать грешников.

Конечно, положение о том, что святой шейх Кунта-Хаджи не умер в далекой ссылке (1867 г.), а скрылся от несправедливости мира земного, вызывает множество вопросов. Во-первых, жить в сокрытии и не зависеть от физических законов (не стареть, не болеть, не нуждаться в пище и жилье) - является шиитской версией. Во-вторых, в суннитской версии человеку по имени Махди еще предстоит родиться, но исключительно в семье потомков Пророка (с.а.в.). И именно он возглавит сражение с неверными и только он один одолеет самого могущественного из грешников - Даджала (Антихриста). Ну и в-третьих, эти предания, с точки зрения исламской логики, никак не должны отражать-

ся на основах акиды (убеждения): веры в творца, ангелов, книги, пророков, судный день и предопределения. Не зря ведь символом кадирийского тариката является зеленая роза с тремя рядами лепестков: 5-6-7, сиволизирующих 5 столпов Ислама, 6 элементов веры и 7 слов в формуле зикра.

С точки зрения земных (материалистических) представлений, мистические образы святых кажутся фантастической легендой, не соответствующей действительности. Но и буквализацию мистических утверждений не приветствовал Умар-Хаджи, как и пристрастия к земному. Во всяком случае, сохранилось предание об аллегориях Андийского Старца, которыми он объяснял необъяснимые, с точки зрения здравого смысла, вещи. В том числе по вопросам о судьбе своего предшественника Кунта-Хаджи, о том, как именно он ушел в сокрытие и как это следует понимать.

Положение о сокрытии Кунта-Хаджи, бытующее сегодня среди зикристов, оспаривают и мюриды братских для кадирийцев накшбандийского и шазалийского тарикатов. Также не все кадирийцы, каковых в мире очень много, слышали о существовании такого святого, как Кунта-Хаджи. Но делают они это уже не с материалистических и не с антагонистических позиций, как атеисты и салафиты, соответственно. Исламская богословская логика достаточно деликатно интерпретирует все то, что непостижимо посредством здравого смысла.

- Не предавайтесь чрезмерно спорам, братья мои, - наставлял людей Андийский Старец.- Истина в конечной инстанции откроется людям лишь на Судном дне. А если ваш ум отказывается принять на веру что-то невероятное, но касающееся проро-

ков, алимов, шейхов- имейте адаб (этику, совокупность человеческих качеств: совести, благоразумия, осторожности) и терпение дожидаться Судного дня. На нем лишь спадают все завесы, но и тогда не откроется сокровенное во всей своей полноте, ибо она строжайше хранится у Аллаха. Но откроется сокровенное до степени достатка и изобилия в раю, где возрадуются те, кто страдал за истину и справедливость.

Уже одно то, что мюриды кадирийского тариката на Северном Кавказе не делают из разногласий внутри мусульман большую проблему, а ко всем мусульманам мира, соблюдающим фарз и сунну, относятся по-братски, ничего не навязывая из своих отдельных убеждений и мистических ритуалов, делает им великую честь. Их пример поистине достоин подражания не только для салафитов и мюридов иных тарикатов, но и для всех людей доброй воли и здравого ума. В том числе и для академических ученых сциентистов и антисциентистов... Первые идеализируют академическую науку, вторые науку консервируют, акцентируя усилия общества и власти на гуманистических началах.

А между тем истина лежит где-то посередине. Правда сциентисты и антисциентисты в своем противостоянии не опускаются до решения научных споров методами убийств, терактов, сепаратизма. Основной их недостаток, с точки зрения предельной рассудительности, в том, что они игнорируют мистический фактор бытия. Хотя, конечно, среди антисциентистов встречаются и совершенно верующие люди.

Кадирийская форма пацифизма - как оптимальная парадигма миротворчества - заслуживает серьезного внимания и со стороны политиков, и со стороны лидеров гражданского общества, то есть руководителей общественных организаций и движений.

Если учесть главную заслугу двух величайших пацифистов Кавказа, Кунта-Хаджи и Умара-Хаджи, - удержание горцев от бессмысленных войн против царской России, грозивших им полным исчезновением, - то прогрессивный потенциал Кадирийского тариката станет еще более очевидным и образы обоих муршидов - более значимыми в российской истории. И хотя, с точки зрения строгой логики, есть немало критических вопросов к кадирийскому тарикату, это поистине великое учение и великое благо для исламского мира. Да и не только исламского, честно говоря... Ведь по сути своей в мире нет ни одного учения: ни религиозного, ни научно-идеологического, - которое бы не подвергалось критике с разных сторон. А критика, как это хорошо знают культурные люди, бывает разной: верной и неверной, производимой для исправления того, что плохо, незаконно, и, наоборот, для того, чтобы запутать людей, подменить истину ложью, а то и вовсе развязать войну и обогатиться на ней.

Глава 8-я

ИДЕЙНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Есть множество вопросов, заставляющих меня, раба Аллаха, Арсанали Салгиреевича Муртазалиева, торопиться завершить работу над книгой «Умар-Хаджи Андийский». Это исторический очерк о святом кадирийском шейхе Умаре-Хаджи Андийском. Удивительные качества мумина стали проявляться в нем еще в колыбели... Но эта тема особого порядка. Ее нельзя затрагивать с расчетом на логическую аргументацию, ибо сама наука бессильна объяснять феномены мистических озарений человека. Но историю о его жизни и чудотворной силе его учения, которое он развил для блага людей и во имя Аллаха, как предписано это в Коране и показаны в примерах хадисов, необходимо поведать миру.

Читатель, конечно, волен верить или не верить в то, что Андийский Старец отвращал хищных зверей от затерявшегося в лесу домашнего скота, карательные отряды царских сатрапов – от мирных сел, а русских каторжан – от революционного атеизма, бурлившего в Российской империи в конце XIX - начале XX вв. Наверное, не столь важно, многих ли русских и кавказских атеистов он отвратил от революционного безумия и многих ли привел в Ис-

лам. У нас нет критериев, для определения, какое количество считать многим, а какое малым. Ведь отвращение от зла даже одного человека - уже духовный подвиг.

<...>

XX век ознаменовал собой фантастический прорыв в технике. Это случилось посредством НТР (Научно-технической революции). С одной стороны, это казалось благом, а с другой, на мир безудержно катилась эпоха воинственного атеизма, подминающая под себя все, что связано с религией. Марксисты еще в XIX веке объявили, что «разрушат мир до основания и на его месте построят новый». И хотя эта угроза была осуществлена примерно на половине планеты, мир изменился в XX веке до неузнаваемости.

Но вот учение большевиков, марксизм-ленинизм, не выдержав испытание временем, разрушилось через 74 года, а учение Андийского Старца о вечном, священном, несущем благо для верующих - осталось в умах и сердцах многих тысяч мюридов Дагестана и Чечни. И чья вина, если об этом поистине великом святом шейхе не слышали в других уголках Кавказа и России? Полагаю, прежде всего, - наша, тех, кто знает об этом удивительном муршиде от своих отцов и дедов, но ничего не делает в плане мирного джихада и благостного даавата.

<...>

Если же Аллаху будет угодно, что дни мои сочтены, и мне не удастся завершить труд моих много-

летних размышлений о религии, науке, добре и зле, о формах истины и лжи, природу которых я стал постигать в свете учения святого шейха Умара-Хаджи Андийского, я завещаю завершение работы над этой книгой своему другу, писателю Магомеду Султанову-Барсову.

Если он исказит мою мысль или привнесет в текст о моих размышлениях, которые я изложил ему устно, вредоносное для мусульман содержание, то Аллах ему Судья. А если он добросовестно реализует мой замысел в жанре религиозно-исторического и/или историко-философского очерка, то и награда ему у Всевышнего Аллаха - большая.

Ни о чем я так не просил Аллаха, как о даровании разума и мудрости народам Дагестана, Чечни, Кавказа, всей Российской Федерации, всему исламскому миру. Ибо свято верю во все шесть пунктов мусульманского символа веры (в Аллаха, ангелов, книги, пророков, судный день и предопределение). И ничто меня так не печалило, как рвение, желание некоторых людей решать великие мистические задачи с помощью примитивного обыденного разума и грубой физической силы.

И хотя это не значит, что люди должны сидеть сложа руки или предаваться только молитвам, мистика как самая сокровенная часть мироздания требует для понимания чистоты помыслов непредвзятое отношение к объективной истине, которая, чтобы ни говорили атеисты, ведет людей к своему Создателю. Что же касается ученых из числа профессоров, склонных понимать объективное (не зависящее от воли и желания людей) только в рамках материальной природы, то я им всегда задавал один

и тот же вопрос: если не Аллах сотворил этот удивительный мир, то откуда он мог взяться?

Конечно, ответить на это можно по-всякому, язык-то без костей. Но ответить, не погрешив против истины, интерпретациями из теорий эволюционизма, дарвинизма, Большого взрыва, невозможно, ибо если и был взрыв, то Кто Взрыватель?

Следовательно, аргументы против мистики как сокровенной реальности не более логичны, чем наши, проникнутые чувством к обеим реальностям - земной и загробной. И да хранит вас Всевышний.

Глава 9-я

ПАЦИФИЗМ И ЧАС ВЕЛИКОГО СРАЖЕНИЯ

Пацифизм - неприятие войны, а Час великого или последнего сражения- это мистическое возмездие грешному миру на Земле, чем собственно и должно завершиться история Рода человеческого согласно двум Писаниям - Евангелию и Корану.

В то же время, пацифизм и сражение, с точки зрения формальной логики, являются вещами совершенно не совместимыми. Что же касается понятия «Часа великого сражения», то оно имеет место в вероучении Ислама и ряда христианских конфессий (Православия, Католицизма и др.) исключительно догматическое или, если иначе, неизменное значение. Но российские мусульмане до сих пор не приемлют понятие «догма» и производные от него лексемы: «догмат», «догматизм», «догматическое». И как ни странно, рудименты атеистического прошлого нашей страны передаются и новому поколению российских мусульман по отношению к термину «догмат» и ряду других терминов, например, как уже говорилось выше, к термину «мистика». И, хотя на языке Корана имеются эквиваленты понятий «догмат» и «мистика», среди исповедующих Ислам россиян наблюдается устойчивая тенденция

к их игнорированию, что объясняется, на наш взгляд, досадными акциденциями.

Как бы то ни было, мы не сможем продуктивно рассмотреть вопросы исламского пацифизма и предсказанного пророком Мухаммедом (с.а.в.) Часа великого сражения, не условившись в терминах «догма»²⁷ и «мистика». О мистике мы выше уже сказали все, что можно было в качестве вводного курса. А сейчас в дополнение к толкованию, данному в сноске на Философский энциклопедический словарь советской эпохи, дадим еще и свое определение:

Догма - это священный принцип или закон в религиозном вероучении, принятый раз и навсегда без права на отмену. Отсюда вопрос: существуют в исламе такие принципы или законы, которых нельзя отменять? Разумеется, да. Как они называются на арабском языке? В обобщенном плане их называют «акидой» (йакъин, иг'тикъад).

²⁷ДОГМА (греч. - мнение, решение, учение, постановление): доктрина или отд. её положения, принимаемые за истинные без доказательства, опытного обоснования и практич. проверки, а лишь на основе религ. веры или слепого подчинения авторитету. Д. рассматривается их приверженцами как незыблемое, независимое от конкретной реальности, условий места и времени. Так, основу любых религий составляют принимаемые на веру, обязательные для всех верующих догматы, которые не могут подвергаться сомнению и критике. В науке форму Д. нередко обретают те или иные устаревшие положения, поддерживаемые и защищаемые консервативно мыслящими учёными. Марксизм-ленинизм - решит. противник любых Д. Его основоположники подчёркивали, что они рассматривают своё учение не в качестве Д., а как отражение непрерывно развивающейся действительности и как руководство к действию. Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.

Но прежде чем интерпретировать понятие «Часа великого сражения», в ходе которого будут перебиты все до единого грешники, необходимо запастись целым рядом и концептуальных понятий. Это необходимо для производства понятийных синтезов из смысловых конструкторов, формально являющихся несовместимыми (война и мир, огонь и вода, светлое и темное, мудрое и глупое). Например, смерть как распад и тление физического тела человека и воскресение из мертвых формально (логически) несовместимо. Но нельзя быть мусульманином, если не признавать догмат воскресения. И вот признание данного догмата одновременно с осознанием формальной несовместимости элементов содержания данного догмата (смерть, тление, воскресение, реальная жизнь за чертой смерти) является производством понятийного синтеза.

Этот понятийный синтез не научный, а богословский, религиозный, вероубежденческий. Вне таких синтезов мы никогда не сможем получить верное представление об исламском понятии «Часа великого сражения», хотя конечно, его можно и без рассуждений и сомнений принять на веру. И в этом тоже нет ничего плохого. Не могут все люди изучать глубинные смыслы мира и мыслящего духа. Достаточно и того, что человек, уверовав в Создателя, ведет правочерный образ жизни. А для развития исламского богословия и наук о мире и обществе есть алимь (богословь) и ученые (академисть), которые часто совмещают, как велено в Коране и разъяснено в хадисах, мирские и религиозные знания.

Но для тех верующих, которые хотят непременно понять смыслы вещей и явлений, мало владеть

формальной логикой, необходимо иметь еще знания об иррациональном и обязательно в контексте регулятивного рационального. Формальная логика есть лишь базовая учебная часть, обучающая правильно мыслить. Но возможности формальной логики ограничены пределами эмпирического (опытного) и трансцендентного (идущего извне материального). Между ними функционируют имманентные и рациональные функции сознания. В условиях необходимости решать сложные, сверхсложные и чрезвычайно запутанные задачи, как, например, в деле противоборства различных религиозных течений внутри Ислама, применяются более высокие уровни логической науки. Это темпоральный, холистический, редуктивный и др. виды и уровни логики, так или иначе переходящие в математический анализ. Но все науки буквально меркнут перед Лицом Аллаха. Следовательно, наивысшим актом человеческого сознания является вера в Него, как в Живого, Милостивого, Милосердного, Всевышнего Творца неба и земли.

<...>

Выше мы неоднократно делали оговорки о том, что пацифизм - как неприятие войны и жестокости - в учениях Кунта-Хаджи и Умара-Хаджи не тождественен европейским аналогам. Но это различие касается лишь определенных регулятивных аспектов, которые имеют в Исламе важное значение. И потом, эти оговорки нужны для отсекаания потенциальной критики в адрес кадирийского учения вообще, и духовного наследия двух великих шейхов в частности. Потому заметим еще раз, что ка-

дирийский пацифизм основан на законах естественного права, в число которых входят прежде всего знамения Аллаха.

Например, факт рождения человека, животного, насекомого, прорастания любой травинки есть великое знамение Аллаха. Ведь по факту рождения человек получает исключительное право на жизнь, пропитание, развитие, участие в благих делах общества, что само собой предусматривает также и право на размышление об основах мира и формах сознания. И если это положение естественного права не вступает в противоречие с вероучением Ислама, то практиковавшийся Андийским Старцем и Кунта-Хаджи пацифизм (ас-саламиа) совершенно правомочен с точки зрения шариата.

Миротворческий характер Ислама ярко выражен в человеколюбивых начала Корана и хадисов, в которых смертная казнь предусмотрена лишь для злодеев, совершивших тягчайшие преступления. Наличие в Исламе догмата (напомним лишний раз: священного закона, не подлежащего изменению) о смертной казни не говорит о жестокосердии мусульманского вероучения, это объективная закономерность, согласно которой человеческий вид подлежит принуждению соблюдению законов.

И потом, надо думать, не случайно мы имеем объективным обстоятельством то, что в мире до сих пор не возникло ни одно пацифистическое государство!

Следовательно, пацифизм как один из идеалов гражданского общества и миролюбивых форм религий не предназначен для государственного строительства. Он нужен для исправления военно-по-

литических, уголовно-преступных и социально-анархистских ошибок и перегибов.

В демократических странах, в которых отменена смертная казнь, эту функцию с лихвой восполняют иные законы, согласно которым полицейские имеют право расстреливать подозреваемых в преступлении на месте задержания в случае оказания сопротивления. Но сопротивления могут иметь совершенно разную мотивацию, и средства реализации цели сопротивления могут быть весьма благородны. А потому оговорка, что имелась угроза жизни и здоровью полицейского, далеко не всегда соответствует правде. Значит, сама по себе отмена смертной казни не говорит о прогрессе демократии.

Это особенно очевидно, когда анализируешь страсти ряда демократических правительств, взявших себе за правило экспортировать «демократию» на остриях ракет, авиа-бомбардировок. В точности, как в старину, когда на остриях мечей и копий экспортировалась власть завоевателя. Ведь и тогда для легитимации своих злодеяний завоеватели вынужденно апеллировали к истине и справедливости, пусть и по-разному, но все же, было нечто похожее на необходимость защитить «права человека». Вот только вопрос: какого человека?.. Мир уже вдоволь насмотрелся такой демократии и никому она не нравится. Разве что, ангажированным корыстными проектами кучкам одиозных типов. Но речь не о них, а о большинстве общества, воля которого по сути и есть истинная демократия. А все те нравственные и моральные перегибы, что навязываются общественному большинству ничтожным юридически, но изловчившимся постмодерни-

стически меньшинством, отнюдь не продукты демократии. Это, скорее всего, издержки несогласованности общественного большинства, которое априори всегда на стороне законности и порядка.

Или взять самую демократическую и де-юре нейтральную страну в мире, Швейцарию. Она провозгласила принципами своего государственного устройства военно-политический нейтралитет и гуманистические идеалы. Правда, гуманистические идеалы Швейцарии, не мудрствуя лукаво, конверсируются в мировой банковский бизнес. Но ведь и она тоже не может обходиться без своих силовых, правоохранительных и правоприменительных структур. Швейцария обеспечивает Ватикан отрядами охраны, а в случае необходимости может пользоваться армиями демократических стран, которые далеко не все отказались от высшей меры наказания в виде смертной казни. Так что, предписанные в Исламе условия для совершения смертной казни и обязательного сражения не выбиваются из курса общечеловеческого гуманизма и миротворчества. За исключением тех случаев, когда ответственные лица в мусульманском государстве, где частично или полностью провозглашен в качестве основного закона шариат, искажают предписания Корана и Сунны, неверно пользуются тафсирами, что может случаться, как в силу невежества, так и злого умысла или из соображений корыстной выгоды, конформизма.

Помимо этого, есть еще ряд ценностей духовно-нравственного и социально-поведенческого характера в Исламе, строгость в соблюдении которых обязательна в кадирийском тарикате, что еще раз

подчеркивает исключительную и естественную связь кадирийского пацифизма с основами Ислама.

Сегодня на Кавказе кадирийские мюриды не преследуют никаких политических целей. Для этого нет ни малейших предпосылок и необходимости. Для кавказских кадирийцев важно исповедовать религию Ислам, оправлять свои мистические ритуалы - зикр, мавлиды, зияраты - и быть максимально полезными обществу.

Естественные институты государства - экономика, право, политика, наука, промышленность и классические формы культуры, ориентированные на традиционно-консервативные ценности, в рамках которых нет места постмодернистическим извращениям - признаются кадирийцами дозволенными Аллахом. И если в этих госинститутах кадирийцам приходится учиться и работать бок о бок с людьми иных вероисповеданий и убеждений, они находят для этого достаточно мудрую линию поведения, чтобы органично вплестаться в общую для всех граждан юрисдикцию.

В то же время должно быть ясно и то, что пацифизм исламский, как и любой другой, имеет одну основу - неприятие войны, жестокостей и стремление к миру всеми законными методами и средствами. Если по этой причине, по причине тождества с неисламскими формами идеалов, отвергать исламский пацифизм, то логика отвержения так или иначе коснется и других, более глобальных и существенных для Ислама понятий.

Например, монотеистическими религиями являются Ислам, Христианство, Иудаизм. Пусть с разной долей дифференциации, но все же наряду с

Исламом Христианство и Иудаизм провозглашают себя де-юре религиями единобожия. Однако, в силу имеющихся различий и аккумулирующихся исторически противостояний, никому из правоверных мусульман не приходит в голову отказаться от такой парадигмы (картины мира), как «единобожие». Так почему же находятся такие пропагандисты среди мусульман, которые призывают не участвовать в работе государственных институтов! То есть отказываются от естественно-исторических методов и средств общественного развития на том основании, что во власти работают не мусульмане. Не разумнее ли будет работать в органах власти, поступать на службу в полицию, армию и т. д. и тем самым конкурировать с немусульманскими деятелями?! Разве это плохой путь к исламской доминанте в неисламских странах?!

Вряд ли мы тут имеем дело с теми, кто не знает, что никакая экономика, наука, промышленность и культура немислимы в условиях отсутствия всей полноты органов власти. А раз так, то и призывы их мотивированы не радением за чистоту веры, а скрытыми под занавесью веры чрезвычайно крамольными целями...

Также не излишне довести до сведения тех, кто спекулирует идеалами Ислама, что философия атеизма (материализма) и философия идеализма так же, как и исламская религиозная философия имеют одну общую основу - монизм. В исламе - это таухид (один, одно, единственность), в материализме - точка, равная абсолютному нулю или материальная потенция, в идеализме - космический дух или мировой разум.

И вот, с точки зрения проповедей Андийского Старца, наилучшей формой конкуренции с историческими оппонентами таухида является мирный джихад.

В самом деле, в условиях мирной конкуренции религий. Ислам получает существенное преимущество. Интерполятивные (выборочные, приближенные) методы социальных исследований показывают, что идеалы Ислама, по крайней мере, в их жизненной плоскости, близки всем людям, не обремененным ультралиберализмом и прочими формами неклассического индивидуализма. Это потому, что постлиберализм и вытекающие из него формы индивидуалистического модерна заражены бактерией декомплексации морали и нравственности, доходящие до таких форм извращений, что приличные люди не хотят об этом даже говорить, опасаясь эффекта «отравленных ключей».

<...>

А ведь есть еще и такие религии, в которых основа бытия провозглашается совершенно иная, чем в монотеизме и материализме. Это политеистические (язычество, многобожие), антропоцентристские (буддизм, даосизм, ламаизм и мн. др.) и синкретические (анемизм, тотемизм и др.) религии. В их основаниях обнаруживаются такие понятия, как дуализм (два равноправных начала мира, дух и материя, чаще воплощенные в персонифицированных образах богов, демонов), гилозоизм (разумность косной, вещественной материи), нирвана (люди, достигшие предельных степеней про-

светления) и локальные объекты мира (дерево, камень, статуя, духи предков, животные и т.д.).

На Северном Кавказе вплоть до позднего средневековья, до эпохи трех кавказских имамов - Гази-Магомеда, Гамзат-бека и Шамиля, имели место быть самые разные верования, начиная от политеизма, кончая зороастризмом. Так что критика в адрес кадирийского тариката, без учета основ разных вероучений и форм исламских течений, неминуемо будет грешить против истины. А истина в том, что кадирийский тарикат в его канонической форме имеет такую же структуру, как и накшбандийский, шазалийский тарикаты, которые в свою очередь твердо стоят на шариате, как и течение салафитов. Правда, возникает вопрос о «золотой ветви» (сильсия) пророка Мухаммеда (с.а.в.). И хотя вопрос не представляется разрешаемым, кавказские кадирийцы снимают это противоречие тем, что относятся к силсиле с уважением, хотя сами ее не практикуют.

Таким образом, надо понимать, что в учениях истинных тарикатов все начинается с шариата. Но оппоненты этого не слышат или, что вернее, не хотят слышать. Шариат же как свод духовных и мирских законов требует для своей реализации весьма сложной методологии, одним из элементов которой и является тарикат - путь к Всевышнему, осуществляемый путем очищения нафса (плотских страстей, мирских желаний) и совершенствования аль-г'ук'уль, иг'тибааруг'а (психики). Для этого тарикат практикует мистические ритуалы.

Но одних мистических ритуалов тоже недостаточно для положительной результативности в Исламе. Потому на третьей ступени тариката суще-

ствуется такое понятие, как «маарифат» (знания). И лишь затем, на четвертой ступени - ишк, фана (предание себя Всевышнему до полного мыслительного растворения). Но об этом мы не будем говорить, ибо тема ишка едва ли не самая сложная в исламских науках. Тут мы сталкиваемся с тонкой гранью, нарушив которую можем сползти к пантеизму - смешению всей материальной природы в природе Аллаха, выраженному в Его 99 прекрасных именах. А пантеизм совершенно не приемлем для кадриЙцев и других истинно тарикатских учений, равно, как и для салафитов.

И если объективно анализировать сходства и различия в учениях истинных суфиев, которые по большому счету, тоже являются салафитами (приверженцами не искаженной веры), то элементы сходства окажутся в абсолютном большинстве, а различия - в ничтожном меньшинстве. Тем не менее, инициаторами исламского раскола, как ни печально, являются салафиты. Следовательно, они и должны прекратить усугубление раскола в Исламе.

* * *

Умар-Хаджи андийский повторял в своих проповедях, что мы, рождаясь, находим этот мир таким, каким его замыслил Сам Аллах. Он же, Всевышний, замыслил его таким, что люди должны трудиться не только над выращиванием хлеба насущного или иного способа добычи пропитания, но и над очищением разума от заблуждений. А это очень не просто.

Для тех, кто сталкивается с трудностями в представлениях о мире и разуме, есть золотое правило,

интерпретированное многими исламскими мыслителями, в числе которых такие религиозные исламские философы, как Мухаммад аль-Газали, Ибн Рушд и многие другие. Это правило заключается в том, чтобы НЕ рассуждать о вещах неведомых или сомнительных в плане личного понимания. Это убеждает мусульманина от досадного согрешения против истины, а истина, сохраненная в чистоте, прямо или косвенно способствует наилучшему устройению дел на жизненном пути верующего мусульманина.

Война же за веру является последним рубежом, отступать за который уже некуда. Разве что в ад, обещанный в священном Коране для вероотступников и прочих типологий злодеев.

* * *

Основы пацифизма заложены во всей суфийской доктрине Ислама. Они могут быть искажены в сектантских формах псевдотарикатов. Но их влияние на исламский мир столь незначительно, что нет смысла подробно останавливаться на них. Заметим лишь, что есть псевдотарикаты в отдаленных от цивилизации регионах, где распевания прекрасных имен Аллаха досадно искажены, а представления о Всевышнем и Его посланнике Мухаммеде (с.а.в.) в них оставляют желать лучшего. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что большинство мусульманских лидеров заняты борьбой за власть, влияние на политической арене, из-за чего в эти мусульманские общины редко попадают образованные алимы, чтобы открывать там медресе и работать в мечетях

имамами, не говоря уже об исламских университетах.

Нет сомнения в том, что у каждого ответственного за дела мирские и религиозные будет спрошено на Судном дне. Согласно вероучению Ислама, каждый алим, каждый мусульманский правитель, политический деятель, военачальник, купец, предприниматель и иной субъект социокультурной жизни будет спрошен за дела свои земные, в том числе за поражение в историческом развитии. В этой связи Андийский Старец приводил своим мюридам канонические толкования аятов Корана и примеры из хадисов, в которых ясно говорится, что «нет рая для жестоких, немилосердных людей, для тех, кто понапрасну губит себя и других, порождает сирот, сеет разруху и смерть».

Вместе с тем, он остерегал мюридов от однозначных оценок великому имаму Шамилю, которому еще Кунта-Хаджи говорил, что борьба против русского владычества на Кавказе бессмысленна. И обосновывал свое суждение на очевидности воли Аллаха методом далилов (мусульманских религиозных форм производства аргументации и доказательства).

Конечно, среди мусульман есть немало таких, кто находит оправдания жестокостям и даже самым бессмысленным войнам. Они толкуют Коран и хадисы в самых досадных формах, игнорируют логику тафсиров, изложенную святыми алимами, не говоря уже о формальной логике, изложенной философами, в том числе арабскими перипатетиками (мусульманскими знатоками аристотелевской философии).

Вследствие этого в глазах немусульманских народов мира все больше утверждается мнение, что Ислам, якобы, религия изначально агрессивная, лишенная миротворчества и разумной дипломатии. И хотя мы не религиозные алим, но, следуя духу Ислама и логическим основаниям мира, мы убеждены в миротворческом характере нашей небесно-чистой религии и в ее колоссальном потенциале во всех количественно-качественных параметрах общественной жизни. Разумная дипломатия Ислама, как на уровне государств, так и на уровне простых людей, совершенно правомочна по шариату. Мусульманам ничто не мешает жить мирно и исповедовать свою религию, кроме экстремистских заблуждений. А в тех регионах мира, где все же есть проблема мирного исповедования Ислама и оправдания своих мистических ритуалов (зикра, мовлида, зиярата) или периодически возникают такие проблемы, то и они могут получить свое прекрасное разрешение методом разумной дипломатии, привлечением международной общественности, в конце концов. Ведь даже самые отпетые фанатики с удовольствием и открыто пользуются услугами иноверных держав, в том числе военно-политического характера.

Есть известная еще с древности закономерность социальной психики человека, согласно которому ни один закон, ни одна норма позитивного права, что государственного, принятого людьми, или данного Свыше, в форме законов шариата, не работает вне человеческого фактора. Это только законы природы, установленные Аллахом еще при сотворении мира, работают независимо от воли и желания людей. А для того, чтобы конституцион-

ные, уголовные или шариатские законы работали неукоснительно, необходимо наличие силового контроля над их исполнением. И коль скоро о нормах шариата было замечено в контексте «придуманных людьми законов» (Конституции, УК, ГК, ФЗ и т. д.), следует сказать несколько слов об их иерархичности и приоритетности.

Конечно, в ряду форм человеческих взаимоотношений, выраженных моральными или государственными законами, выше всех норм и принципов права для мусульман стоят законы шариата. Но значит ли это, что мусульмане вдруг должны наплевать на позитивное право (действующее в государстве законодательство), взять в руки оружие и силой насаждать шариат? Ясно, что нет. Это путь абсурдизма и мракобесия, путь к гибели мусульманских народов.

Тогда как же мы, правоверные мусульмане, решаем задачу шариатского приоритета над всеми прочими формами законов и права? Ответ вытекает из логики Ислама как небесно-чистой религии, о чем неустанно твердили горцам Кунта-Хаджи и Умар-Хаджи... Их ответы, адаптированные к современному языку и реалиям наших дней, будут звучать примерно так:

1. следует развивать мусульманские общества до степени безальтернативного предпочтения основ Ислама всем иным основам;

2. необходимо добиться такого уровня цивилизационного совершенства мусульманских обществ, видя которое люди из немусульманских народов потянутся длинной вереницей в лоно Ислама;

3. для этого необходимо отдать приоритет земной власти и материальных богатств одержавшему военно-политическую победу противнику;

4. укреплявшие духовную твердыню народы рано или поздно возьмут верх над народами, умножавшими мирские богатства;

5. ни один народ, за исключением дикого, полудикого и совсем уже развращенного, не устоит перед чистотой Ислама как наивысшим духовным богатством, дарующим счастье в мире земном и в мире загробном.

В самом деле, если бы мусульманские народы мира держались духовного приоритета, то такой мировой полицией, как США и их хитроумные союзники, не находили бы повода бомбить и захватывать мусульманские страны, в том числе руками мусульманских фанатиков, используемых ими втемную, как это было в Афганистане, Ираке, Ливии и ряде других стран. Что же касается вопроса установления шариата «здесь и сейчас», немедленной исламизации всего населения, независимо от существующей там государственной реальности, то это из области антиразума, еще дальше отдаляющего мусульман от исторического развития.

Аллах лучше знает, как и чем испытывать человека, потому и установил Он в природе именно такие законы, которые мы наблюдаем с научных позиций. Они одинаковы для мусульман и не мусульман... Но не учитывают многие мусульманские лидеры эти и другие факторы, в результате сегодня полноценным суверенитетом не обладает ни одно мусульманское государство.

Тут мы невольно касаемся очень тонкой материи, которая, кроме вещественной, бывает еще и духовной, психологической, социальной и т. д. Например, салафиты могут возразить, говоря, что если людей не казнить, причем публично, то они

будут пьянствовать, впадать в аморальность и т.д. С одной стороны это так, но с другой - иначе. Если уже говорить предельно откровенно, то среди ратующих за немедленный шариат и смертные казни, тоже ведь попадаются скрытые грешники, употребляющие вдали от глаз единоверцев спиртные напитки, наркотики, занимающиеся прелюбодеянием и преступным промыслом. Как быть с ними? Особенно в тех случаях, когда такого рода группа «шариатистов» вдруг дорывается до государственной власти? Разве мало примеров, когда под исламскими призывами и лозунгами люди приходили к власти, но благочестия в обществе становилось только меньше, а горя и страдания - больше?! Куда продуктивнее было бы установление шариата в государстве эволюционным (постепенным, планомерным) путем...

Таким образом, мы хотим прибегнуть к понятию «Часа великого сражения» в качестве аргумента правоты всего выше сказанного.

* * *

Час великого сражения - это последнее и победоносное сражение мусульман с грешным миром. Он подробно описан в хадисах, как эпоха, в котором восторжествуют справедливость и благоденствие. И наступит это время тогда, когда произойдет второе пришествие пророка Исы (Иисуса), да будет им доволен Аллах. В это же время появится имам Махди, пророк Иса призовет его к сражению с грешным миром, выступающим во главе с Даджалом (Антихристом).

Можно себе представить ухмылку на лицах атеистов, читающих эти строки, а также готовность к оппонированию правоверных христиан, причем разных конфессий. И в этом нет ничего удивительного. Куда более удивительно то, что верящие в Час великого сраженья мусульмане наперекор разуму игнорируют понятие «мистика» (араб. ат-тассавуф, бат I иният).

А между тем, только мистика как закономерность сокровенного объясняет логичность такого исхода человеческой истории - как Час великого сражения с участием пророка Исы и имама Махди.

Когда Умар-Хаджи Аль-Анди вещал о Часе великого сражения, народ внимал ему затаив дыхание. Даже будучи в ссылке в глубине Российской Империи в г. Новосибирске Андийский Старец поражал воображение уголовников, социалистов (революционных террористов), христиан и мусульман - описанием подробностей последней войны на Земле. Есть сведения о том, что под влиянием его проповедей десятки уголовников, революционеров и прочих жаждущих истины христиан, и даже сектантов приняли Ислам.

Шейх был подвергнут ссылке царской администрацией Дагестана, которая боялась роста его влияния среди горцев. Но аскетизм Старца, кротость нрава и неизменная при этом твердость духа, помноженные на знания, подкупали даже надзирателей в лагере для ссыльных преступников.

Шейх быстро овладел русским языком и в своих письмах на Родину говорил восхищенно о бескрайности русских равнин, благодатности их городов, о величине этой нации. Находил много общего в их ментальности с нравами горцев, как честными, так

и плутоватыми, злыми. Он выражал в своих письмах на родину мысль, перекликающуюся с мыслью Л.Н. Толстого («Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»): «Все плохие люди во всех народах и религиях одинаково негожи, а все хорошие - отличны друг от друга, как блага Аллаха, даруемые им миру, как знамения свои. Как блага воды, мёда или молока - различны друг от друга, но, поскольку они есть блага, непреходящи, так и хорошие люди на земле - непреходящи».

<...>

А еще Андийский Старец сокрушался в своих письмах по поводу того, что тысячу лет назад в стольном граде урусов, Киеве, арабские проповедники не сумели конкурировать с греческими миссионерами. Он силился понять причины, которые не позволили донести слово Аллаха Всевышнего до ума и сердца русского князя Владимира надлежащим образом.

«Отпугнули-таки русского вождя, князя по имени Владимир. И отпугнули таким «пустяком», как запрет на винопитие... И что? Мало ли мусульмане пьют вина и бузы! И даже пьяные становятся на молитвы... Это, конечно, печалит ангелов и гневит Аллаха. Но джахиль ведь как ребенок! Разве можно отбирать у ребенка его любимую игрушку - вино? Ведь сам пророк Ислама Мухаммад (с.а.в.) не сразу запретил винопитие. Многие из первых мусульман становились на молитву в изрядном подпитии, пьяные. Но когда вера окрепла достаточно,

Сам Аллах Великий ниспослал аят, запрещающий вино.

Умар-Хаджи напоминал своим реальным и потенциальным оппонентам, что в первые годы Ислама сам пророк Мухаммед (с.а.в.) не устанавливал строгого запрета на вино. Это было сделано позже, когда первый мусульманский джамаат преодолел критический порог своей организации. Если бы то же самое, по примеру Печати пророков (с.а.в.), сделали бы те далекие мусульманские проповедники, добравшиеся до Матери русских городов - Киева, то в мире не осталось бы военной силы, способной противостоять триумфальному шествию Ислама по планете.

* * *

В интерпретациях Андийского Старца Час великого сражения произойдет на Земле не по воле и желанию людей, пусть даже святых шейхов или правителей мировых держав. Нет и еще раз нет! Но возникнет он по воле и замыслу Всевышнего, против которого ничтожны люди и весь мир, видимый и невидимый. В Час великого сраженья человеку остается лишь выбирать, с кем он. С имамом Махди и пророком Иса (мир им) или с величайшим в истории нечестивцем-злодеем Даджалем? Правда в этом ряду, согласно воззрениям некоторых кавказских кадирийцев, появится из сокрытия еще и святой шейх Кунта-Хаджи, который не умер в ссылке, как писалось в официальных рапортах надзирателей, но скрылся от брэнного мира по воле на то Аллаха. Он возглавит борьбу кавказских мусульман

против своих угнетателей и истребит их всех до одного.

И тогда, видя великие знамения Аллаха, толпы людей будут распевать шахаду - свидетельство о своем принятии Ислама. Очень многие из числа немусульманских народов - спасутся, и немало людей из числа мусульманских народов, соблазнившихся грехом, потерпят убыток, лишатся рая.

Вот каким создал этот мир всевышний Аллах. А потому и следует понимать, что не получают Его Всевышнего довольства те, кто пренебрег разумом, мудростью и добродетельным образом жизни.

Конечно, о Часе великого сраженья и христиане вещают, и в этом смысле весьма сильно оппонируют мусульманам. Эсхатологические картины христианских конфессий не менее красочно расписывают Последнее сражение на земле, которое должно начаться после второго пришествия Иисуса Христа (араб. Исы).

Но чья эсхатология окажется верной, зависит не от людей, а от Создателя людей.

И поскольку Час последнего сражения будет до основания пронизан мистическим фактором мироздания, то спорить о нем с точки зрения человеческого разума неразумно. Функции мистики просто-напросто аннулируют функции техники. Ни одно огнестрельное оружие не будет стрелять, ни один мотор не заведется и ни одна электрическая лампа не загорится. Технократы в одночасье станут никем. Человечество вернется к состоянию механического естества природы, и сражение бу-

каемых из лука.

Так что конкурировать в служении Всевышнему, т. е. соревноваться в благодеяниях уже сейчас, до наступления Часа великой битвы, следует не войнами и терактами, а созидательным трудом, чистым и бескорыстным, как само служение Творцу.

Глава 10-я

ИСЛАМСКИЕ И КАНТОВСКИЕ АНТИНОМИИ. СПОРЫ О ПРАВЕДНОСТИ И ЗАБЛУЖДЕНИИ

Вопросы о праведности и заблуждениях лежат в основе всех теоцентрических религий, а Ислам среди них является, по утверждению не только святых алимов, но и ученых религиоведов и атеистических философов, самым последовательным монотеизмом. Этим положением мусульмане не просто гордятся, но еще и довольствуются, как раз и навсегда решенной историко-цивилизационной задачей.

Отсюда вопрос: достаточно ли одного этого положения в Исламе - самой высокой степени последовательного монотеизма, - чтобы утверждать о праведности мусульман и, соответственно, о заб-

луждениях представителей других религий? Ведь историко-политическая доминанта на международной арене не в руках мусульман...

С целью логического понимания этого положения я (Магомед Султанов-Барсов) обращался к имамам мечетей, настоятелям православных храмов, читал книги ведущих религиоведов мира, дискутировал с атеистами, идеализирующими науку (сциентистами) и креационистами, импровизирующими научными данными для обоснования существования Творца. Но перейти рубеж кантовских антиномий, которые, как ни парадоксально, оказывается, уже были изложены арабскими перипатетиками в своих религиозно-философских трактатах, я не смог. Именно антиномии, усвоенные мною из наследия арабских перипатетиков и 3-кантовских «Критик» помогли мне верно понимать суть и форму Ислама как самой монотеистической и небесно-чистой религии. Но, увы, слава вершины чистой философии досталась немецкому философу из кёнигсбергского университета Иммануилу Канту (1724 - 1804)...

Казалось бы, какое отношение имеют арабско-перипатетические и кантовские антиномии к Андийскому Старцу?!

Если рассматривать вопрос в непосредственной связи, то никакого. Но мир-то существует и развивается не только в форме прямого континуума (непрерывной связи), но еще и в силу опосредованных через тысячи закономерностей связей. Отсюда вопрос: о многих ли закономерностях мы, правоверные мусульмане, знаем? И разве не является достаточным основанием такой общеизвестный фактор, что именно те народы мира, которые пер-

выми вышли к рубежам чистой философии (антиномиям и априорно-синтетическим суждениям) получили научно-техническую мощь. Она (европеизм; научно-техническая мощь), в свою очередь, позволила колониализировать исламский мир, а мы до сих пор игнорируем не только своими философами, но еще и святыми шейхами... А все из-за того, что мусульманские правители в подавляющем своем большинстве пренебрегли философией. И, хотя нет в Исламе причин для пренебрежения философией как универсальной методологией познания мира и духа, однако в силу своей умственной лени и религиозной гордыни, этот процесс продолжается и сегодня...

Между тем, в числе трудов мусульманских философов так или иначе постулируются антиномии (Закон противоречия разума): в книгах Абу Юсуфа Аль-Кинди (801 - 873) «О пяти сущностях», «О ближайшей причине возникновения и уничтожения», «Об определениях и описаниях вещей» и др. И именно он, Аль-Кинди, знавший с мутазилитами, первым из мусульманских алимов обратился к философии Аристотеля и привел против своих оппонентов в качестве далила (исламская форма логического доказательства) хадис пророка (с.а.в.), в котором говорится: «За знаниями езжайте даже в далекий Китай».

Далее, в числе постулирующих антиномическое отношение к миру – наследие Аль-Фараби (872 - 951): «Слово о субстанции», «Существо вопросов», «Книга о законах», «Книга о постоянстве движения вселенной», «О смысле разума», «Книга о разуме юных», «Большая сокращенная книга по логике»,

«Книга введения в логику», «Книга доказательства», «Книга об условиях силлогизма», «Трактат о сущности души», «Слово о сновидениях», «Трактат о взглядах жителей добродетельного города», «Книга об определении и классификации наук», «Книга о смысле философии», «Книга о том, что нужно знать для изучения философии», «Примечания к философии». И это еще не полный список.

Существенное развитие исламская философия (арабский перипатетизм) получило после энциклопедических трудов Ибн Сины «Книги исцеления» («Китаб аль-Шифа») и «Книги знания» («Данишнамэ»).

И если, по вопросу шариатской правомочности философии взять во внимание самого популярного из исламских мыслителей Абу Хамид Мухаммад ибн Мухаммад аль-Газали, написавшего знаменитую книгу «Тахафут аль-фаласифа» (араб. - «Самоопровержение философов», то и в этом случае мы не найдем шариатского основания для игнорирования философии. Во-первых, потому, что не философию аль-Газали опровергает в этой книге, а философов... Надо чувствовать, а затем еще понимать разницу. А еще точнее, аль-Газали опровергает только тех философов, которые опровергают веру в сотворенность мира, то есть атеистических философов. И делает он это методами высшей философии.

До написания «Самоопровержения философов» аль-Газали написал книгу «Макасид аль-фаласифа» (1094) (араб. - «Намерения философов», в которой дал объективное (отстраненное от личных пристрастий и иных влияний), систематизированное

изложение основ логики, физики и метафизики арабских перипатетиков, то есть философов.

Аль-Газили, как и другие мусульманские философы постулировал антиномические принципы познания, выступал против смешивания элементов веры, убеждения и знания. И хотя им была предпринята великая попытка доказать существование Аллаха логическими и универсальными философскими методами, он как великий муслитель шафитского мазхаба и ашаритского калама не мог выступать против аятов Корана, в которых Аллах в своей прямой речи говорит, что никто не сможет вернуть на путь истины того, кого собьет Аллах.

Следовательно, мы имеет тут дело с великим антиномическим законом Ислама.

Иными словами, логику, философию и вообще науку можно и нужно использовать в вопросах доказательства существования Аллаха, но нельзя надеяться на то, что с помощью доступных человеку продуктов познания (логики, философии, науки, искусства) удастся произвести гарантированных доказательств. В этом смысле понятие «доказательства» становится имплицитным полем между сторонами спора. И если одна из сторон не принимает аргументы, то доказательства для стороны неприятия не состоялись. Но довольно и того, что они состоялись для людей благочестивой воли, в лоно которого только и может заселиться песчинка имана, чтобы затем, со временем, вырасти до жемчужины веры.

В завершение темы о важности антиномий я лишь вкратце упомяну последнего из классических арабских перипатетиков Ибн Рушда с его книгой «Самоопровержения самоопровержения», в кото-

рой автор, по сути, поддержал аль-Газали в одном аспекте и раскритиковал в другом. Поддержал в том, что Ибн Рушд признал важность логических и философских разъяснений положений исламской веры, сотворенность мира в которой занимает центральное место, а раскритиковал по тем методическим вопросам, которые посчитал малоэффективными. А это еще раз доказывает или, что вернее, развивает обоснование для обращения к антиномиям как важнейшим продуктам не только философского мышления, но и научного вообще.

* * *

Вопрос о том, кого определить, как праведников, а кого причислять к миру грешников, едва ли не самый актуальный в концепции противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму. В этом смысле, думаю, не излишне заметить, что «фанатизм - эпидемическая болезнь мусульманского мира», христианский мир уже переболел им...

Культовые общины, претендуя на статус правоверия, исключая это качество за другими религиозными сообществами, совершают тяжкий грех. А в силу специфики доктринальных психологизмов, возникает историческая картина, в которой видно, как люди из разных религий и идеологий вцепились за одеяло «истины» и тянут на себя, буквально разрывая ее на части.

Говоря о психологизмах верующих, очень показательной является личность шейха Умара-Хаджи. По сути дела, он один из немногих дагестанских святых, пытавшихся решить апорию (неразрешимую задачу) религиозной розни вокруг вечных ис-

тин. В духовно-нравственном аспекте он почти решил ее, но в плане силлогических аргументаций, как было выше замечено, постулируя понятие «антиномии», апории не разрешимы до Судного дня.

Если имам Шамиль укреплял имамат такими прикладными скрепами [шариата], как телесные наказания за лирические и особенно социально-лирические песни, а за табакокурение, винопитие, пропуск обязательных молитв - смертной казнью, лишая тем самым человека последней надежды преобразиться в вере, то Умар-Хаджи своим признанием во всяком человеке, произносящем шахаду - мусульманина, возвращал людям надежду.

Злостным ревнителям веры (хариджитообразным горцам) и прочим любителям выносить по всякому поводу и без такового такфиры (обвинения в отпадении от веры), Андийский Старец указывал на их собственные недостатки, чем нередко остужал перекошенные злобой лица фанатиков.

Выдвинутый Кунта-Хаджи и усовершенствованный методически Умаром-Хаджи исламский пацифизм во второй половине XIX и начале XX вв. стал спасительным идеалом в сознании горцев. Обессиленные многолетней войной народы Северного Кавказа нуждались в мире и интеллектуальном восхождении. Отставание от Европы и Америки, где полным ходом шли секулярные процессы, что собственно и позволило им совершить реалистическое чудо - научно-техническую революцию, - было колоссальным, почти фантастическим, грозящим отбросить северокавказские народы на задворки истории.

На рубежах XIX и XX вв. мир стремительно менялся.

Вместо средневековых форм труда, методов создания материальных благ стали приходить машины, электричество, телеграф, фотография... Высвобождавшиеся из производственной цепочки огромные массы трудового народа наступали на пятки своих правительств, стимулируя регулятивные отношения в социальных сферах. Появление в конце XIX в. многозарядных винтовок, пистолетов/револьверов, пулеметов, противопехотных и стенобойных гранат, дальнобойных пушек, в том числе самоходных артиллерийских установок, бронепоездов предвещали миру чуть ли не Конец света.

Конечно, воевать с Российской империей, модернизирующейся посредством НТР, было для горцев равносильно национальному самоубийству. Особенно с учетом того, что Россия и другие христианские страны с упразднением «святой инквизиции» отказались от насильственных методов миссионерства, т.е. обращения завоеванных народов в христианство. Именно об этом говорили оба кадирийских шейха Кунта-Хаджи и Умар-Хаджи, что очень не нравилось непонятно на что рассчитывающим клерикалам.

А между тем, в кон. 50-х и нач. 60-х гг. XIX века для не желающих покоряться воле Российской империи горских народов, вопрос о продолжении Кавказской войны стоял очень остро... И причиной тому было не что иное, как религиозный фанатизм.

Но, как показывает история, в том числе оперативно текущая сегодня, вопрос об угрозе полного исчезновения народа, как бы резко ни звучал в сознании адекватных людей, в споре с фанатиками не дает логически ожидаемых результатов. То есть

аргумент о бессмысленности гибели большого количества людей или даже целых народов не становится для фанатиков критерием обнаружения собственных заблуждений. А все потому, что фанатики мыслят косными представлениями о вере, долге верующего, а категориальных законов природы и вовсе не знают. В своем исступлении они доходят до онтологического упора, или иначе, до прекращения земного существования в надежде на рай.

В этом смысле некоторые элементы в учении Умара-Хаджи, развивающие психотехнику в борьбе с собственным нафсом (натурой, характером, страстями), представляются бесценными, они дают некоторые ключи к механизмам фанатического сознания, позволяющие безболезненно пересматривать формы отношений к ценностям. И, как следует предположить, эти методы весьма суггестивны...

<...>

В самом деле, два великих и пока еще единственных в таком культовом качестве мусульманских пацифистов Кавказа, Кунта-Хаджи и Умар-Хаджи, отвергая бессмысленную, грозившую горским народам истреблением войну, практически говорили о «чистом разуме»... И, соответственно, проецировали на сознание горцев элементы «чистого разума», ибо невозможно по-другому переубеждать закрепощенных различными культовыми психологизмами людей.

Возможно, кого-то удивит, а кого-то разозлит аналогия «чистого разума» горских старцев с фи-

лософским учением Иммануила Канта... Да и есть ли она здесь?

Убежден, что есть. Причем независимо, т. е. без прямой связи в познаниях шейхов и гениального немца. Связь между «чистым разумом» кавказских кадирийских старцев и «чистым разумом» Канта, которым впоследствии воспользовался весь академический мир, прослеживается опосредовано, через арабский перипатетизм и западноевропейский аристотелизм, восходящие к Аристотелю и Платону.

Но тогда между ними, шейхами и основателем немецкой классической философии, должна быть и перекличка по тончайшим вопросам веры... В том-то и дело, что перекликаются и они. Иначе я не взялся бы за столь сложный тезис, как обоснование аналогии априоризма между мусульманскими шейхами и европейским философом высшего иерархического ряда.

Кант родился в семье протестантских пиетистов и до конца жизни сохранил верность этим взглядам. Более того, свои императивы он построил на пиетических интенциях (араб. ният), основной характеристикой которых является бескорыстие. В соответствии с пиетизмом отвергаются идолы, а помыслам очищения от греха придается более важное значение, чем ритуальным молитвам.

Чтобы увидеть здесь аналогию, важно учесть одно из существенных положений в Исламе, согласно которому в условиях рецидивов греха ритуальное богослужение становится ничтожным, чего не скажешь о католицизме, например, где сильно развит догмат индульгенции (буквальный

откуп от грехов, своеобразная форма взяточничества в религиозной иерархии).

В Исламе молитвы правоверных принимаются Аллахом тогда и только тогда, когда они де-факто способствуют изживанию практики согрешения. Заметим, что речь не идет о срочном превращении верующих в безгрешных субъектов веры, но о том, что богослужebное практикование де-юре и де-факто нацелены на совершенно конкретные нравственные результаты. А это не возможно в условиях примитивного познания. Ведь не случайно в Коране повторяются слова Аллаха: «Разве сравнятся знающий и не знающий!» Это подтверждает справедливость и античных мыслителей, настаивавших на том, что «жилищем добродетелей являются знания». Возможно, эта мудрость у древнегреческих философов априори от пророка Аллаха, некогда посланного к пращурам греков. Во всяком случае, геопсихический аспект Ислама решается парадигмой, согласно которой в истории человечества было 124 000 пророков. И нет народа на Земле, к которому не посылался бы посланник.

С этим ясно, надеюсь.

Но вот с вопросом о мотивации добродетелей значительно сложнее. В вероучении Ислама, как и Христианства, добродетели принимаются Всевышним только те, которые совершаются ради [или во имя] Всевышнего, а кантовские императивы предполагают совершенно имманентную (рождающуюся внутри человека) мотивацию. Только имманентный стимул и только имманентная работа сознания, нацеленного на добрые деяния, могут быть признаны кантовскими императивами. Хотя, разумеется, вера

во Всевышнего нисколько не мешает имманентной чистоте субъекта сознания, если только сознание достаточно просвещено познанием.

А теперь вспомним суфийскую парадигму «чистой любви к Создателю», которая отнюдь не предполагает ортодоксальной корысти, нацеливающей верующих только на непременное достижение рая. Речь о предельной честности в вопросах, методах и средствах достижения рая является более высоким уровнем религиозного сознания.

Конечно, для суфия, как любого правоверного мусульманина, достижение рая является высшей целью. Но отвращается суфий от греха и злодеяний при условии достижения высокого уровня познания уже не потому, что боится ада (хотя и это правда и абсолютно важно помнить!). Но потому отвращается суфий от всего дурного, что начинает видеть и понимать уродливость природы греха и преступления, они противны его мыслящему духу. Он любит Создателя не только потому, что любовь к Нему указывает путь в рай, но еще потому любит, что не может благодарное сознание мыслить бытие иначе, как через любовь к Создателю.

Между тем надо также понимать, что аналогия бескорыстия добродетелей в суфийских и кантовских интенциях далеко не полностью тождественны. Здесь следует воздерживаться от гегельянского комплекса отождествлять все и вся (бытие и сознание, Мировой разум и/или Абсолют с косной природой), это прокладывает дорогу в откровенный пантеизм. Этого никак нельзя сказать о кантовской философии и учении кавказского кадирийского тариката.

жи и Умар-Хаджи ставили достижение реальной победы над всякими формами и видами невежества, зла, они силились создавать условия для мирного развития жизни.

Следовательно, в спорах о праведности и заблуждениях, с точки зрения кавказских кадрийских шейхов, важнейшим условием является очищение разума от всевозможных заблуждений.

Глава 11-я

ЕЩЕ РАЗ О ЧАСЕ ВЕЛИКОГО СРАЖЕНИЯ, МИСТИКЕ И ПОНЯТИИ АБСОЛЮТ

Шутка ли сказать, что наступит Час великой битвы правоверных мусульман с грешниками и что вторые будут повержены!

Светскому человеку трудно понять смысл такого пророчества, о котором мы знаем из Корана и множества хадисов. Атеисты, критикуя это пророчество, говорят, что речь тут идет о религиозной установке Ислама на мировое господство. И в качестве аналогов таких установок приводят военно-политические феномены Александра Македонского, древнеримских императоров, банопартизм, гитлеризм, большевизм и т. д. А с распадом СССР роль

мирового гегемона играют теперь США и их союзники.

Но как бы то ни было, эти аналогии в сравнении с установками Ислама совершенно не состоятельны. Хотя бы потому, что Час великого сражения есть акт глобальной мистики.

Человеческий фактор, вознамерившийся подчинить себе все и вся, истощится, ибо природа откажется повиноваться тем, кто игнорирует Высшую власть бытия, власть Аллаха. И речь в пророческом учении Ислама о Часе великого сражения, идет о мистической стороне мира, против которого человеческий фактор и весь материальный мир с физическими законами ничтожно слаб.

Аналогичная исламской эсхатологической парадигме картина (вера во второе пришествие Христа) есть, как уже говорилось выше в главах, во всех христианских конфессиях.

- Посмотрите, сколько сходства в религиях! - говорил Умар-Хаджи. - Христиане, как и мы, веруют в Судный день и предопределение. А иудеи в своих молитвах изрекают стих Товрата (Библия, Ветхий Завет), в котором говорится, что «Нет бога, кроме Меня». Правда, иудеи не продолжают это великое свидетельство веры до имени Печати пророка Мухаммеда, да благословит и приветствует его Аллах. Не говорят: «...и Мухамед (с.а.в.) – раб Его и посланник». С упрямством, достойным лучшего применения, они отрицают величайшую миссию со дня сотворения мира - пророчество Мухаммеда (с.а.в.).

И все же, такие слова Товрата, как «баракат», «садака», «тахарат» и многие другие, как бы ни старались нечестивцы известить истину из Книги Аллаха

некогда данной пророку Мусе (мир ему; Моисею), им не удалось это. Они и сегодня значатся в этой Книге, которая с ниспосланием Корана отменена Самим Аллахом.

Их гордыня настолько полна страстями, что человек в их представлении способен, остовпируллах (прости меня Аллах), бороться даже с Самим Творцом. В настоящем Товрате, ниспосланном пророку Мусе, да будет доволен им Аллах, этого быть не могло. А потому и не удивительно, что в толкованиях равинов (толмудах) говорится о победе иудеев в реальном земном мире без всякой мистики, в сугубо материалистическом смысле. Иерусалим они видят столицей мира, а все прочие столицы - провинциями, управляемыми из Иерусалима. Но это еще что! Иудейские священнослужители (равины) утверждают, что Сам Аллах читает их талмуд (толкования, тафсир) стоя...

Из этого положения очевидно, что Андийский Старец понимал существование двух основных видов противоборства в Роду человеческого. Первый - это мистическое, независимое от человека, но исключительно от Создателя, и второе - сугубо человеческое, продиктованное страстями, волей и властолюбивым умом сильных мира сего.

Правда, апологеты иудаизма могут возразить этому, говоря, что приход их мессии, ожидаемого иудеями более двух тысяч лет, тоже является мистическим фактором. Но и с этим нельзя согласиться, не погрешив против истины.

Во-первых, потому, что иудейский мессия устанавливает власть иудеев над всем миром в физической плоскости. Во-вторых, догмат его прихода

не знаменует Конец света, история и далее будет продолжаться по тем же материально-физическим законам, по которым развивается оно сейчас. Также нет в иудаизме догмата воскресения из мертвых и воздаяния - раем и адом.

И в-третьих, власть над всеми народами иудеям, а точнее, иудейским радикалам, нужна для реализации своего политического и интеллектуального превосходства. Их цель - обладание ничем не ограниченным экономическим изобилием. А это уже вовсе не мистика, а самый что ни на есть вульгарно-агрессивный материализм и религиозно-материалистический экстремизм.

В этом смысле важно подчеркнуть, что основными критиками иудаизма, а точнее, той части иудаизма, которая нацелена на достижение мирового господства, являются, как это ни странно, сами иудеи. Это сводит к ничтожности антисемитские выпады, доказывает антинаучный и антигуманный характер расистской идеологии.

Среди критиков иудейского радикализма такие гениальные личности еврейского происхождения, как Бенедикт Спиноза, Карл Маркс, Эйнштейн и мн. др. Это важно понимать, чтобы никто не соблазнился «легким дискурсом» антисемитизма. Ибо на самом деле все люди одинаково заблуждаются, а те, кто продуцирует правду, замечательны по-разному. И нет особой разницы между экстремистами мусульманскими, христианскими, иудейскими, буддийскими, ламаистскими, фашистскими или атеистическими. Они все вступают в противоречие с истиной земной и Истиной Небесной.

<...>

Спрашивали шейха мюриды:

- А как мы узнаем, что Час великой битвы наступил?

- Джасусов (оборотней-шпионов), пытающихся выдавать себя за имама Махди и пророка Исы, да будет доволен ими Аллах, станет много. Те, у кого слабый иман, будут ими обмануты, а те, кто у кого сильный иман, подойдут к ним с именем Всевышнего на устах и тогда их будут выдавать их же лица, они будут перекашиваться при чтении Корана. Голоса джасусов/оборотней, продавших души Иблису, будут звучать омерзительно. А когда они увидят, какими ровными рядами идут по улицам воины Аллаха, языки нечестивцев против собственной воли будут выдавать их, как слуг Иблиса презренного.

И хотя Даджал (Антихрист), на лбу которого будет высечено слово «куфр» или «кафир», первое время получит видимое преимущество над правоверными, впоследствии он затрепещет от страха, едва появятся на горизонте имам Махди, да будет доволен им Аллах.

<...>

Два великих в истории Кавказа пацифиста продуцировали прогрессивную тенденцию в умах и сердцах горцев. Что же касается обвинений в фантазмагориях, то этот вопрос всецело относится к культуре убеждений и углам точек зрения, под которыми интерпретируются самые разные парадигмы.

Марксистско-ленинский утопизм относительно возможности построить бесклассовое общество - коммунизм, или иначе, земной рай - величайшая из утопий. Но бедствий принесла эта утопия миру не меньше, чем в ходе религиозных войн. Однако социализм в атеистическом ключе, захватив полмира, едва не покрыл своим «пролетариатом» еще и остальной, западный мир. А между тем есть аят в Коране, в котором говорится, что «место для рая небеса и земли...»

И потом, мы ведь становимся свидетелями того, как фантастические идеи ученых претворяются в жизнь и становятся реальностью. Например, во времена Кунта-Хаджи разговоры о радиосвязи воспринимались, как забавная фантастика, но уже при жизни Умара-Хаджи радио стало реальностью и мир был поражен техническим гением человека.

Когда немецкий инженер П.Г. Нипков в 1884 году начал разработку видеоизображений, над ним смеялись даже просвещенные европейцы. Так же смеялись и над португальским изобретателем А. ди Пайва, и русским инженером П.И. Бахметьевым, пытавшимся создать технику для просмотра видеоизображения. Но уже в середине 30-х гг 20-го века мир убедился, что не такая уж фантастика видеоизображение, передающееся посредством бездушных материалов, проводов, стекла, электричества, квантов. А сегодня мир и вовсе шагнул в эпоху нанотехнологий и новых квантовых прорывов, в результате которых возникает оружие, сотни раз превосходящее ядерную бомбу, арсеналы которых и так способны уничтожит земной мир... Если только Всевышний Аллах позволит.

Все это не может уложиться в нормальной человеческой голове. Человек создает оружие, способ-

ное многократно уничтожить мир. И если нет другой надежды, кроме человеческого фактора и созданной им технической мощи, то Род человеческий обречен на самоубийство.

Но не таков замысел Милостивого и Милосердного, чтобы сциентистам (ученым-атеистам, идеализирующим науку) было дозволено «играть» с природой, как детям со спичками. Рано или поздно наступит время, когда святые шейхи, поддержанные пророком Исой и имамом Махди, покажут миру, дарованному Аллахом, карапат (чудотворную силу) - продемонстрируют нейтрализацию любых видов техники и оружия массового поражения. Молитвы небесной чистоты будут в этом сражении играть передовую роль.

* * *

То, что мы называем на арабском языке (языке Корана) Аллахом, на языке академической науки называется «Абсолютом». И не случайно в большей части научной литературы слово «Абсолют» пишется с большой буквы.

Абсолют доктринально представляет собой всю совокупность редукционно-холистического субстрата. Понять эту терминологическую конструкцию («редукционно-холистический субстрат») могут далеко не все, в том числе ученые. Эта такая парадигма, которая производит качественное различие между тем, что есть Аллах, и всем тем, что не есть Аллах.

Изложенные на естественном арабском языке совокупность 99 прекрасных имен Аллаха, в большей или меньшей степени могут понимать все дееспособные люди. Но, помимо 99 прекрасных имен,

Его великими сифатами (образами), 20 из которых необходимо наличные и 20 необходимо невозможные.

В этом смысле важно учесть сугубо научное понятие «Абсолют», которым выражается сущность Аллаха - как Его бесконечное величие во всем и везде. Что бы мы ни измыслили об Аллахе, Он выше этого. Он, Аллах Великий, недосягаем для людей, ангелов, джинов и шайтанов. Аллах ни на что не похож, и ничто не похоже на Аллаха. Он Один Абсолютен, а значит, бесконечен. Он выше всякой реальности, вселенная всего лишь Его произведение, конечный смысл которого ведом лишь Ему Одному.

Глава 12-я

КАВКАЗСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Умар-Хаджи родился в ходе Кавказской войны²⁸.

Когда летом 1839 года на Ахульго (Набатной горе) шла самая ожесточенная, беспощадная и бессмысленная битва, явившаяся в то же время со стороны горцев самой героической, Умару-Хаджи было всего 5 лет. Среди андийских мюридов сохранилось предание, согласно которому ребенок два

²⁸Фадеев Ростислав Андреевич. Шестьдесят лет Кавказской войны. Издательство: Военно-Походная Тип. Главного Штаба Кавказской Армии.г. Тифлис, 1860г. Стр.159.

дня и две ночи не выходил из сельской мечети, читал наизусть несколько сур Корана, перемежая их с громким зикром. Когда же его спрашивали, не хочет ли он покушать или воды попить, он отрицательно мотал головой и продолжал свое богослужebное бдение.

На третий день пятилетний ребенок, совершив вместе со взрослыми утренний намаз, рассказал удивительно точную картину о происходящем на Ахульго. Письменного текста этого невероятного предания мы не нашли, но общий смысл слов пятилетнего Умара, как гласит предание, заключалось в следующем:

«Мумины дерутся и умирают. И гяуры дерутся и умирают. И дети умирают. Гяуры хотят убить имама Шамиля, но Аллах спасет его...»

Кавказская война...

Эта была очень трагическая и бессмысленная для горцев война. Уже в пятнадцатилетнем возрасте Умар-Хаджи, выучивший наизусть весь Коран и множество хадисов, скажет об этом на андийском годекане, выступать на котором только ему из молодых была оказана честь.

Это был 1849 год, имамат Шамиля был в расцвете сил, хотя горцы по-прежнему страдали от столкновений с регулярными частями войск Кавказской армии. Андийские села были включены в территорию имамата, а значит, говорить о бессмысленности войны с Россией было небезопасно для отрока, хотя и почитался он старейшинами многих сел божьим угодником. Большинство горцев было вдохновлено молниеносными набегами Хаджи-Мурата, снабжавшего казну имамата богатой добычей. И

хотя к этому году были потеряны Шамилем Гергел-бел, Чох и ряд других крупных аварских сел, све-жи были воспоминания о разгроме Шамилем Су-харной экспедиции князя Воронцова в 1845 г.

Тем не менее, отрок говорил, что надвигаются тяжелые для горцев времена... В стане Шамиля на-зревают раздоры, будут еще сраженья, и мумины потерпят тяжелое поражение... Ожидать помощи от единой Турции нельзя, ибо погрязшая в гре-хах турецкая знать гневит Аллаха. А мумины, если хотят помощи Всевышнего, должны заслужить его милость праведностью и самоотверженным тру-дом...

В следующем, 1849 году из паломничества вер-нулся 19-летний (по некоторым сведениям 20-лет-ний) чеченец Кунта-Хаджи, который тоже стал го-ворить о бессмысленности Кавказской войны. И поразили чеченских старейшин своими пацифисти-чески дерзкими идеями.

- Нам не нужна эта земная власть! Пусть гяуры возьмут ее себе, а нам оставят нашу священную веру.

Эта война истребляет народ, нас все меньше и меньше становится. А потому нам следует воздвигать невидимую для глаз врага духовную крепость, твердыню Ислама. И когда она окрепнет, власть сама перетечет в наши руки... И не важно, когда это произойдет, доживем мы до этих светлых дней или нет. Но то важно, что власти земной мы подлинно предпочтем власть Небесную.

<...>

Но Кавказская война, как и всякое продолжение политики средствами умерщвления людей, продолжала свое проклятое всеми народами мира и Всевышним Аллахом движение. По горам и равнинам Северного Кавказа небезопасно было перемещаться без сильного вооруженного отряда. И название свое эта война получила в историографической работе Р.А. Фадеева, написанной по поручению князя Барятинского, того самого наместника Кавказа, которому удалось в августе 1859 пленить имама Шамиля.

В российской и зарубежной историографии Кавказская война датирована 1817-1864 гг. И хотя есть попытки некоторых исследователей расширить эти даты, ибо военные столкновения горцев с русскими начались еще в XVI веке. Но мы все же будем исходить из общепринятой в исторической науке парадигмы. Отчет начала Кавказской войны был взят от времени выдвижения левого фланга Кавказской линии с реки Терека на реку Сунжу и построения там ряда военных укреплений и крепостей.

Конец Кавказской войны определен взятием последнего очага сопротивления черкесского племени убыхов в урочище Кабааду (ныне Красная Поляна) 21 мая 1864 г. Этот день считается датой окончания Кавказской войны, а все последующие фактические военные действия, продолжавшиеся в 60-х и 70-х гг. в Чечне и Дагестане названы восстаниями горцев против гнета царской военно-политической администрации.

Но ни одно восстание горцев, и Кавказская война в целом, не принесло, как утверждали оба кадийских шейха Кунта-Хаджи и Умар-Хаджи, ни ма-

лейшей пользы горцам и тем более священной вере, Исламу.

В то же время, надо понимать, что Кавказская война и периодические восстания, истощавшие горские народы, были неизбежны. И отнюдь не потому, что горцам жилось бы плохо в составе Российской империи, а потому, что уровень сознания у горцев оставался в параметрах более раннего средневековья. Познание у подавляющего большинства дагестанцев и чеченцев было ограничено даже в географических понятиях, не говоря уже о диалектике развития, которой весьма широко пользовалась к этому времени российская аристократия.

И потом, горцы Северного Кавказа никогда в своей истории не имели централизованной власти. Да и воевали большей частью не за веру, а за добычу, ибо мыслили в пределах видимых территорий, без представления о масштабах и силе государственной системы Российской империи и регулярной армии.

Армия Российской Империи уже обладала к началу XIX в. модернизированным оружием. На вооружении были артиллерийские орудия разных калибров, широко использовались ручные гранаты, ружья и пистолеты значительно превосходили по дальности и точности стрельбы производимых в Турции и Персии. А в горах Северного Кавказа огнестрельное оружие покупалось, собственное производство было редким и очень кустарным, малоэффективным в бою. Производство пороха в горах было большей редкостью, не говоря уже о количестве и качестве этого взрывного продукта, сделав-

шего Европу совершенно непобедимой для остального света. Если только исключить из виду мистический фактор...

<...>

Тут нелишне обратиться к дагестанскому религиоведу, который достаточно обстоятельно изучал кадирийский тарикат на Кавказе. Кандидат исторических наук из отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН Ш.Ш. Шихалиев пишет:

«В частности, дагестанский накшбандийский шейх Шуайб ал-Багини в своем биографическом труде «Табакат ал-Хваджакан ан-Накшбандийа» пишет следующее: «Шейх Кунта-хаджи достиг высокой степени познания Всевышнего Аллаха по причине своей божественной любви. Он жил во времена предводителя правоверных имама Шамиля, в вилайате Чачан...»

Далее Шихалиев упоминает и дагестанских приемников Кунта-хаджи - Умара ал-Анди, Ибрахима ал-Баханди ал-Хинди, Мухаммада ал-Лайли, Газиява ал-Хунзахи, Мухаммада ал-Хучади.

Другой дагестанский ученый Назир ад-Дургили (ум. в 1935 г.) в своем биографическо-библиографическом сочинении «Нузхат ал-азхан фи тараджим уламаи Дагистан» также упоминает шейха Кунта-хаджи как «совершенного, досточтимого шейха, доблестного, отважного, достигшего [познания Всевышнего Аллаха]» (<http://neznayushiy.livejournal.com/477777.html>).

тенциальные обвинения саляфитов/ваххабитов в адрес Кунта-Хаджи и Умара-Хаджи, изобилующие псевдоаргументами об отклонении их учения от строгой линии фарза и сунны.

Глава 13-я

ДЕЛА И ПОМЫСЛЫ МУРШИДА

Это был поистине святой человек.

Еще в колыбели будущий муршид, названный Умаром в честь деда, погибшего в схватке со злодеями, защищая несправедливо притесняемых, явил собой первое чудо (карамат). Крепко связанный в люльке младенец неизменно поворачивался лицом к Кибле - Запретной мечети, в сторону которой должны молиться мусульмане во всех частях света (Мекке).

С ранних лет, оставшись без отца, Умара воспитывал дед по матери Абульмуслим. Первые стихи священного Корана малыш выучил на слух из уст своего деда, едва стал говорить. А в пять лет, после вышеописанного двухдневного богослужебного бдения в сельской мечети, мулла взял Умара к себе на обучение.

Зимой он учился Корану, хадисам и их толкованиям, а с весны до осени ему приходилось пасти сельский скот, чтобы прокормить больную мать и себя. Братья и сестра тоже работали, как могли. В семье, как гласят до сих пор предания, царил мир, покой и согласие во всем.

Ни разу на овец или коров, которые пас Умар с детства и в отрочестве, - как уже говорилось в главе «Основы исламской мистики» - не нападали волки или медведи, которых огромное множество в андийских лесистых горах.

Вступать с ним в словесную перепалку, а тем более, физически покушаться на него опасались даже самые злые люди. Стоило молодому Умару, хромя на одну ногу, появиться среди дерущихся и бросить несколько упреков в их адрес, говоря о дикости того, что они делают, и напомнить о карах Всевышнего, как драка, даже грозящая кровопролитием, прекращалась. После чего сами драчуны не могли объяснять, почему они его послушались. Поговаривали, что пронзительный взгляд и отливающий сталью в минуты гнева голос божьего угодника лишал их силы воли. А имя Аллаха в его устах звучал так, что продирал до самой глубины души.

И хотя Умар был небольшого росточка, худощавым, далеким от джигитовок (современный аналог

спорта и военно-боевой подготовки), в минуты гнева его голос звучал такой силой, что имеющее рассудок существо не могло ему противиться. Этот феномен его духа неоднократно проявлялся и по отношению к царским солдатам и офицерам из карательных отрядов.

Видевшие неоднократно то, как легко он уговаривает офицеров и солдат не заходить в села в карательных целях и как они поворачивают обратно в свои воинские укрепления, не могли объяснить искусство его дипломатии иначе, как чудотворной силой. И рассказывали это люди, как правило, добавляя к сим фактам нечто из собственного воображения... И скорее всего искренне, ибо даже современному человеку с высшим образованием и ученой степенью иной раз такое причудится, что поневоле согласишься в чудеса.

- Когда Умар подходил к отряду гяуров, с неба, как по лестнице, стали спускаться отважные ангелы исполинского роста и с мечами длинными до двадцати локтей!

- Не может быть!! - удивлялись слушатели новостей в горских гнездовьях.

- А чего тогда гяуры повернули обратно?!

На такой проверочный вопрос ответа ни у кого не находилось. Оставалось только одно объяснение: не иначе как силой карамата (чуда) повернул Умар скорых на руку солдат и офицеров.

* * *

В селение Инхо (ныне Гумбетовский район Дагестана), два офицера и дюжина солдат обыскивали пятерых путников. Трое были из близлежащего селения Кият и двое – из Ичичали, тоже расположенного неподалеку. В 1858 г. в этих двух селах великий имам Шамиль нашел свое предпоследнее убежище перед отступлением в Гуниб, где уже через год закончится шамилевская эпоха, полная драматизма.

Вдруг по какому-то поводу офицеры и солдаты отобрали у путников кинжалы и принялись их избивать прикладами своих винтовок, грозили проткнуть штыками. Одни из офицеров что-то настойчиво спрашивал у избиваемых горцев. А солдаты оскорбляли заученными аварскими и кумыкскими словами.

Жители Инхо ничем не могли им помочь. И хотя большинство переживало за соседей, были в толпе и такие, которым нравилось избивание киятлинцев и ичичалинцев.

Не известно, чем бы закончился этот инцидент, - один из молодых путников отказался дать им свой кинжал, за что получил прикладом винтовки по голове и упал без сознания в дорожную пыль...

- Я, Аллах, батагиха нусго азар наана!²⁹ - раздался вдруг за спиной праздно глазающей толпы необычайно сильный голос. Офицеры и солдаты оглянулись, как и вся толпа. - Залимзаби! Байтуманби!³⁰ - прокричал хромой, небольшого росточка мужчина в старой застиранной черкеске и, как ветер, прорвался сквозь толпу к месту побоища.

²⁹Аварское: О, Аллах! Да падет сто тысяча проклятий!

³⁰Авар.: немилосердные, убийцы!

- Это Умар, - пронесся шепот.

Андийский святой, еще не имевший тогда мистического сана кадирийского шейха, заговорил с русскими офицерами, перемежая аварские, кумыкские и русские слова. Голос его звучал строго и вместе с тем столь выразительно, что, даже не зная многие из высказываемых им слов, бойцы Армии Его Императорского Величества поняли святого прекрасно.

Но сначала офицеры и солдаты оцепенели. Потом начали объяснять, что они-де поймали разбойников... Что именно на это ответил им шейх, теперь уже станет известно только на Судном дне. Но слыше ста человек были свидетелями, как офицеры и солдаты оставили в покое горцев и двинулись от Инхо на восток, в сторону Мехелта. Умар помог несчастным подняться, собрать свои разбросанные на пыльной дороге пожитки и вместе с ними направился вверх по склону в селение Килят.

* * *

В другой раз, спустя много лет после чудесного спасения пятерых горцев, Умар-Хаджи, предсказал о том, что завтра к полудню к их селу поднимется отряд, состоящий из горской милиции и конных русских аскеров. Они придут для того, чтобы забрать его в крепость, как несколько лет назад забрали Кунта-Хаджи.

- Меня обвинят в подготовке восстания против царской власти...

Мюриды всполошились.

Раздались отчаянные голоса, полные решимости сразиться с карателями и не допустить того, что

сделали гяуры (военная администрация Чечни) с Кунта-Хаджи. Сердца андийцев были переполнены праведным гневом от такой несправедливости.

В самом деле, за что его следовало осуждать на ссылку? Умар-Хаджи, как и Кунта-Хаджи, проповедовал мирское послушание царским сатрапам, оставляя горцам лишь духовную верность власти Всевышнего Аллаха. И вдруг его обвинять в подготовке восстания?! Как такое возможно?! Это же ложь! Он ведь еще при имаме Шамиле говорил о бессмысленности газавата и необходимости подчиниться русской власти. И святой шейх Кунта-Хаджи говорил о том же. Однако его осудили на ссылку.

- Тебя оклеветали, как некогда Кунта-Хаджи, - заметил один из мюридов. - Надо найти клеветников и казнить шариатским судом.

- Нет, сперва надо поехать в крепость к их главному начальнику и рассказать ему, что нашего шейха, как и Кунта-Хаджи, оклеветали, - предложил другой мюрид.

- Мир земной полон лжи, - сказал тогда обыденно улыбаясь Умар-Хаджи. - Пора бы привыкнуть вам к этому. И знайте, братья мои по священной вере, так будет до Часа великой битвы правоверных с грешниками. А потому советую вам не предаваться чрезмерному удивлению и гневу. Чрезмерность, в чем бы ни проявлялось, может увести людей далеко от истины... А вдали от истины шайтаны сильнее ангелов...

- О, святой шейх, муршид наш мудрый, - обратились к нему мюриды разом. - Покажи гяурам и прочим грешникам из числа клеветующих на тебя свой кармат... Сделай так, чтобы твой арест стал невозможным для кафиров. Обрати их в паническое бег-

ство или это сделаем мы с помощью наших сабель. Аллаху акбар!!

- Аллаху акбар!! - раздались десятки голосов.

Толпа мгновенно пришло в движение, но стоило шейху поднять руку, как шум тут же утих.

- Нет! - раздался его спокойный голос. - Нельзя. Мой карамат не тот карамат, о котором вы про себя думаете и о котором говорят невежественные люди. Вы думаете, что я владею искусством «сир-руман» (магии)? Но я этой наукой никогда не занимался и не собираюсь заниматься. Она противна в глазах Аллаха. И если я чем-то отличаюсь от других муминов, то только тем, что мои молитвы Аллах принимает, чаще других. Но есть в мире мумины, чьи молитвы Аллах принимает еще более чаще, чем мои... не превозносите меня. И сами не превозноситесь. Молитва не оружие! Мне не дано такое право. И мой арест, как арест святого муршида Кунта-Хаджи, не является достаточным основанием, чтобы воспротивиться земной власти и подвергнуть гибели людей.

Аллах не любит тех, кто становится причиной умножения сирот и калек. И без того много горя в наших краях. Или вы не знаете, какие следуют последствия сопротивлению. Забыли, чему подверглись наши братья чеченцы, попытавшие освободить святого муршида Кунта-Хаджи?! Неужели вас ничему не научило то, как исчезло с лица земли самое большое селение цезов, Бежени-ат³¹?! Ведь

³¹ Дидойское, «Большое село», входил в состав Асахской сельской общины. За участие в Согратлинском восстании в 1878 году был истреблен карательной экспедицией.

кафиры не оставили в живых в Бежени-ате ни одной души: ни старика, ни младенца...

Старец поднялся на ноги и продолжил свой монолог:

- Ничего страшного со мной не случится, если я проживу в тюрьме или в ссылке на казенных харчах. Я и там буду нести людям слово Аллаха. Моему ибодату (богослужению) ничто не помешает. Так что, забудьте о сопротивлении и никогда больше не просите меня о карамате...

Мюриды, хоть и понимали умом, что муршид прав, но не могли сердцем принять его смирение перед явной несправедливостью со стороны властей. Тем не менее, таков был муршид из Анди, что отрицал карамат в своих даже самых удивительных действиях.

Конечно, можно поверить в сверхъестественные способности святых, а можно не верить, это дело внутренней убежденческой культуры человека. Но бесконтактные рецепции и паранормальные явления уже давно не секрет для мировой науки. Да и куда девать факты, ничем иным не объяснимые, кроме как чудом. Причем, как не раз подчеркивал в своих беседах с мюридами сам Умар-Хаджи, совершать непостижимое разумом могут не только святые угодники (валиюн) Аллаха, но и маги, колдуны, продавшие души шайтану. А потому и следует знать правоверным, что сила для карамата (чудес) святому дается не для бахвальства или запугивания врагов, а для выполнения особой миссии (даавата). Ибо каждый шаг и каждое дело должны совершаться не ради собственных страстей и целей, а ради довольства Творца мироздания, к которому неизбежно все притекут.

Глава 14-я

ЕЩЕ РАЗ О КАДИРИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ

Тут мы немного отступим назад во времени и справедливости ради заметим, что среди русских офицеров были и такие, которые выступали против заточения мусульманского святого, ибо прекрасно знали о том, что ни он, ни его мюриды никакой опасности царской администрации и границам Империи не представляют. В частности, штабс-капитан А.П. Ипполитов писал в Петербург военному министру о нецелесообразности ареста шейха Кунта-Хаджи. Он объяснял в своих рапортах мирный характер его проповедей и практикуемых им мистерий. И даже доказывал, что кадирийский тарикат, в сущности, – высоконравственное сообщество мюридов, весьма благотворно отражающееся на интересах Империи в этом регионе.

Однако Лорис-Меликов, видимо, введенный в заблуждение своими адъютантами, возможно, преследовавшие какие-то свои корыстные цели совместно с горскими отщепенцами из числа чеченской и дагестанской знати, точнее, отдельных их частей, ибо и среди знати было немало мудрых и честных людей, решил по-другому. Хотя позже, через три с половиной года, Лорис-Меликов изменит

свое мнение, но святого старца уже не будет на Земле...

Как бы то ни было, predeterminedную Свыше трагедию никто не предотвратил. А что до справедливости, то Аллах ничего не меняет в жизни людей, пока люди сами не приложат усилия для изменения худшего к лучшему, а потому трагедии суждено было случиться.

Сколько же сирот осталось после того боя, когда тысяча чеченских зикристов, побросав ружья и пистолеты, ринулись на крепость Грозная, чтобы освободить своего шейха из-под стражи? Кто их считал! Социалогические исследования тогда еще не практиковались. Каждый вступивший в бой за шейха горец и горянка вверили судьбы своих детей Аллаху Великому. Их было много. Умножалось количество сирот и после этого боя, ведь многие раненные были взяты в плен и мучительно умирали в казематах крепости. Да еще репрессии последовали уже на второй день после боя.

Каким-то солдафонам в высоких чинах пришлось в голову применить ермоловские методы, понадеялись репрессиями отбить у горцев охоту сопротивляться произволу, требовать справедливости. И совершенно зря. Потому что после такого избиения народа и последовавших за этим репрессий даже безбожные абреки возмутились, и многие из них потом примкнули к отрядам кадирийских мстителей. Стали совершать набеги на крепости, уничтожать почтовые обозы. Число абреков росло изо дня в день. Метко пущенные ими пули находили офицеров в самых неожиданных местах, в том числе и в гуще карательных отрядов, разъезжавших по селам горной Чечни и Дагестана.

Так проповеди мира, любви и благодетели Кунта-Хаджи стали превращаться в Чечне в волну народных вооруженных протестов, в своеобразное движение мести тиранам и душегубам.

Теперь мюриды стали все реже проводить зикр и чаще заниматься джигитовкой, отчаянно упражняться в стрельбе и рубке на саблях. Это понравилось и ветеранам шамилевских походов - мюридам накшбандийского и шазалийского тарикатов, практикующих тихий зикр. Назревала Новая Кавказская война. Только предводителя не хватало.

Чеченцы все чаще и чаще вспоминали хунзахского тигра - Хаджи-Мурата, выискивали подобного предводителя среди горцев, не зависимо от национальности. Лишь бы мусульманином был правым.

«Все горцы – братья!» - был провозглашен принцип, которым свято руководствовались три имама Кавказской войны (Кази-мулла, Гамзат-бек, Шамиль) и, конечно, так полюбившийся чеченцам хунзахский тигр, самый удачливый из всех наибов - Хаджи-Мурат.

Но на одном принципе власть не построишь и народ не осчастливишь. Нужны широкие знания о земной жизни и загробном мире. И тогда вспомнили об Умаре аль-Анди, которому была передана святым шейхом духовная власть над мюридами.

К тому времени, когда завершив зиярат к могиле пророка Мухаммада (с.а.в.) в городе Медине и паломничество к Мечети Неприкосновенной в Мекке, а на обратном пути, посетив кадирийское братство в Египте, Умар-Хаджи Аль-Анди (с приставкой к имени священного религиозного звания «Хаджи») вернулся на Кавказ, Чечня и пригранич-

ные с ней дагестанские села закипали в военном экстазе. Из крепости Грозная одна за другой шли депеши в Петербург с прощением новых финансовых содержаний на армию, а в ответ из столицы звучали гневные угрозы. За плохую службу и неспособность держать горцев в повиновении офицеров следует разжаловать до рядовых, а затем направлять в гущу сражения.

Словом, все шло к новой, кровопролитной и совершенно бессмысленной войне.

Глава 15-я

УМАР-ХАДЖИ АЛЬ-АНДИ

Шел 1865 год.

Достойных для руководства восстанием предводителей не находилось. Среди джигитующих зикристов, желающих возглавить восстание, не оказалось ни одного алима, а раз так, то какие из них имамы! А те алимы из числа больших мюридов, которые все же могли выбрать в своей среде предводителя, слишком хорошо знали учение святого шейха Кунта-Хаджи и сделали из досадной трагедии соответствующие выводы. Надо быть совершенными глупцами или отчаянными авантюристами, чтобы надеяться на победу в войне, которую святой объявил бессмысленной.

Мудрые из мюридов и досточтимые из алимов говорили, что народы Чечни и Дагестана находятся в столь бедственном положении, что любое восстание заведомо обречено на поражение и нескончаемые бедствия. Так же сделавшие соответствующие выводы из недавней трагедии однозначно заявили народу, что нет сейчас в горах Чечни и Дагестана мумина, способного поднять выпавшее из рук великого имама Шамиля знамя газавата. Даже наиба Хаджимурата некому заменить! Если уж им не удалось, как предсказывал святой шейх Кунта-

Хаджи, прогнать с наших земель гяуров, то кому же это удастся?! Никому. Потому и следует терпеливо уповать на Аллаха и ждать Его знамения, если даже на это уйдут тысяча лет.

Эти здравомыслящие алимы и авторитетные мюриды кадирийского тариката, как оно и бывает в условиях смуты, подпали под немилость джигитующих мюридов, исполненных неподдельной ненавистью к царской власти, но, как правило, не обладающих знаниями, необходимыми для защиты интересов народа. Уже через два года то в одной местности, то в другой джигитующие мюриды стали приказывать алимам (богословам) «закрывать свои рты, если только они открываются не для благословления газавата». И хотя по шариату это тяжкий грех, когда невежда приказывает богослову, но в условиях смуты никто не спешил упрекать сторонников возобновления войны с Россией.

Так возникло движение среди мюридов против проповедей о мире и подчинения царской власти. Все прочее, идущее в разрез с воинственным духом горцев, было объявлено малодушием и трусостью. Оставалось только издать фетву (религиозный приказ), распространяющую на всех верующих обязанность содействовать войне против неверных. И нашли-таки такого алима, который вынес свою фетву о необходимости возобновить шамилевский газават. Этих отчаянных храбрецов не интересовало даже то, что они в большом меньшинстве, что во многих селах люди не хотят войны. Но не желающие войны не представляли собой единую силу, а потому и выходило, что меньшинство довлекло над большинством. За проповеди о мире и подчинение гяурам джигитующие мюриды объявляли

смертную казнь. Нескольких мюридов даже казнили за отказ содействовать военному приготовлению.

Но Ислам – религия столь однозначная, что даже неучи понимали харамность (антишариатность) этой фетвы, вынесенной в обход собранию алимов, меджлису.

Таким образом, смута и волнения усугублялись.

Кто-то вынашивал план набега на крепости Грозная и Внезапная, подобного Кахетинскому набегу имама Шамиля, в результате которого были пленены и увезены в горы две грузинские княгини и их французская гувернантка, за которых был выплачен впоследствии огромный выкуп. Захватив таким образом чьи-нибудь генеральские семьи в плен, джигитующие мюриды рассчитывали обменять их на своего святого шейха Кунта-Хаджи.

И тогда на одном сходе авторитетных кадирийских мюридов, проходившем на границе Чечни и Дагестана, алимы все как один заявили ратующим за восстание, что они подчинятся решению Умара аль-Анди. А когда обратились к нему за священным решением (фетвой), то образовавшие собой партию войны мюриды слышали:

- Глупость - легче ветра, а мудрость - тяжелее горы. Кто предпочтет легкую глупость тяжелой мудрости - потерпит убыток. - Рассказывают, как Андийский Старец поднялся со сверкающим в глазах гневом и, потрясая посохом воздух, пригрозил партии войны: - Если вы еще раз осмелитесь обратиться ко мне с такой просьбой, я прокляну вас именем Аллаха!

Это возымело свое логическое действо. Ратующие за войну мюриды сникли и, пристыжено опу-

тив головы, призадумались. Тогда шейх рассказал им о хариджитах, причинивших мусульманской умме самый большой в истории Ислама вред (См. хариджиты). После чего, прося у шейха прощения, разошлись по своим селам.

Но это случилось после возвращения шейха из хаджа. А до этого было вот еще что...

<...>

...Когда Умар-Хаджи Аль-Анди возвращался из хаджа, его встречали мюриды у ворот Шелкового пути, каковыми издревле называли врата крепости Нарын-Кала, у подножия которого сейчас процветает прекрасный город Дербент.

По некоторым сведениям, слухи о приключившейся беде со святым шейхом и последовавшей за этим трагедии дошли да Умара-Хаджи еще в Каире, в обители кадирийского братства. Об этом рассказывали с состраданием и в других странах Ближнего Востока, в Сирии, Ираке, Иордании, где тоже были кадирийские братства. А теперь, со слов чудом оставшихся в живых участников восстания по освобождению святого шейха, он узнал много подробностей.

Мюриды целовали полы его черкески и свисающий с папахи кистень чалмы пророка. Поздравляли с совершением хаджа и тут же просили его заступничества в Судный день перед Аллахом.

- Я-то попрошу, но вы и сами можете с этой просьбой обращаться прямо к пророку, да благословит и приветствует его Аллах.

Шесть с половиной дней пешего хода потребовалось Умару-Хаджи со свитой мюридов, чтобы

добраться от Дербента до мечети селения Тарки. Отсюда открывалась широкая панорама лазурного Каспия и виднелись крепостные башни Порт-Петровска. Он нигде не сел ни на лошадь, ни на мула, которых ему предоставляли мюриды.

- Я начал свой Хадж из селения Анди пешим ходом в Мекку, - объяснял свой отказ воспользоваться привилегией муршид. - И только там, в Анди, я должен завершить его таким же пешим ходом. Не переживайте за меня, братья. После выжженных солнцем песчаных пустынь идти по земле Дагестана легко. Аллах Великий даровал нам земли куда более легкие для обитания, чем пустыни, распростертые, как горящие плащи, вокруг двух великих святынь Ислама - Мекки и Медины.

Тогда и те, что ехали на лошадях и мулах, сошли на землю и шли пешком за муршидом.

Таркинцы встретили Умара-Хаджи со всеми почестями, подобающими для святого валия (наиболее близкому к Аллаху мусульманина). И хотя среди таркинцев не было зикристов, а лишь накшбандийцы и шазалийцы, они признавали его святость и, не утруждаясь в тонкостях догматики, просили у него шафаата.

Но вот едва шейх успел совершить обеденный намаз в таркинской мечети, как из крепости Порт-Петровск прискакал отряд конной жандармерии. Они потребовали от шейха проследовать за ним в крепость, что возмутило народ. Жандармы отправили гонцов за подмогой, отряд их был слишком мал, чтобы справиться с жителями Тарки и с безмерно преданными шейху зикристами, съехавшимися с разных сел Чечни и Дагестана. Назревало кровавое столкновение, узнав о котором шейх вы-

шел к жандармам с толмачем (переводчиком) и прочитал им короткую проповедь.

- О, слуги Белого Царя. Да ниспошлет Вам Всевышний радости в этой жизни... И да не усомнятся ваши начальники в моей кротости перед властью русского царя. Я слугитель Всевышнего, Единого для всех людей, животных, ангелов и джинов. Я лишь проповедую любовь ко Всевышнему, Его творениям и знамениям. Я осуждаю губительные страсти и никого не наставляю на неповиновение властям. Мы, мусульмане, терпеливо выносим лишения, смиряемся с судьбой и не хотим больше войны. Аллах Великий не дал нам того великолепия - бескрайних земель и морей, городов и богатства, которыми наделил вас, о, русские! Так будьте же и вы милостивы к нам, ведь и Аллах милостив к вам, пока вы на земле...

Я совершил в благодатной таркинской мечети обеденный намаз и намерен, не задерживаясь, продолжить в путь в горы, в селение Анди, чтобы завершить свое полонничество к святым местам в Аравии. Потому прошу вас о снисхождении, ибо я не представляю для вас никакой угрозы.

Проповедь, переведенная на русский с аварского, возымела свое миролюбивое действие. Командир отряда конной жандармерии был изумлен миротворчеством Старца, окруженного более пяти сотен вооруженных горцев, готовых по одному его знаку изрубить их на куски. Но Старец, видимо, действительно, святой, раз удерживает толпу от противозаконного и жестокого. Офицер сошел с коня и по православному обычаю поклонился, а затем поцеловал руку шейху и, пожелав счастливого пути, повернул свой отряд обратно в крепость.

Еще одно препятствие на пути шейха возникло в Темерхан-Шуре. К счастью, и оно оказалось мотивировано только подозрениями, которые шейх развеял своей очередной проповедью, обращенной к наделенной земной властью офицерам.

Когда, наконец, шейх добрался до родного села, навстречу вышли жители всех девяти андийских сел. Много мюридов приехало из Чечни. И всем хватило крова и хлеба.

На следующий день в селении Анди был проведен большой мовлид. Даже бедняки не жалели своих овец, чтобы накормить людей, более зажиточные резали быков. На большом майдане двумя и даже тремя кругами закружили мюриды в священном зикре, хлопая в ладони и распевая «Ла иллаһа иллаллаһ»!

В центральном круге из десяти человек кружил шейх. Во втором круге кружили около пятидесяти человек, в третьем - около пятисот. И здесь Умар-Хаджи Аль-Анди явил народу чудо. Никто не заметил, как он, круживший в центре, оказался в куге во втором, а затем и в третьем, самом большом. Сотни людей, не принимавших участие в зикре (это не обязательная мистерия), как и те, кто участвовал в зикре, видели, что именно он, Андийский Старец, ускоряет бег мюридов и чеканит ритмику священного пения. Его голос временами звучал, заглушая голоса сотен, поющих «Ла иллаһа иллаллаһ».

Это было зрелищем, как свидетельствуют рапорта, офицеров линейной службы наблюдения за горцами, зажигающим душу добродетелью. «Даже понимая, что религия магометан противно учению Святой Апостольской Церкви Иисуса Христа, - писал поручик Николаев, - мы, православные офице-

ры, то и дело ловили себя на чувстве, толкавшем нас принять участие в этом удивительном мистереии. И как нам объяснили потом, иноверцам тоже дозволяется участие в зикре. Только страх оплошаться, не уложиться в их ритм и бег, удерживал нас от участия в их мистереии».

После зикра был обеденный намаз на большом лугу, совершаемый всем джамаатом, всеми присутствующими мусульманами. Женщины молились в отдалении. Затем был такой же общественный обед, все поели досыта кукурузный и пшеничный хинкал с бараниной и говядиной. Так же, от чистого сердца, кормили отряд военных наблюдателей.

После обеда Умар-Хаджи сделал дуа (молитву-прощение, обращенное к Всевышнему прямо, и через пророка, и через святых шейхов) за мир и благополучие в горах. А через неделю, когда явился к нему отряд мюридов из партии войны, он сказал им то, что было выше изложено:

- Глупость - легче ветра, мудрость - тяжелее горы.

<...>

Умар-Хаджи отправился по андийским селам с проповедями. Рассказывал о бесценности добродетелей (на дагестанских языках: кири; арабское, сабаб и/или сабав), идущей от любви к Всевышнему Аллаху. Наставлял людей ценить мир и ненавидеть войну, сторониться всякой вражды между мусульманами.

Утром попрощался и отправился в следующее село, где также читал проповедь о любви к Высевышнему и мире среди людей. И так за 9 дней он обошел все 9 андийских сел, после чего отправил-

ся с проповедью в другие вилояты Дагестана. Добрался до дидойских сел (ныне Цунтинский район), где тоже наставлял людей сторониться всего сомнительного, пагубного, исходящего от ненависти, затмевающего разум даже мудрецам. Дидойцы впервые с Умаром-Хаджи исполнили громкий зикр, хлопая в ладони и бегая по кругу в священном ритме.

* * *

Когда через месяц шейх вернулся в Анди, к нему прибыли мюриды из разных сел Чечни и Дагестана. А вместе с ними и новые слухи от новой партии войны. Как это ни удивительно, но не могут ценить блага мирной жизни и тот шанс, который дает им Аллах, чтобы зализывать раны почти полувековой войны.

Широкий андийский годекан был полон народа.

- О, мои братья-единоверцы! - воскликнул Умар-Хаджи с крыши одного из домов, окаймлявших сельскую площадь. - Теперь по завершении своего нията, ради Аллаха Великого, ведающего тайным и явным, я готов вас выслушать. В чем ваша забота?! О чем вы просите Аллаха? Поделитесь со мной!

Чеченские и аварские мюриды переглянулись. Было видно, как они испытывают неловкость. Никто не решался выступить первым. Все, кто видел его в зикре, знали, как этот щупленький, передвигающийся, опираясь на посох, может преобразиться, превратиться из воробья в настоящего орла.

- Ну же, братья, не смущайтесь, - подбодрил их шейх. - Лучше сказать глупость своему муршиду, чем совершив его против гяуров навлечь на себя

гнев Аллаха. Говорите всё, о чем думаете и чего намереваетесь сделать...

Тогда один из чеченских мюридов высокого роста, с богатырскими плечами и пурпурно-красным башлыком на спине, вышел на середину годекана и обратился к шейху с подобающим приветствием.

- О, достопочтенный шей Умар-Хаджи! Да возлюбит тебя Аллах так же, как мы возлюбили тебя ради Аллаха. И да будет для нас тоже твой шафаат (ходатайство на Судном дне). Сердца мюридов исполнены печали за нашего великого шейха Кунта-Хаджи, которого словно разбойника угнали гяуры в ссылку куда-то в Сибирь... И раз Кунта-Хаджи избрал тебя среди тысячи других мюридов, мы обращаемся к тебе с просьбой объявить газават гяурам, дабы мы, как воины Аллаха, сумели отомстить за кровь тысячи мюридов, за сирот, которые умирают от голода и холода, за поруганную нашу честь, за зикр, которого гяуры запрещают, и веру нашу - Ислам...

Чеченец произнес все это на чеченском языке, которого знали почти все андийцы, и сам шейх Умар-Хаджи владел этим языком, как своим родным.

Муршид подождал, пока староста села переведет сказанное на аварский для прибывших из вилютов Баклулал, Салатавия, Цумада и Дидоэтия. Затем в наступившей тишине тихо проговорил:

- Кто еще хочет выступить? Какие еще мысли и заботы гложут сердца мюридов?

Годекан не мог вместить всех желающих слышать речи шейха. Один за другим выступили два мюрида из аварских сел Кият и Ичичали. Они тоже, как и мюрид из Чечни, говорили о жажде мести за святого шейха, притеснения и произвол гяу-

ров. В их словах звучала уверенность в том, что если горцы объединятся, то смогут прогнать русских далеко за Кавказский хребет.

Андийцы перевели чеченцам с аварского, и всем все было ясно относительно этой, уже второй партии войны. А что до тех, кого еще раньше предупредил о том, что проклянет, если осмелятся еще раз явиться к нему с подобной просьбой, то их он в толпе не видел, их здесь попросту не было.

- Все высказались? - обратился к народу Умар-Хаджи. В ответ прозвенела тишина.

Ясно ведь и так, что многие хотят восстать против гяуров, чего тут еще рассуждать! Конечно, были и противники войны, причем в большинстве, но они не смели высказываться, боясь выглядеть глупо и трусливо.

- А вот ты, - шейх указал рукой на выглядывающего из толпы джигита в черной черкеске с серебряными газырями. - Ты разве не абрек, живущий разбоями... Выйди сюда и скажи людям, что ты «не абрек». Я буду рад ошибиться...

Из толпы вышел мужчина лет сорока с пружинистой походкой и стройной осанкой. На его коротко стриженной светло-русой бороде блуждала признавательная улыбка.

- Ассаламу алейкум, шейх Умар-Хаджи, - сказал чеченец. - Вы же меня никогда раньше не видели, и среди андийцев нет человека, знающего меня в лицо. Скажите ради Аллаха, как Вы узнали, что я абрек и что промышляю разбоями?

- Сперва закрой лицо, чтобы не успели тебя люди запомнить, - полушутя, полусерьезно сказал шейх, чем вызвал у народа дружный смех. Джигит, одним быстрым движением руки стянул с щегольской па-

пахи, из коротко стриженной ягнячьей шкурки, черную повязку и закрыл лицо до уровня глаз. - А теперь я еще расскажу о тебе народу. Ты из тех абреков, которые не трогают простых людей, бедных мусульман... Но ты любишь грабить почтовые военные обозы гяуров, похищать знатных русских и горцев, прислуживающих гяурам, для выкупа. И, хотя твои деяния не выводят тебя из Ислама, Аллаху Всевышнему не угодно то, что ты делаешь. Ты даже делишься с нуждающимися из награбленного... Но да будет тебе известно, что все то, что ты делаешь, нарушает шариат! Я вижу на твоём лице, под черной маской разбойника, печать хорошего мусульманина. Но за страдания верующих, которые гяуры причиняли по твоей вине, тебе придется держать ответ перед Аллахом. Ведь ограбив обоз, ты с твоими товарищами скрываешься в лесах, а аскеры гяуров в отместку нападают на села, грабят муминов, лишая их куда большего, чем тебе удастся отобрать у почтового обоза...

Говоря это, Умар-Хаджи потряс склоненной набок головой и несколько раз поднял свой посох, как бы желая поглубже донести до умов слушающих эту мысль. Он как бы предлагал людям сравнить пользу и вред от разбоя. И вывод был очевидным – не в пользу разбойника.

- Но помните, братья и сестры, нет греха, который бы Аллах не простил мусульманину, за исключением куфра, ширка и того греха, которого не простят пострадавшие от злодея мумины.

Что проку от твоих даров беднякам, когда за один разграбленный тобой обоз, гяурские аскеры (войска) потрясают все село, а то и несколько сел, чтобы другим неповадно было. Ты же не можешь так

грабить гяуров, чтобы после твоего ухода в леса они не мстили ни в чем не повинным муминам. Нет, не можешь. Так знай же, брат мой единовѣрный, эти «подвиги» твои шариат не одобряет. Признаешь ли ты это?

- Да, святой шейх, - с готовностью ответил пораженный ясновидением абрек.

А по толпе прокатился шепот:

- Шейх святой! У него зрячее сердце...

- Ему ангелы подсказывают тайное...

Шейх выдержал паузу.

- Тогда ответь мне еще на один вопрос: если даже за разграбление одного обоза гяуры грабят несколько наших сел, не разбирая виноватых и правых, что будет с народам, если горцы поднимут восстание?

- Ничего хорошего не будет, - угрюмо проговорил джигит-разбойник. - Но я родился и вырос в гуще войны, посреди смертей, разрушений и горя... Как же мне вынести все это. Я получаю от жизни наслаждение лишь тогда, когда окропляю их кровью свою саблю и метким выстрелом убиваю врага...

- Но разве ты один в наших горах, кого печалит смерть близких и родных, горе ни в чем не повинных муминов?! Подумай над тем, как они это переносят...

Промышляющий разбоями джигит промолчал, уронив голову на грудь. Затем тихо попятился назад и скрылся в толпе.

- Да наставит тебя Аллах Великий на путь любви (и Веры), справедливости и мудрости. И даст силы нам всем пережить боль утраты родных и близких, - громко выкрикнул шейх. Затем трижды стукнул

посохом по каменному катку, которым во время дождя закатывают крышу. Толпа моментально притихла.

- О, мусульмане! Наипрекраснейшие рабы Аллаха Милостивого и Милосердного. Если больше никто не имеет сказать или добавить к уже сказанному здесь, я скажу то, что мне подсказывают священные книги великих имамов, тафсиры Корана и хадисов.

Народ буквально замер, боясь пропустить хоть одно слово. Его лицо, обычно отрешенное, кажущееся полусонным, сейчас преобразилось в нечто орлиное. Глаза заблестели как от пламени, а голос зазвенел таким металлом, что «семьдесят джинов, невидимо кружившие среди толпы, раскаялись в неверии и обратились в Ислам. А шайтаны, которым запретил Аллах возвращаться на путь истины, покалеченные святыми именами Аллаха, убрались вон из селения Анди. Лишь ангелы пречистые и джины уверовавшие продолжали кружить вокруг шейха, которому всем сердец внимал народ»³².

- О, муимины! О, братья и сестры по Вере великой, священной! Аллах нам дал разум, чтобы различать жизнь и смерть, спасение и погибель, разумное от неразумного и, наконец, чистое от грязного. Все вы знаете, что великий имам Шамиль сдался в плен...

Шейх выдержал короткую паузу, ибо самые разные были в народе оценки льву Кавказской войны. Среди горцев были и такие, которые проклинали Шамиля, даже переживая его пленение, как собственное поражение. Но большая часть горцев

³² Одно из многочисленных преданий о шейхе.

одобряло действие Шамиля, ибо сдача его в плен остановило в горах Чечни и Дагестана бессмысленную войну.

- Мне было шесть лет, когда имам Шамиль принуждал андийцев к газавату. Наши алимы вместе с Галбац-Дибиром Каратинским³³ возражали ему, говоря, что нет в горах такой силы, могущей противостать русским, а потому газават надо отменить. Отменить газават и заключить с русскими мир. Но великий имам казнил тогда нескольких андийцев и продолжил газават, объявленный шейхом Магомедом Яраги. И что в итоге? Сколько тысяч муминов погибло на этой войне?! Сколько тысяч детей, женщин и стариков погибло на этой войне?! И сколько же тысяч еще должно погибнуть, чтобы вы наконец признали войну с Россией бессмысленной?!

Никто из нас не вправе выносить против имама решение, но также мы не имеем право пытаться совершить то, что не удалось ему. Сейчас Шамиль, как вы все слышали, в русском городе Калуге. Царь ему пожаловал большой двухэтажный дом и щедрую пенсию. Он, великий имам, разивший столько лет русских солдат и офицеров, со своим семейством живет в глубине России и ни в чем не нуждается. А святой шейх Кунта-Хаджи, не убивший за

³³ Один из наибоов имама Шамиля. Существуют предания о том, что сын имама Шамиля Гази-Магомед застрелил сына Галбац-Дибир по имени Хадис. Галбац-Дибир уше со службы имамата задолго до отступления Шамиля из Чечни, но в 1859 году, видя бедственное положение имама, вновь примкнул к нему и сопровождал до самого последнего часа имамства. То есть присутствовал при сдаче в плен в Гунибе и даже предотвратил во время пленения стычку с солдатами, в которой могли убить имама.

свою жизнь ни одного человека, шейх, сумевший уговорить чеченцев и андийцев оставить русским земную власть и заботиться лишь о власти духовной, был подвергнут ссылке, как злой разбойник.

Где же справедливость?!

Умар-Хаджи выдержал паузу и сам ответил на свой вопрос:

- А справедливость у Господа нашего, Аллаха Милостивого и Милосердного. Кунта-хаджи совершал свой ибодат не ради собственного благополучия, но ради довольства Аллаха Всевышнего. И лишь Аллах Великий разрешит между нами разногласие, если оно есть... А потому я еще раз хочу предостеречь муимингов от злословия в адрес имама Шамиля. Нашего с вами чина³⁴ недостаточно, чтобы осуждать его. Ведь не зря святые имамы 4-х мазхабов и другие большие алимы запретили проклинать Муавию за то, что не подчинился праведному халифу Али, а после смерти Али не присягнул на верность его сыну Хасану, но вынудил его передать ему власть над священным халифатом. Так и я запрещаю всем, кто хочет моего шафаата, возносить хулу на имама Шамиля. Но более всего я запрещаю призывать на войну с русскими...

Остальное все в руках Всевышнего.

Подумайте, о, мусульмане!

Все те, кто твердит о восстании, о неугодности Аллаху нашего послушания гяурам, движимы неразумным чувством мести. Пусть и праведной, но все же не разумной. Жажда мести застигает им глаза пеленой невежества. Лишь мудрость, исходящая

³⁴ Араб.: даража, степень веры, иерархия благодетели в исламском вероучении.

из любви к Аллаху, поможет нам победить наших врагов. И только любовь к Аллаху даст нам грозное оружием против Иблиса презренного и его нечистого племени, против бесчисленного множества шайтанов и его друзей из числа грешных людей. И знайте еще то, что бесчисленно для людей, то легко исчисляется Аллахом и ничто не укроется от его всевидящего ока.

Наш святой шейх Кунта-Хаджи учил нас не давать гяурам повода для совершения все новых и новых злодеяний.

Разве Кунта-Хаджи просил мюридов собираться толпой без предводителя и идти на крепость для его освобождения?! Нет, не просил. Разве кто-нибудь слышал из уст святого шейха, что он обмочит порох гяуров, а посему бросайте свои ружья и пистолеты и нападайте на врага с обнаженными клинками?! Нет, никто такого не слышал из уст святого шейха. Так почему же, о, мусульмане, вы совершили такую глупость?! Почему пытались освободить шейха против его воли? Все те, кто пошел на крепость, да еще побросал по пути ружья и пистолеты, совершили великую глупость. Они даже не сумели вывести с помощью мантыка (логики), что если шейх намерен замочить порох гяуров, то нет повода мочить порох в ружьях и пистолетах муминов... Он должен был остаться сухим. И если уже шейх решил освободиться из-под стражи гяуров, и он в силах по своей воле совершить такое чудо, почему бы ему не совершить другое чудо и без всякой посторонней помощи самому не выйти из крепости?

Тут по толпе прокатился гул голосов, в котором мистический страх и благоговение к шейху сме-

шались во едино. Но едва святой шевельнул посохом, как все притихли.

- Я призываю всех мусульман Чечни и Дагестана не совершать впредь такие глупости. Аллах одаряет тарикатовских шейхов силой творить чудеса не для того, чтобы ими подкупали веру мюридов. Наша вера - иман - признание сущности Аллаха, наличия ангелов, книг, пророков, неминуемость судного дня и неизбежность судьбы - должна быть чиста от даже самой малой корысти. Ведь силой творить чудеса обладают и маги безбожные, и колдуны языческие. Так подобает ли святым шейхам уподобляться им?! Не ищите веру в обмен на чудеса. Но веруйте в Творца, ибо мир, который вы видите, не мог возникнуть иначе, как по воле Аллаха Великого, Непостижимого, Милостивого ко всем людям на земле, и хорошим, и плохим, и даже убийцам, и грешникам, но! Милосердного за чертой смерти только к муиминам.

Потому и помните: наша сила в ибодате, в служении Всевышнему. А газават объявят святые, когда возникнет такая необходимость... И в тот же день вы все об этом узнаете. Так что не переживайте, что не успеете на войну, если она начнется.

А теперь расходитесь по своим селам и всем говорите, что Умар-Хаджи Аль-Анди не одобряет восстание, но наставляет на мир, на укрепление Веры, как неприступной твердыни Ислама.

Ассаламу алейкум, варахматуллахи вабаракатуһу.

Глава 16-я

СИЛА БЛАГОДАТНОЙ ЛЮБВИ ПРОТИВ ЖЕСТОКОСЕРДИЯ ВЛАСТИ

Новость об андийской проповеди, получившей название «Большая проповедь против войны», быстро разлетелась по всей Чечне, Дагестану и другим краям Кавказа. Правда, до офицеров военных администраций эта новость доходила, меняясь по форме и содержанию. Там, где шейх говорил о любви к Всевышнему Аллаху, доносили как о ненависти к иноверцам, а где было сказано о мире - истолковывалось как выжидание удобного времени для внезапного восстания. Речь шейха о Милости Аллаха ко всем людям, независимо от Веры и человеческой сущности, тоже было переиначено до полного извращения.

Но не все офицеры в военных администрациях были солдафонами, встречались и весьма образованные, знающие религиозные течения в Исламе. А некоторые лично знали Умара-Хаджи и были прекрасно соведомлены о его религиозных принципах и пацифистических идеях.

Так, одного чеченского доносчика на зикристов, питавшего неизвестно чем мотивированную вражду к ним, разоблачили, исходя из его же слов. Ибо знали офицеры, что в Кадирийском тарикате лю-

бовь ко Всевышнему ни в какой своей части не пропагандирует войну с иноверцами, если только речь не идет о покушении со стороны иноверцев на святыни Ислама. Они разоблачили и прогнали его из крепости, не заплатив за доносы ни рубля.

От злости на офицеров, не поверивших ему, и досады на себя за то, что не сумел их обмануть, этот доносчик по пути в свое село сделал привал у родника и выпил водки, купленной предварительно в крепости. Он, как и многие из тех, кто был вхож в русскую крепость, покупал здесь дюжину 2-х литровых бутылок с «огненной водой», или, как чаще называли кавказские мусульмане водку, «мочой шайтана». Если даже половину сами выпьют, а половину продадут, все равно они оставались в прибыли. И потом, после окончания шамилевского гавата в горах Дагестана и Чечни, шариат был ослаблен и по умолчанию во многих селах любители зеленого змия распивали спиртные напитки открыто. Смертную казнь за употребление спиртного уже некому было проводить.

Так этот подвыпивший доносчик, чувствуя безнаказанность, угостил у родника трех путников, знакомых ему чеченцев. Пить в компании веселее, чем одному. И язык его развязался настолько, что рассказал им, какие «дураки эти русские офицеры», которые не поверили ему о том, что шейх Умар-Хаджи - злодей и что он замышляет против царской власти восстание.

- А зачем ты это рассказал офицерам? Это же неправда...

- Ну и что?! - парировал он. - Они же мне тридцать рублей обещали за сведения о восстании... Хотите я с вами поделюсь? Поедем вместе в кре-

пость, и вы подтвердите, что я говорю правду... Когда выйдем из крепости я разделю с вами тридцать серебрянных рублей... Каждому достанется по корове с телятком и еще останется на подарки женам... Вам что, андийца жалко, что ли?!

- Ах ты, кафир проклятый! - воскликнули моментально отрезвевшие путники.

- Ты не чеченец, - мотнул головой один.

- Ты - мунафик, - заключил второй.

- А мунафики, как сказано в Коране, будут гореть на самом дне джаханнама (ада).

После чего каждый из трех чеченцев по одному разу вонзили в грудь доносчика кинжалы. Оглянулись по сторонам. Рядом никого не было. Но сокрыть содеянное и навлечь на себя совершенный доносчиком грех они не пожелали. Погрузили труп на его же лошадь и вместе со всеми его вещами доставили в его родное село и повинились перед родственниками доносчика.

Пока родственники «казненного» обсуждали между собой, должны ли они мстить или нет, появился имам селения и едва увидел в вещах убитого бутылки с водкой, объявил убийство соответствующим шариату. Оказывается, имам мечети, и родственники убитого, и другие мюриды этого села уже давно подозревали несчастного в доносительстве. А покаравших грешника присудили по шариату к ударам палками и тут же ответным решением за честность и преданность вере освободили от наказания.

* * *

Горцы и прежде отмечались такой раздвоенностью нравов, что, даже выпив водки и изрядно опья-

нев, становились на намаз - как на выплату священного долга. Встречаются такие мусульмане и сейчас, и не только на Кавказе, что говорит о наличии в сознании мусульман двух стихий - телесно-гедонистической (устремленной на удовольствие) и духовно-благодатной. Потому и не устают тарикатовские шейхи и просвещенные их мюриды напоминать людям о необходимости ежедневной борьбы со своим нафсом (натурой, характером, страстями).

А история с убийством доносчика случайными собутыльниками оброслась слухами и дошла до офицеров крепости Грозная. Оттуда, еще больше видоизменяясь, слухи пошли в разные чеченские и андийские села. Говорили, что бедного торговца тканями зарезали кровожадные мюриды Умара-Хаджи, готовящего восстание, чтобы вызволить из ссылки своего муршида Кунта-Хаджи.

Через день депеша из Грозной отправилась в Темир-Хан-Шуру, в военную администрацию нагорного Дагестана, с поручением «разобраться с фанатиком из селения Анди по имени Умар-Хаджи».

Вскоре в Андах появился большой отряд кавалерийской жандармерии и милиции, состоявшей из горцев, служивших царской администрации.

Шейх, словно его предупредили, вышел из села навстречу карателям вместе с одним своим мюридом, владеющим русским языком, и приветствовал отряд жандармов смиренным приветствием.

- Мир православным и мир мусульманам, служащим Белому Царю, - с кроткой улыбкой на лице приветствовал их Умар-Хаджи. - Власть ваша и воля ваша, если хотите убейте меня, хотите уведите в свою крепость и заключите в тюрьму. Я смиренный

раб Аллаха, а потому приму любое наказание со стороны наделенных властью мужей, ибо на всё воля Аллаха. Но при этом знайте, я никогда никого не призывал воевать с русскими аскерами. Я так же, как мой муршид Кунта-Хаджи, всегда призывал и впредь намерен призывать горцев к послушанию, кротости, занятию своими мирскими делами. Нам, кроме веры нашей небесной и зикра священного, ничего не надо...

- Так что, по-твоему, люди врут о тебе?! - сурово сверкнув голубыми очами, спросил начальник жан-дармерии. - Ты в самом деле не помышляешь восстание против нас?

- Среди людей много неразумных, не ведающих, что говорят и творят. Мой долг - наставлять людей на путь мира, любви и добродетели, чтобы не было войны, чтобы не умножались сироты, не лились слезы матерей, - ответил шейх.

- Можно подумать, что ты прямо-таки любишь нас?! - с издевкой парировал другой офицер.

Сойдя с коня, этот офицер подошел к шейху, едва достававшийся ему до подбородка. Он что-то начал бормотать, но вдруг, широкоплечий, весь пышущий здоровьем офицер в зеленом мундире с позолоченными эполетами и рядом боевых орденов, осекся. Внимательно посмотрел в глаза шейху и отступил назад, как будто убоился посоха в худосочной руке. А ведь на поясе офицера в кожаной кобуре висел заряженный пистолет и шашка на ремне, перекинутом через плечо.

- Как же мне вас не любить, - все так же кротко улыбаясь, ответил шейх, - если и вы так же, как и мы, сотворены Богом Единым, Милостивым и Милосердным. Люди же вы, в конце концов, как и мы.

Сошедший с коня командир отряда мотнул головой, словно хотел прогнать дремоту, потом оглянулся на своих товарищей, спохватился и заговорил несколько надломленным голосом.

- А почему бы тебе, Умар-Хаджи, не поступить на службу к нам... В администрацию Его Императорского Величества Александра Второго? У нас для тебя нашлась бы начальственная работа... И жалование хорошее получал бы, чтобы еще лучше послужить делу мира?..

Офицеры и жандармские кавалеристы переглянулись недоуменно. Что это вдруг с их суровым к горцам командиром случилось? Куда подевались его ермоловские манеры? И лицо его красноватое, в больших бакенбардах побелело, словно мукой осыпали...

- Спасибо за добрые слова, - шире улыбнулся шейх, сверкнув двумя рядами белоснежных зубов.
- Но какой из меня начальник. Я служу Всевышнему Аллаху, и кукурузная лепешка с кусочком сыра - мой удел. Если позарюсь на большее, я превращусь в чудовище, от которого вам достанется много хлопот... - Шейх громко рассмеялся, чем мгновенно заразил топтавшихся на конях жандармов и стоявшего, как истукан, их командира.

На окраине древнего Анди стали собираться люди, некоторые появлялись с ружьями, а кинжалы и так висят на поясах у горцев на все случаи жизни. Но командир отряда уже не оглядывался по сторонам, он сел на свою боевую лошадь и дал команду поворачивать назад. Отряд из двух сотен вооруженных до зубов жандармов и милиции, развернулся и двинул обратно, позабыв о категоричности приказа - привести шейха в крепость как возмутителя спокойствия.

В другой раз шейх Умар-Хаджи столкнулся с карательным отрядом из трехсот всадников и двух рот пехоты возле чеченского села Иласхан-Юрт. Несколько офицеров на подступах к селу проводили рекогносцировку местности. С шейхом было несколько мюридов из числа андийцев и чеченцев.

Быстро оценив ситуацию, отправил одного из мюридов передать жителям села его строгую волю: «Если они сейчас же не разойдутся по домам и своим делам, если осмелятся затеять с аскерами гяуров хоть малейшую стычку, я прокляну это село и никогда больше не вернусь в него». Сам между тем спокойным шагом направился к кавалерии и, отыскав там старшего офицера, уважительно поздоровался, перемежая русские слова с кумыкскими, аварскими и арабскими. Командир отряда узнал Андийского Старца по словесному портрету. Офицер, крепко сложенный, с позолоченными эполетами и боевыми наградами на груди, белобрысый мужчина лет сорока на вид, сошел с коня, пожал ху досочную, покрытую мозолями от посоха, руку старца и спросил:

- Уж не тот ли ты шейх из селения Анди, которого все называют святым?

- Да, аскер, я Умар-Хаджи из Анди, - удивительно проникновенно прозвучал голоса старца. - Урусы и горцы один хукумат Импирия Урусазул, и Бог один, и неба один, - шейх взглядом и рукой показал на небо. Ичто хочет офицер аскеров? Бедный, хороший селенья Иласхан-Юрт...

- Бунтуют чеченцы, - коротко рассмеялся офицер и добавил: - Будем умирять, к уму-разуму приучать...

- Когда ваш Иисус - наш Иса тарой раз идет на земля хороший мусульман и хороший урус будет месте сражат против плохой люди...

- Поручик, что мне бормочет басурманский святой?!

Владевший чеченским младший офицер заговорил с шейхом на чеченском, а затем, выслушав ответ, перевел командиру отряда:

- Говорит о втором пришествии Иисуса, которого они признают своим пророком по имени Иса, правоверные мусульмане и хорошие русские будут сражаться вместе с грешным миром...

- Переведи ему, что я не возражаю против военного союза с горцами, если только они научатся вести себя, как цивилизованные люди... А пока они в своем репертуаре - грабят почтовые обозы - военный союз вряд ли возможен...

Прискакал конный солдат и доложил обстановку. Командир удивленно посмотрел на шейха и спросил через переводчика:

- Что же такое ты велел передать своему слуге, что горячие, как угли чеченцы, собиравшиеся было сразиться с нами, так быстро разошлись?

- Он не слуга, он мой ученик, мюрид. Каждый человек слуга и раб только Аллаха, и я слуга и раб Аллаха. Если что-то и отличает меня от других, то это лишь моя любовь ко всевышнему...

- Хитришь, мошенник! - с суровой усмешкой прикрикнул офицер, а затем, подумав с минутку, приказал другому офицеру: - Взять дюжину жандармов и столько же пехотинцев из горской милиции и пройти по селу. Пусть посмотрят, что они там делают.

Пока жандармы и пехотинцы осматривали село, командир карательного отряда продолжил беседу с шейхом.

- О твоём бескорыстном служении Аллаху я премного слышан и даже не сомневаюсь, что это так. Но что ты скажешь о моей религии, о христианстве?

- Ваша религия тоже священная, ибо и она ниспослана Аллахом, через своего пророка Ису в книге Инжиле (Евангелие). Очень много среди православных священников умных, ученых людей, знающих также ислам, шариат, тарикат. Мы могли бы жить в мире и согласии до второго пришествия Исы. Но глупые люди не понимают мудрость религии и воюют... Что я еще могу сказать? Я бедный раб Единого для всех людей Создателя. В Товрате (Ветхом Завете), которого, как и яхуды (иудеи), почитают христиане (масихи), многократно говорится, что «нет божества, кроме Меня». Если под словом «Меня» понимается Единый Творец, то речь идет об Аллахе, если нет, то нет. Но эта величайшая истина - ла илаһа иллалаһ (нет божества, кроме Аллаха) - упущена в Инжиле (Новом Завете). Масихи (христиане), объединив обе книги в одну, называют ее по-гречески «Библия». А в ней написано, что эту книгу писали 40 человек.

Это обстоятельство для жаждущих священной правды служит доказательством того, что Библия не дошла до наших дней в ее истинном виде. Потому и был ниспослан Коран, в котором на арабском подтверждена истина - «ла иллаһа иллалаһ» без вмешательства какого-либо человека, даже самого пророка Мухаммеда, да благословит и приветствует его Аллах. В больших книгах мусульманских али-

мов говорится, что религия масихов/христиан представляет собой смесь истины с учениями иудеев и эллинов...

- Так все же выходит, что истина хоть сколько-нибудь есть в христианстве?! - нетерпеливо переспросили офицер.

- Есть, есть, - кротко рассмеялся шейх и продолжил: - Истина, любовь, добро, справедливость, понимание... Все это немного есть в христианстве...

- Немного? Ишь ты какой! Но почему же тогда мусульманский мир под гнетом христиан? Разве не знание истины дает христианам власть над миром?! Или тебе не известно, что в мире уже давно нет ни одной страны на Западе и Востоке, которую бы не покорили христиане?

- Известно, аскер, и да будет к тебе милостив Аллах еще многие годы... (После смерти тебе все равно гореть в аду!) Были века, когда и мусульманам никто не мог противостоять... Вы слышали об этом? Но затем мусульмане разбогатели и обленились, сами разрушили Великий Халифат, далеко отошли от шариата, стали вести междоусобные войны... И вот плоды горькие мы пожинаем в виде власти иноверцев над собой. Но то же самое может случиться и с православными масихами... Никто в мире так много не воюет между собой, как масихи/христиане. А в войнах с остальным миром христианам везет не потому, что они на пути к истине, а потому везет, что мусульмане отклонились от истины, извратили веру и теперь понять не могут, что истина в познании и сила военная - тесно связанные вещи.

- Истина в познании и военная сила тесно связанные вещи? - Переспросил командир у своего младшего офицера, который, уточнив по чеченски

и выслушав ответ шейха, подтвердил верность изречения.

Офицер еще немного призадумался.

- А правда ли то, что святой Кунта-Хаджи не замышлял восстание против русских?

- Правда, правда, это священная правда. Он даже кинжала не носил, хотя в наших горах мужчина без кинжала - презираем...

- Но ведь и у тебя нет кинжала? Однако, тебя не презирают, а почитают...

- Да, офицер, я тоже, как мой муршид Кунта-Хаджи, не ношу кинжал, чтобы показать горцам мирный характер кадирийского тариката. Но ваши генералы почему-то этого не хотят понимать. Подозревают нас в заговорах...

Офицер помолчал, оглядывая окрестную территорию, покрытую дубовыми и ореховыми пролесками, оставшимися после нещадной рубки по приказу генерала Ермолова. Но благодатная земля Чечни столь плодородна, что леса и сады восстанавливались.

Затем командир хитро прищурился и спросил:

- А скажи-ка, шейх, командир темирханшуринской жандармерии предлагал тебе поступить к нам на службу в администрацию Императорского Величества?

- Да, аскер, предлагал...

- Почему же ты отказался? Все ваши джигиты и муллы стремятся к нам на службу, ибо Император ежемесячно платит жалование...

- Зачем мне жалование? Я не умею ничего, кроме зикра... Мне хватает две лепешки в день с кусочком сыра. А мясо, рыбу, мёд и сладости, шелка и другое богатство мне ни к чему...

- Да, но до каких пор вы будете довольствоваться малым? Я слышал, что ты наставляешь людей ожидать Часа великого сраженья? Это правда?

- О, да, офицер, это правда. Он наступит перед Концом света, но не по желанию людей, а по воле Свыше... Люди не имеют права и не могут начинать по своей воле Великое сражение. Ведь Иисус еще не пришел на Землю...

- И что же тогда произойдет? Посвяти меня о, старец...

- Тогда на Землю спустится с неба пророк Иса, мир ему, он сразится с самым большим грешником из когда-либо живших людей, но не одолеет его. Мы называем этого грешника Даджалом, а ваши священники Антихристом. Даджал воплотит собой все нечестие земли и будет силен, как сонмище шайтанов. Но появится среди людей имам Махди, да будет доволен им Аллах, из Дома пророка Мухаммеда, да благославит и приветствует его Аллах. Махди будет дарована Аллахом великая сила, и он сразит Даджала насмерть.

- Хорошие сказки, - офицер надменно расхохотался и, повернувшись к своим подчиненным офицерам, приказал готовиться к штурму села. Шейх понял его по тону и, скинув к небу руки, воскликнул по-чеченски:

- Зачем же штурмовать село, о, доблестный офицер?! Ведь никто вам в нем не сопротивляется.

- Вот именно, - угрожающе пробормотал офицер. - Я хотел убедиться, насколько ты тут влиятелен, и убедился. Ты только с виду - божий одуванчик, а внутри весь кипишь злобой против христиан и власти нашей православной!

- Тогда арестуй меня, о, офицер, но на бедных людей зачем нападать?

- Чтобы жизнь медом не казалась! - рявкнул он по-салдафонски и снова расхохотался, словно в предвкушении чего-то очень важного для себя...

Шейх шагнул поближе к офицеру и снова попытался:

- О, офицер, наделенный властью по воле на то Свыше, за вероломство и тиранию кара будет ужасной и скорой... Злодей даже глазом не успеет моргнуть... - Последние слова шейх отчеканил металлом в голосе. Командир карателей недоуменно уставился на шейха, который вдруг, преобразуясь, холодно приказал на родном для себя андийском языке: - Посмотри на меня. Посмотри своими глазами и подумай своей головой! Разве я похож на бунтаря? Или ты похож на собаку? Нет у тебя силы вопреки милости Творца?! Нет и желания совершать зло! Опомнись. Остановись. Подумай...

- Что-о? Что ты бормо... - офицер не смог договорит фразу.

- Посмотри на меня. Ты видишь мои глаза. Ты слышишь мой голос. И пусть ты не знаешь языка моих предков. Зато ты хорошо знаешь меня. Ты знаешь, что такое смерть. Ты не хочешь погибать. Ты хочешь вернуться к себе в казарму. Ты хочешь мира и согласия на нашей земле...

Командир карательного отряда слушал чеканную речь Андийского Старца на андийском языке. Его взгляд застыл на лице шейха, и он безвольно продолжал слушать его.

- Именем Аллаха Всемогущего, осознай свою тупость и ничтожество! Замри на месте, как скованный цепями! Забудь о силе и власти урусов! Сейчас

ее нет у тебя! Ты слаб, ничтожен и труслив! - Шейх резко вскинул обе руки к небу и, потрясая посохом, который держал в правой руке, воскликнул: - О, ангелы из войска Аллаха, сверкните мечом раздумления! - И сам в этот миг уклонился, словно от удара чьей-то сабли или летящего мимо камня. Лицо шейха исказилось в таком жутком страхе, что и офицер, смотревший на него, не мигая, побледнел, как полотно.

Шейх еще немного потряс по воздуху посохом, дважды обойдя по кругу командира карателей, затем, кивнув переводившему с чеченского офицеру, сказал на чеченском:

- Идите с миром. И скажите своему начальству, что Иласхан-Юрт мирное село...

Едва поручик перевел ему слова шейха, как командир тут же приказал отряду:

- Поворачивай кавалерию и пехоту обратно! Двигаемся к крепости. Село мирное, усмирять его нет надобности.

* * *

Что это было? И что такое он сделал с командиром карателей, шейх не пояснил своим мюридам. Лишь коротко кивнув, продолжил путь по селам Чечни, неся людям, измученным долгой войной, слово Аллаха.

Он оставался со своими спутниками мюридами ночевать в мечетях и обучал людей побеждать земные страхи и грешные страсти. Его слова были исполнены праведным гневом против бесчинствующих время от времени солдат и офицеров.

Умару-Хаджи не давали покоя охочие до преувеличений люди. О его силе творить чудеса и равнодушии к земным благам ходили легенды, словно по ветру, достигая самые дальние села и крепости. Еще больше его стали называть святым, что, видимо и не давало покоя царской администрации в Чечне и Дагестане.

Но иногда перед шейхом появлялись и такие горцы, которые пытались с ним поспорить, обличить во его лжи и мошенничестве, заблуждениях. Так, один аварец, находившийся на службе в крепости Грозная в чине офицера, встретил в осенний дождливый день шейха на дороге у военного разъезда и затеял с ним спор. Этот мунафик пытался доказать шейху, что он лучше знает Ислам и мирские науки. Говорил с ним, то и дело восклицая несколько заученных наизусть философских фраз на аварском языке «бугеб бугеблѝ» (сущая сущность).

- Ты, выживший из ума андиец, морочишь людям головы своим громким зикром... А что говорит Аллах в Коране? Тихо поминайте Аллаха днем и ночью.

- Слово «тихо» сам приставил к аяту, или шайтаны тебе подсказали, - парировал его шейх, неподражаемо улыбаясь.

- Аллах говорит в Коране, - не унимался мунафик, - что если вы будите ругать чужую веру, они будут ругать вашу веру.

- Это правда. Так я ведь и не ругаю чужую веру, я рассказываю людям, какая она...

- Тогда как ты смеешь объявлять христианскую веру ложью, а Ислам - истиной?! Ты же считаешь христиан заблудшими, а потому и подлежащими горению в аду. А мусульман, наоборот, - следующие

ми истиной вере, а потому и заслуживающими поселения в раю. Или я ошибаюсь?

- Нет, офицер из Чоха, ты не ошибаешься. Я, действительно, так считаю.

- Но как мне убедиться в этом, чтобы и я так мог считать? Какие у тебя есть для этого доказательства? А может, ты не знаешь, что горцы Дагестана прежде были православными христианами?!

- Некоторые были, а другие не были, - все так же спокойно отвечал ему шейх. - А доказательства удел разума, но разум в вопросах веры ничтожно слаб. Нет такой силы, способной выстроить доказательства об истинности веры, если сердце не ощущает эту самую Истину. Правда, можно немного приблизиться к истине силой разума, если есть в сердце хотя бы одна тлеющая искра божественной добродетели (кири). Для этого надо научиться считать поименно пороки, грехи и добродетели. Умеешь ли ты это? Нет. Затем их, представленных в разных религиях и обычаях народов, следует сравнивать... Умеешь ли ты это? Нет. - И тут шейх преобразился, потряс посохом и отчеканил сурово: - Тогда откуда тебе знать, которая из религий истинна, а которая заблудшая?

Это смутило офицера-вероотступника. А шейх продолжил более мягко:

- Зачем тебе эти разговоры? Хочешь совесть свою за вероотступничество успокоить?.. Но я бессилен тебе помочь. Только Всевышний может помочь тебе в этом, если захочет. Ибо ведет Он праведным путем только того, кого захочет, а кого сойдет Он с верного пути, нет ему помощника.

Они стояли под навесом сторожевого домика на границе равнинной Чечни с горной. Лил холодный

осенний дождь. Офицеры пили водку, а солдаты сновали вдоль дорог. Кто-то в отдалении на лугу ставил палатки. Когда последние слова чохско-православного неопита перевели русскому офицеру, за чем-то подошедшему к ним, тот хлопнул себя ладонями по бокам и воскликнул:

- Ах ты мать честная! Ну, конечно же, грехи и пороки среди христиан многократно превосходят своим числом и тяжестью всего того плохого и грешного, что есть среди мусульман.

Офицер – вероотступник побледнел, как мука. Но другой, русский, жизнерадостный офицер, этого не заметил и продолжил добродушно посмеиваясь:

- Да и откуда у бедных детей природы наберется столько пороков. Ведь тут так мало соблазнов, что была б моя воля, поселился бы я здесь, женился б на горянке и жил бы себе спокойно, до глубокой старости.

* * *

Молва о святости шейха Умара-Хаджи сколь бы ни была приукрашенной народным мистическим творчеством, проявляющим себя в самых бессознательных формах, сыграла очень важную роль в миротворчестве муршида. Проповеди шейха, хотя и переубеждали многих, ратующих за восстание, все же в Чечне и Дагестане то и дело находили новых сторонников партии войны. И не мудрено.

Политика царских сатрапов и поступивших на службу к царской власти горцев была далека от совершенства. А нередко офицеры сами провоцировали горцев на вооруженные стычки. Имущество убитого в столкновении с солдатами и офицерами

автоматически конфисковалось, а арестованных горцев подвергали судебному разбирательству, иногда даже казарменному избиению, убийству, убийству без суда.

Видимо было негласное одобрение командования не брать в плен сопротивляющихся им горцев. Даже словесные протесты совершенно мирных горцев против произвола солдат, врывающихся в дома под предлогом обыска, все чаще стали заканчиваться прямыми убийствами. А затем в рапортах писали: «Оказал ожесточенное вооруженное сопротивление».

* * *

Несмотря на проповеди и неустанные разъяснения основ веры святым шейхом Аль-Анди, народ не переставал домысливать и выдумывать разные истории о чудесах, якобы им творимых. Даже разбойников на дороге пугали его именем. И страшились ведь.

Известны случаи, когда разбойники возвращали награбленное у группы путников, двигавшихся вдоль русла по Аварского койсу, из страха, что обиженные ими пожалуются Умару-Хаджи, а он чтением священной молитвы «свяжет» им рты так, что даже крошка хлебная не полезет в рот, и они погибнут от голода. Свяжет буквально, как волкам матерым, которые в таком состоянии проходят мимо овец, как бы голодны они ни были.

Люди рассказывали друг другу, что уже гибли разбойники, которым «связывал» рты святой шейх, чтобы не пожирали чужого имущества. Человек в

состоянии «связанного» рта не то чтобы есть, даже говорить не может, считали в то время в горах Дагестана и Чечни. Не все конечно, но большинство уж точно.

В рапортах русских офицеров говорится о нескольких инцидентах мирных горцев, возвращавшихся с базара. Когда им перегородили дорогу вооруженные ружьями абреки и потребовали серебро и материю для платья, один из несчастных обронил в сердцах:

- Я пожалуюсь на вас святому шейху Умару-Хаджи...

- А что он нам может сделать? У него же нет власти и вооруженных мюридов! - расхохотался было разбойник.

- Он свяжет вам рты, как пасти волкам, - был ответ и разбойник осекся. Задрожал от мистического страха. А когда «смысл» угрозы дошел до других разбойников, они побросали все отобранное и скрылись на склонах, заросших смешанным лесом.

Во многих своих проповедях Умар-Хаджи говорил людям, что прощающий сильнее мстящего, ибо прощающий угоден Аллаху куда больше мстящего. Но в то же время, подчеркивал шейх, есть грехи, которым нет прощения ни у людей, ни у Аллаха. Так бойтесь же совершать такое!

Для неугомонных сторонников газавата говорил:

- Россия слишком велика, а Кавказ мал для вооруженной борьбы. С лихоимством офицеров и прислуживающей им нашей знати, а также бесстыдством абреков надо бороться прощеньями вышестоящему начальству. Шариат нам позволяет жаловаться власти иноверцев, раз они взяли на себя такое обязательство, как управлять народом.

Пройдет много десятилетий, прежде чем Кавказ залечит все еще кровоточащие раны, и люди смогут жить мирным трудом и торговлей безбедно. Ни в одном ауле сирота или немощный старик, оставшийся без родных, не будет умирать от голода и холода. Война, пожирающая не только мужчин, но еще и женщин, и детей, и стариков, не угодна Аллаху, ибо не пользу приносит она Исламу, а вред. Ислам - наше последнее прибежище, уповайте на Аллаха! Сторонитесь же разбоя, воровства, лицемерия, злословья и лихоимства.

За один ограбленный русский обоз солдаты разоряют целое село. И да будет всем известно, что шариат не дает право грабить русских и каких бы то ни было других иноверцев... Пятая часть добычи, что приносят разбойники в мечеть, в конечном счете, оказывается в сто раз меньше того, что теряют мусульмане по вине разбойников, прячущихся в лесах от погони.

Такие речи святого не могли не задевать кровные интересы некоторых преуспевающих в жизни горцев.

В самом деле, как можно надеяться на довольство Аллаха, делая ночные вылазки и грабя русские почтовые обозы! Ведь потом начинаются поиски этих «смельчаков». И ведь ясно, почему они не выходят на открытое поле боя. Потому не выходят, что не ради Аллаха они нападают на русские обозы, а ради добычи. А корысть проклята Аллахом, как тяжкий грех.

Умар-Хаджи осуждал таких разбойников, приводил аргументы из шариатских книг, толкований

Корана и хадисов, где разбойники приравниваются к залимам (злодеям), а залимам уготовано место в нижних ярусах ада.

- О, мусульмане! Будьте разумны, - увещевал Омар-Хаджи, в какое бы село он ни заходил. - Не давайте офицерам и солдатам повода для арестов, для ввода войск в ваши села и отъема вашего имущества. Говорите, что в жизни этой земной мы под вашей властью, но веруем мы в Единственного Творца мироздания, у которого нет сотоварищей, который не питается от миров, но миры питаются от Него. И не любит Он тех, кто творит нечестие на Земле. Говорите русским: «Мы рабы Аллаха, правоверные мусульмане. Не притесняйте нас, и мы не причиним вашей власти урона. Не покушайтесь на нашу Веру, и мы не будем покушаться на вашу веру и власть вашего царя».

Тем самым шейх Умар-Хаджи предотвратил множество кровопролитных стычек горцев с войсками. Много лет он удерживал чеченцев и дагестанцев от вооруженного восстания. Но царская администрация не сумела это оценить по достоинству, не повернулась лицом к зикристам, или, что вернее всего, не достаточно корректна была с ними. Даже не попыталась понять гуманистический и умерено-пацифистский характер Кадирийского тариката.

То и дело военная администрация, или, точнее, отдельные офицеры администрации пытались ущемлять горцев в естественных правах, запрещала собираться большими группами на зикр по своему произволу. Также не особо беспокоилась военная администрация о безопасности дорог, где орудовали разбойники, не боясь того, что шейх им «свяжет» рты. Ведь хватало и таких...

По этим и многим другим причинам в 1878 году в Дагестане внезапно вспыхнуло восстание.

Правда, многие из примкнувших вначале сел быстро утихомирились, даже не начав военные действия. В горы, как и следовало ожидать, направились большие армейские силы. Кавалерийские и пехотные батальоны и полки двинули из дислоцированных в крепостях Темирхан-Шуры, Порт-Петровска, Внезапной, Грозной. И с юга-запада, со стороны Грузии, через Дидоэтию (современный Цунтинский район) тоже шли большие отряды карателей. И стоит ли говорить о бессмысленности пролитой тогда крови? Наверное, все же стоит. Ибо таков человек, что голод физический ощущает быстро и безошибочно, а вот голод разума, возникающего в силу недостатка знаний, ощущает медленно и, как правило, задним числом.

Глава 17-я

ВОССТАНИЕ ОРЛОВ И КАРА ДРАКОНА

В 1878 году Умар-Хаджи аль-Анди, как и предсказывал его муршид, Кунта-Хаджи, во второй раз и последний отправился на хадж. А в Дагестане стремительно стали развиваться самые досадно-трагические события.

Вспыхнуло бессмысленное восстание с центром в большом аварском селе Согратль. Лидером был избран шейх Накшбандийского тариката Абдурахман-Хаджи аль-Сугури, никогда не имевший никакого отношения ни к военному делу, ни к кадирийскому тарикату. Он был известным богословом, автором ряда религиозных книг и шейхом наджбандийского тариката, не приемлющего динамический зикр.

На что рассчитывали организаторы восстания, до сих пор не ясно. Расклад сил был известен давно. Однако же восстание подняли. Да с такой поспешностью, что некоторые отдаленные села в Дагестане и Чечне узнали о нем, когда уже оно было жесточайше подавлено.

Не было ни малейшей подготовки в плане запасов вооружения, боеприпасов, продовольствия. Ни четко налаженной организации командного состава.

ва восстания не было, ни обученного для сражения войска. Да и объективных причин не было, чтобы хотя бы двадцатая часть дагестанцев захотела примкнуть к такому газавату.

Просто в один из дней в Согратле встрепонулись религиозные «букваристы», то есть малограмотные алимь, мнящие себя великими учеными. Они прогнали одного царского сатрапа в чине полковника и охранявший его взвод горской милиции. А затем, принуждая известного в горах богослова и шейха Абдурахмана аль-Сугури признать себя главой восстания, объявили, что «...отныне и навеки мы не подчиняемся царской власти гяуров. Мы будем жить по шариату и восстанавливать имамат Шамиля».

- Ах, по шариа-а-ату?! - вскипел в Темирхан-Шуре начальник военной администрации. - Имамата Шамиля захотелось?!. Мало им того шариа, которого никто у них не отбирал, так они еще на власть губу раскатали?! Так давайте же, господа офицеры, устроим им наш, российский шариа...

О степени накала карательной злости высшего командования военной администрации можно судить по тому, как быстро и жестко было подавлено это восстание. По ходу подавления совершены были сотни показательных казней. Вдоль дороги от Согратля в сторону Темир-Хан-Шуры тянулись столбы с повешенными участниками восстания. Снимать несчастных с виселиц не позволяли долго, дабы хорошо запомнился горцам этот урок. Стаи ворон и коршунов кружили над висящими трупами и обгладывали их до костей.

Если бы в это время шейх Умар-Хаджи находился в Дагестане, то вероятны два варианта развития

событий. Первый, возможно, что и он был бы арестован, как подстрекатель, участник или один из лидеров восстания, хотя он бы не участвовал сам и других бы отговаривал участвовать. И второй, наиболее вероятный вариант развития событий, нам представляется в том, что восстание вовсе бы не состоялось.

<...>

Этот год стал черным годом, главным образом для согратлинцев и жителей самого отдаленного от Согратля в сторону Большого кавказского хребта дидойского селения Бежени ата (Большое село).

Странно, не правда ли? От Согратля до Бежени ата около двух сотен километров по горным дорогам, проходящим через десятки аварских сел. Что же заставило дидойцев Бежени ата примкнуть к согратлинцам в этом восстании? Они даже языком аварским не владели! Не иначе, лихим джигатам из дидойского села повод был нужен для разбоя и обогащения через разбой.

О разбойничьих походах дидойцев Бежени ата на богатые грузинские села до сих пор существуют легенды. Но разбой разбоем, а война – совершенно другое дело. О войне-то асахские воители, как их называют на дидойском (цезском) языке, не имели ни малейшего представления. Потому и объявили они дидойскому наибу Жабулаву в чине подполковника царской армии, что отныне они свергают власть Белого царя. И, что он-де теперь равен любому простому дидойцу. А раз так, то подполковнику Жабулаву было велено в трехдневный срок явиться в Большое село и присягнуть на вер-

ноподданство асахскому вожаку, восседающему на древнем асахском троне языческого капища (храмовом пространстве).

Асахцы, как и в некоторых других дидойских селах, в большинстве своем исповедовали тогда древнюю дидойскую языческую религию. И боги дидойские (Цалу, Цейби, Хон, Букъ, Ас, Шуд и мн. др.) не очень-то в чести должны быть у согратлинских мусульман. А потому и усложняется историческая загадка. Зачем асахцам, среди которых лишь четверть населения исповедовала Ислам, понадобилось поддержать мюридов Абдурахмана аль-Сугури и прочих лидеров восстания? На сегодняшний день есть лишь одно объяснение: дааватчики (мусульманские миссионеры) из Согратля, конкурируя с Умаром-Хаджи, уже имевшим тогда в Дидоэтии довольно большое влияние, призывали асахцев в Ислам. Но участие в восстании они приняли не потому, что прониклись словом Аллаха, а потому, что увидели перспективу для удачных набегов и разбоя.

По некоторым источникам, к середине XIX века не более половины дидойцев исповедовали Ислам. Доподлинно известно, что в то время всякие верования у дидойцев носили ярко выраженный синкретически-демократический характер. То есть дидойцы были толерантны к верованиям, чего не скажешь об имущественных отношениях, как оно водится везде и всюду в народах мира. Иноверие у дидойцев не становилось до определенного периода причиной вражды и тем более непримиримой. Но это уже другая тема.

Тут, в северных горах дидойцев, граничавших с цумадинскими горами, уже получил свое благодат-

ное развитие динамический зикр и были уже просвещенные мюриды Кадирийского тариката. Мало, но все же.

Едва по 45 селам дидойцев прошел слух о том, что асахцы выходят из-под повиновения Белого царя и наиба Жабулава лишают власти, мюриды-зикристы прошлись по селам, предостерегая от такого пагубного дела, как мятеж и восстание. Но воинственный дух асахцев не впечатлил призывы к разуму и миру.

Прознав о движущихся войсках со стороны Грузии, они устроили засады и наголо разбили первый разведывательный батальон пехоты. А затем, не преследуя спасающихся бегством солдат регулярной русской армии, асахцы кинулись собирать трофеи...

- Святая наивность! - восклицали кадирийские мюриды из числа дидойцев. - Думаете, одержав одну победу внезапной атакой над русскими и грузинскими аскерами, вы выиграли войну?! Как бы не так. Теперь из-за вашей глупости дидойцам долго придется расплачиваться...

- Вы, трусливые шакалы! - кричали им в ответ асахцы. - Идите следом за Шамилем в плен к русским, а мы будем приносить врагов в жертву нашим богам... Нет-нет, не богам, а Аллаху, мы же теперь мусульмане, - поправляли одни асахцы других. Но раз поправки были за войну, то это было им приемлемо, внутренних споров не возникало.

Зикристам же вслед они кричали:

Вы предатели веры отцов, а мы хранители веры отцов! Вы трусливые мусульмане, а мы отважные дети благородных богов. Мы будем убивать всех, кто осмелится подняться на наши священные горы, сколько бы их ни было.

Что им скажешь в ответ?!. Ничего.

Таков человек, особенно опьяненный запахом добычи, что не верится ему в собственное поражение, не может он мыслить категориями будущего, вероятного, предвидя последствия, когда кровь закипает от страстей, нацеленных на обогащение.

Но как бы то ни было, уже через несколько дней, славные воители асахцы, мыслившие все еще античными категориями логики, пожалели о содеянном. Квалерийские батальоны и пехота с артиллерийскими орудиями стали появляться в дидойских горах со стороны Грузии нескончаемой вереницей и предавали огню и мечу все села, что встречались на пути. Люди спасались бегством, скрывались в лесах, благо они большие в горах Дидоэтии, войска опасались туда заходить. А вот асахцы решили принять бой, укрывшись в Большом селе, как в неприступной крепости. Но после первых же артиллерийских канонад, каменные стены домов начали разлетаться, как щепки рубящегося леса. Правда, как явствует из рапортов русских и грузинских офицеров, асахские дидойцы сражались отчаянно и погибали геройски, не сдаваясь в плен. Но кому от этого легче?

Вырваться из окружения, как гласят легенды и военные рапорта, не удалось ни одному асахцу. И опьянённые кровью имперские войска, имевшие приказ карать показательно, не оставили в живых ни малого дитя, ни старого человека, ни женщин. Спаслись лишь те асахцы, которых не было в это время в Большом селе. Несколько лет они хоронились (прятались) в лесах и высоко в горах от периодически наведывавшихся сюда карательных отрядов. Но сильные духом и телом асахцы быстро пло-

дились и, хотя популяция к 30-м гг еще не восстановилась, в 33-м году именно среди асахцев нашлись бунтари против советской власти. Лихой джигит из асахцев по имени Дуглас Вали поднял дидойцев на восстание, и снова ведь нашлись неразумные... Такие дидойцы, которые на полном серьезе вознамерились скинуть в шайтлинскую пропасть советскую власть.

Ну чем не герои!

Правда, и последствия были не менее печальные...

* * *

Но вернемся к 1878 году.

Через год в Дагестане улеглись военные баталии, а в асахские села, раскинутые вокруг Большого села, прибыли кадрийские мюриды с дааватом. Их послал сюда шейх Умар-Хаджи с истиной в сияющем святостью Коране.

- Вы молились своим истуканам, о, асахцы! - говорили им мюриды из дидойских сел Шайтли, Генятли, Китури, Нево, а также мюриды Беканских сел. - Примите Ислам и бросьте своих истуканов, дабы не подвергнуться вам еще одной беде, которая может с вами снова случиться, если разгневадается Аллах. Ведь многие народы были стерты Аллахом с лица земли за прегрешения и непослушание.

Асахцы соглашались с мюридами для вида. И, когда днем мюриды сбрасывали в пропасть кремневые статуи языческих (общедидойских) богов, ночью, поражая воображения мюридов, асахцы умудрялись почти по отвесной скале возвращать статуи на место.

Миролюбивые кадирийские мюриды объясняли им законы шариата, обучали основам Ислама - шахаде, намазу, посту, закяту и хаджу. Поясняли, что за неповиновение шариату, которому не отменять власть русского царя, караются смертной казнью.

Разбитые и подавленные асахцы, боясь новых преследований со стороны царских войск, для вида принимали Ислам, ибо мюриды в этом случае им гарантировали свою защиту. Разумеется, не вооруженную, а челобитную.

И действительно, сам Жабулав, уже во втором поколении родившийся мусульманином, просил начальника военной администрации в Темирхан-Шуре пощадить оставшихся в живых асахцев. И пощадили. Уже через три или четыре года их перестали преследовать, хотя отряды карателей с проверками все же наведывались туда вплоть до 1900 года.

Глава 18-я

АРЕСТ СВЯТОГО ШЕЙХА АЛЬ-АНДИ

На исходе XIX века кадирийский тарикат получил на Северном Кавказе самое большое распространение. Имя Умара-Хаджи Андийского было на устах даже в тех вилояхта Дагестана, где не было ни одного кадрийской мюрида, практикующего динамический зикр. Это вилояты Южного Дагестана, Кабарды, Балкарии, Карачая, Адыгеи. Но и там люди говорили, что прикосновение к полам черкески Умара-Хаджи или хотя бы к посоху его исцеляет от многих болезней. А если посчастливится пожать и поцеловать руку святому шейху, то умножатся у того ангелы-хранители.

Умар-Хаджи, как и в молодости, читал свои миролюбивые проповеди, прививал людям любовь ко Всевышнему Аллаху и уважение ко всем Его творениям. Предостерегал людей противиться властям и обучал тому, как укреплять духовную твердыню, небесно-чистую веру, говоря, что именно в ней мумины находят непобедимое врагом пристанище.

Но что тогда послужило поводом для его ареста в 1893 году, по некоторым сведениям, в 1895? Слухи и сплетни противников Кадирийского тариката? Или опасения властей его всевозрастающего вли-

нения на зикристов? А может, умение этого шейха находить решение проблемы в обращениях к властям? Трудно сказать.

После 1890 года уже никто из сатрапов не мог безнаказанно творить бесчинства в селах Чечни и Дагестана. Наученные шейхом, мюриды сразу писали жалобы вышестоящему руководству Императорской администрации области. Если в областях начальство не реагировало должным образом, писали во Владикавказ, Тифлис и даже в столицу Империи, в Санкт-Петербург. И надо признать, реакция из Петербурга была весьма позитивной, были наказаны ряд офицеров, позволявших себе грабежи и убийства ни в чем не повинных горцев, что совершалось, кстати сказать, по предварительному сговору с разбойниками из числа горцев.

Но мирная жизнь в Дагестане и Чечне налаживалась. Город Петровск (Махачкала) к 1896 году был окончательно связан железной дорогой с г. Баку и Владикавказом, через которую железнодорожное сообщение соединялось с Ростовом-на-Дону еще с 1875 года, оттуда – с г. Саратов и далее – с Петербургом и Москвой. Можно себе представить удивление первых дагестанцев, прокатившихся по необъятным просторам России на поезде. Так в Дагестане и, в целом, на Кавказе отступало средневековье. В горах и на равнине люди все чаще стали стеклить окна домов, «бычьи мочевые пузыри» уходили в прошлое. И вместо чадящих черным дымом самодельных лампад, в которых горело самодельное из животных жиров масло, люди все чаще зажигали светильники на керосине со стеклянными лампами. И что не менее важно, в Дагестане

исчез вековой дефицит зерна и муки, его теперь завозили на поездах вдоволь.

Как бы то ни было, в крепостях Грозная, Внезапная и Темирхан-Шуры и городе Петровск ряд высших офицеров пришли к выводу о том, что пора обезглавить движение зикристов. В обоснование своего досадно-преступного замысла они говорили, что «Сегодня святой шейх проповедует мир, а завтра, когда все горцы Кавказа примкнут к его тарикату, ничто ему не помешает объявить нашу власть вне закона. И очень возможно, начнется новая, еще более кровопролитная Кавказская война».

Разумеется, были и такие офицеры, которые возражали против таких абстракций, мотивированных плохо скрываемой корыстью, желанием безнаказанно нарушать законы Империи для личного обогащения. Честные офицеры приводили свои доводы о благотворности влияния шейха на народ, говорили, что он предотвращает кровопролитие с горцами. Андийский Старец - истинный мудрец, он совершенно бесплатно и ежедневно оказывает неоценимую услугу Империи. Наконец, он отказывается от должности и солидного жалования...

- Нет, вы только посмотрите на этого святого! - настаивая на своем, утверждали имперские коррупционеры, настоящие персонажи гоголевских разоблачений. - Он ходит, хромая, как немощный, это раз. И весь из себя такой худенький, щупленький, ну прямо, божий одуванчик, это два. И хотя ему уже за пятьдесят, стоит лишь приступить к зикру, как он преображается, летает по кругу похлеще любого молодого! Задает такой быстрый темп, что иные молодые и здоровые падают от усталости в

обморок, а ему хоть бы хны! Летаёт до самого конца зикра, и особой отдышки за ним не замечали...

- И что из этого мы должны понимать?! Что он виноват в том, что одарен Свыше необычайными талантами?! Это феномен его внутреннего здоровья... - возражали им объективно мыслящие и не преследующие никаких корыстных целей на службе офицеры.

- А то, что он притворяется в хромоте и немощи! Вот чего. Он опасный противник. И чем быстрее мы его изолируем от народа, тем лучше. Наши осведомители сообщают, что на особых зикрах, вдали от посторонних глаз, он бегаёт по кругу, буквально не касаясь ногами земли. А это уже злонамеренная, боевая магия или, как у них там называется, «сирруман»... Представьте себе, что будет, если он свои магические знания передаст своим мюридам?! Одного такого отряда будет достаточно для разгрома русских войск на Кавказе...

- Какая магия! Вы сума сошли. Что за бред вы несете, - возмущались офицеры из числа объективистов.

- А вы пойдите и поинтересуйтесь у мюридов. Спросите, что такое «сирруман». Если вам ответят, что никакая это не магия и что посредством сиррумана нельзя творить чудеса в военных целях, мы признаем себя неправыми по вопросу изоляции Андийского Старца.

Противники изоляции шейха от народа не нашли аргументов, могущих парировать своих оппонентов, ибо и сами знали, что всякий мюрид им скажет о сиррумани такое, по сравнению с которым немецкий спиритуализм, английский магнетизм и французская алхимия покажутся детским лепетом.

Плюс ко всему, сторонники изоляции шейха представили высшему командованию доклад, в котором подробно излагались факты гипнотического влияния Андийского Старца на командиров карательных отрядов.

Умар-Хаджи не имел тогда одного постоянного места проживания, ему попросту не давали мюриды жить долго ни в одном селе. Месяц, два, от силы три – и начиналась конкуренция... Мюриды из разных сел Дагестана и Чечни звали его к себе, просили именем Аллаха. Как он мог отказывать! Много-тысячное братство кадирийского тариката стало его семьей. А он, истинный бессеребренник, как и прежде, не прикасался к деньгам, не менял своей суконной черкески на дорожную, шелковую, и обычную овчинную папаху - на каракулеву. И рацион его пищи к тому времени еще более облегчился. Если раньше он позволял себе съесть в неделю раз или два кусочек баранины или говядины, то теперь он обходился двумя тонкими лепешками в день, небольшим кувшином кефира или кусочком сыра. И молока не пил. Казной тариката, накопившейся за годы его муршидства, он принципиально не интересовался.

* * *

Когда до мюридов из ближайшего окружения дошли слухи, что вопрос об аресте шейха уже решен, братство встревожилось. Они собирались тайком от шейха и совещались, думали, как оградить шейха от надвигающегося беззакония. Тут мюриды оказались разделены на две партии. Одни говорили, что ничего предпринимать не следует, ибо

святой шейх Умар-Хаджи, подобно святому Кунта-Хаджи, будучи подвергнут гяурами беззаконию, сокроется от мира и станет в тысячу раз сильнее... И силою, приобретенною в сокрытии, он будет сокрушать гяуров и гнать их прочь на север с кавказских земель.

- Вы откуда это взяли? - оппонировала вторая партия первой. - Вам это шейх сказал?

- Нет. Об этом мы сами догадались...

- А знания ваши о сокровенном достаточны, чтобы не впасть в ересь из-за таких догадок... Если Кунта-Хаджи не умер, но сокрылся от зла, грязи и несправедливости этого мира и не коснется его тлен до скончания века, то значит ли это, что и Умар-Хаджи должен сокрыться?

- Конечно, - уверенно заявляла первая партия мюридов.

- Нет, - возражали им вторая партия. - Это должно быть нами принято на веру лишь тогда, когда Умар-Хаджи сам об этом скажет!

- Но ведь и Кунта-Хаджи ничего подобного не говорил о себе. Однако мы верим в то, что он сокрылся от мира, а не умер, как говорят урусы, - контраргументировали первые. - И разве не долг мюридов - подражать своему муршиду?..

- Да, но только в рамках, обозначенных муршидом, не превышая чина святости (даража). И если вы уже считаете себя настолько совершенными, что же вы, о, братья мюриды, подобно шейху нашему, не обходитесь малым сном и легкой пищей?!

Малый сон - это предельно сжатое время, отводимое божьим угодником сну, чтобы максимально много времени посвящать непрерывным молитвам. А легкая еда, соответственно, - рацион, исклю-

чающий мясо, рыбу, мёд, масло, любые другие продукты, могущие насыщать человека, увеличивать его вес и физическую силу. Считается, что физическая сила не позволит божьему угоднику пользоваться силой духовной, мистической, которая имеет абсолютное преимущество над силой физической.

Первая партия спорящих мюридов ратовала за мистическую силу, хотя не могла ограничивать себя сном и едой, как это делал шейх. Вторая партия, напротив, свято веря и признавая абсолютное преимущество мистической силы над силою физической, культивировала джигитовку и, соответственно, ела-пила досыта и спала достаточно, чтобы высыпаться. Первая партия настаивала на бездействии в случае ареста шейха и последующей его высылки, а вторая готовилась к вооруженному сопротивлению.

Рассказывают, что Умар-Хаджи однажды, сидя в ботлихской мечети, сказал окружающим его мюридам.

- О, неразумные дети мои! Зачем вы разделились на две партии?

- О чем ты, о, шейх, - спросили его мюриды. - Мы не делились на партии.

- Вы - нет, а вот на годеканах Риквани и Гагат сегодня встретились две партии мюридов. Они неразумно спорят о моей судьбе... Скажите туда немедленно и передайте им, что судьба моя, как и судьба каждой твари на земле, большой или малой, разумной или неразумной в руках Господа нашего Милостивого и Милосердного.

С десяток ботлихских мюридов тут же вскочили на коней и поскакали в названные шейхом села. Пятеро мюридов - в Риквани и пятеро - в Гагат. И

действительно, споры в этих двух андийских селах оказались настолько накалены, что мюриды двух вышеназванных партий готовы были сойтись в рукопашной. Правда, без оружия и личной злобы. Но посланные шейхом мюриды успели вовремя и передали повеления муршида.

- А как он узнал?! - поразились мюриды.

- А как он муиминов от зла аскеров спасал?! - пристыдили их другие.

- Шейх он истинный или не шейх?!

- Шейх!

- Конечно, шейх!

- Святой наш шейх! Да будет доволен им Аллах. Велел передать вам, что каждый, кто осмелится противиться власти, чтобы не допустить его в заключение будет мною проклят, как неразумный человек, вредоносный для мусульман.

<...>

Умар-Хаджи поднялся на ноги и взял свой посох, срезанный им в андийском лесу еще будучи отроком, в 14 лет. Он железнил этот посох, отмачивая в воде и подсушивая на костре на протяжении нескольких лет. И он мог сейчас выдержать рубящий удар кинжалом или саблей.

- Вот уже сорок восемь лет этот посох со мной. Ни разу мне не пришлось его применить в драке, ибо со мной никто не дрался, никто еще не покушался на мое брренное тело: ни люди, ни дикие звери. Лишь шайтаны и джины неверные пытались обманом выбить у меня из рук этот посох. Но Аллах меня бережет, и Он же мне силу дает, и лишь Его святым именем я ломал хребты шайтанам, джи-

нам и залимам (тиранам, злодеям). А вы тут сабли точите и ружья заряжаете, как в старину тогда, как у аскеров русского царя винтовки пятизарядные и пулеметы, извергающие пули градом... На что надеетесь, пытаетесь совершить хамабахадурство (ослиные подвиги)?!.

Мюриды притихли пристыжено.

В заключении я увижу много разных земель и людей. Я и там буду совершать богослужение и нести людям слово Аллаха. Нет ни малейших оснований переживать за меня, ибо и там я буду нужен не меньше, чем здесь.

Глава 19-я

ПРОЩАЛЬНАЯ ПРОПОВЕДЬ ШЕЙХА

А еще, о братья мои единовѣрные! Я хочу вам сказать, что на страны, исповѣдующие искаженную религию пророка Исы, мир ему, грядет великая и очень кровавая война, каких еще не видели народы мира. Я не застаю начало этой войны, и меня она не коснется. Но еще раньше, до начала неслыханной по жестокости и количеству жертв войны я вернусь в родное село на побывку, и будет у меня возможность остаться, но я не останусь. Ибо тем самым я нарушу договор, заключенный с масихом (христианином), начальником ссыльных, поверившим моему слову. Я уеду обратно сам, без помощи аскеров. Ибо меня будет ждать не только масих начальник, но еще и сотни вновь обращенных в Ислам русских и тюрок (татар, казахов). И когда наступит мой час, предопределенный Аллахом, я умру своей смертью в том городе, где буду совершать свой последний даават.

Потом наступит страшное время...

Одна война среди кафиров (неверующих, атеистов) и христиан будет сменяться другой войной. И мусульмане вместе с христианами и иудеями будут гибнуть во множестве. Империя Белого царя Николая, масиха слабого и правителя неразумного,

превратится в Империю кафиров, которые будут убивать алимов за то, что они алимы, и кашишов (христианских священников) за то, что они кашишы. Будут убивать и за подозрения в восстании, и за то, что дорожат своими религиями.

Но потом Аллах Великий, испытав мусульман, обратит власть кафиров во благо дагестанской уммы... Только не все мусульмане поймут это великое благо, а невежество - источник новых бедствий. И будут некоторые партии мусульман бесчинствовать, прикрываясь Исламом, а другие - собирать богатство, также прикрываясь Исламом.

Мой прах претерпит несколько захоронений, пока наконец не упокоится в родном Анди. Люди над моей могилой откроют большой зиярат, и невежды из числа муслимов будут просить моего шафаата, позабыв связать свою просьбу с пророком Мухаммедом, да благославит и приветствует его Аллах, с тем, чтобы была она передана Всевышнему Творцу. Но поскольку у муслимов нияты чисты, то в этом невежестве нет ни куфра, ни тем более ширка. Их попросту надо учить верно просить шафаат.

Потом, через много лет, мусульмане начнут ожесточенно спорить о зияратах, мовлидах и зикре, объявят их неудобными Аллаху, и даже ширком, остовпируллах!!

Все это потому, что пеленой заблуждения умудрится Иблис покрыть их глаза, сердца окутать панцирем черствости. Они так же, как жестокосердные хариджиты при праведном халифе Али, начнут раздавать такфиры налево и направо. Будут оценивать муимингов не по их амалу (практическому образу жизни), не ибодату и дааватом, не по ниятам, а

соответствием их узкой акиде (убеждениям). Эти залимь, не раздумывая, припишут Всевышнему Аллаху все то, что им кажется верным, исходящим из Корана и хадисов. И тогда в странах муиминь и в наших бедных горах появится партия, сделавшая убийства своим ремеслом...

Не спрашивайте «Как?» Но спрашивайте «Почему?» И узнаете потому, что не все мусульмане способны побеждать свой нафс.

Крепко держитесь за вервь Аллаха и не разделяйтесь, - как сказано в священном Коране. Довольствуйтесь тем, что открыто в мире воочию, открыто в тафсирах святыми имамами.

Будьте снисходительны к людям. Если кто-то заблуждается, поправляйте его добрым словом. Если же ваше доброе слово не приятно заблудшему, оставьте его в покое, но сами сторонитесь того, что он делает. Не ожесточайтесь, если даже вас не будут признавать мюриды из тарикатов Накшбандия, Шазалия, Сурхравердия и других истинных братств. Продолжайте любить их, как братьев, и знайте, что их ибодат ничем принципиальным не расходится с нашим. Они и мы - на верном пути к Истине, ниспосланной в Коране и растолкованной в хадисах.

Так же верны ибодаты и тех муиминь, которые не состоят в тарикатах, но исполняют фарз и следуют сунне в меру своих сил и возможностей.

Тщетны ибодаты тех, кто враждует с мумиинами смертельной враждой. «Для них великое наказание», многократно повторяет Аллах в Коране.

Не пытайтесь объять необъятное. Не надо побеждать непобедимых... Даже пророк Иса (мир ему), как сказано во многих хадисах, не сумев одо-

леть Даджала, отступит от поля сражения и призовет имама Махди, ибо лишь ему дарована сила сокрушить царя грешников.

Первейший долг муимина - это забота о своей семье, жене и детях, об отце и матери, о братьях и сестрах, обо всех родных и близких, о кунаках и соседях. И если силы позволяют, если есть возможности, то велика награда у Аллаха для тех, кто проявит заботу о мусульманах из дальних сел и вилоятов, областей и стран.

Аллах не любит раздающих напрасные обещания в помощи, как это делали правители Турции, подогревая трех великих имамов Дагестана и Чечни в войне с Россией. Также Аллах не любит тех, кто поднимает мусульман на заведомо проигрышную войну, по вине которых умножаются слезы и кровь, плодятся сироты и нищета, распространяются болезни. Гореть в аду тем мусульманам, которые дают повод аскерам кафиров нападать на села муиминов, разорять их, убивать ни в чем не повинных людей и бесчестить женщин.

Пророк наш, да благославит и приветствует его Аллах, и праведные халифы, да будет доволен ими Аллах, не вели бездумных войн. Также не переживайте о святом нашем муршиде Кунта-Хаджи, о нем позаботился Сам Аллах...

Будьте разумны, ибо разум дарован Аллахом, чтобы люди облагораживали себя Верой в Ислам.

Ассаламу г!алейкум, вараһматуллаһи вабаракатуһи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предсказания Умара-Хаджи аль-Анди, сохранившиеся главным образом в устных преданиях мюридов Кадирийского тариката, мы имели возможность проанализировать научным методом, называемымся «экстраполяцией», «интерполяцией», «дистинкцией» и целым рядом других, узкоспециальных актов исследования. Мы пришли к логическому выводу о невозможности объяснить феномен Умара-Хаджи Андийского средствами науки и формальной логики. Потому и ограничиваемся большей частью описанием его жизни как великого исламского мистика и пацифиста, бессеребренника, который не занимался имущественными делами тариката. Мы сознательно опустили из описания жизни и деятельности шейха его личную жизнь, семью и детей, заботу о них. Они были и остались простыми людьми, трудившимися на земле, как обыкновенные крестьяне. Также мы надеемся, что интерес к личности Андийского Старца появится и среди историков в академических учреждениях науки и они составят более объективную социальную хронологию жизни Умара-Хаджи и его семьи.

Для нас было важно показать степень рефлексии (высшей формы мышления) этого шейха, форму и

содержание его бесценных идей вместе с интеллектуальными особенностями его современников.

Предсказания этого святого, как видно из повествования, во многом сбылись. И хотя не все читатели согласятся с выводами авторов настоящей книги, несомненно одно: Дагестану, как воздух, недостает идей Умара-Хаджи. Знакомство с его учением, как мы полагаем, будет полезно как верующим дагестанцам, так и тем, кто ведет светский образ жизни. Вместе с тем, у нас не было цели переубеждать читателя. Человек так устроен, что вопросы, выходящие за пределы опытных подтверждений, не могут быть гарантированно доказаны. Каждый верует в то, что хочет принять на веру. Помимо таких явных мотиваций Веры, как желание достичь рая после смерти или достичь влияния среди верующих, существуют еще и бессознательные мотивации, причем определяющие все то, что выходит на поверхность сознания. Но это очень узконаучная и архисложная тема, и мы ее затрагивать не будем.

Для нас было важно показать максимально приближенный к реальности образ великого дагестанско-чеченского гуманиста и миротворца, которого при жизни называли святым. Даже русские солдаты и офицеры, усмирявшие неусмиримый Кавказ, называли Андийского Старца святым. Но вот, насколько нам удалось показать этот образ, пусть судят читатели. Со стороны виднее.

Описанные в проповедях этого удивительного суфия грядущие бедствия - войны, каких еще не видели народы Ислама, - невозможно не признать как предсказание Первой мировой войны (28 июля 1914 - 11 ноября 1918), в результате которой

прекратили свое существование четыре империи: Российская, Австро-Венгерская, Германская и Османская. В это мировое бедствие были вовлечены множество европейских государств и лишь одна мусульманская страна – Османская империя. По данным международных историографических организаций, в этой войне погибло около 12 млн человек, 55 млн были ранены.

Нельзя не поразиться и тому, что в предсказаниях шейха говорилось еще о том, что после одной, доселе не видимой по жестокости войны, будут еще другие войны, в том числе такая война, которая превзойдет все жестокости мира вместе взятые... А это уже речь не иначе, как о Второй мировой войне. Так же поражает проницательность шейха в развитие религиозных страстей и распрей среди мусульман Северного Кавказа по признакам религиозно-политического экстремизма и терроризма.

Некоторые интеллектуалы и ученые, аргументируя свои сомнения о статусе этих предсказаний, возражали нам, говоря: «Если таким дальнзорким был шейх Умар-Хаджи, почему он прямо не указал названия грядущих через года войн? Например: «Первая мировая», «Гражданская война», «Интервенция» и т. д.?»

Это совершенно не научный подход.

Во-первых, потому, что Первая мировая война получила свое название в международных правовых и исторических актах только после начала Второй мировой войны. Точно так же Гражданская война и Интервенция в России 1917 - 22 гг. в качестве собственных имен были утверждены правовыми и историческими документами СССР после их окончания, десятилетие спустя.

Во-вторых, никто не говорит о шейхе, как о ясновидящем в абсолютном значении этого слова. «Подсказки ангелов», которыми иногда объяснял шейх своим любознательным мюридам феномен сбывшегося его предсказания, не более чем популярная в Исламе мистическая метафора. Однако, имеющийся в основе предсказания помимо абстракции весьма реалистический элемент мы обнаруживаем, как правило, поздним числом. Для мусульманского мира и вообще истории всякой религии феномен ясновидения святых имеет важное мистическое значение. Нет сомнения в том, что в массе тривиальных легенд о святых угодниках имеется и достоверная информация о действительных чудесах ими творимых, чтобы хоть как-то образумить творящих бесчинство людей.

Умар-Хаджи сам осуждал мюридов, склонных к буквализации мистических сил и особенно тех, кто стремился овладеть этими силами, как мастерством, умением что-либо делать необычное, поражающее воображение. Он неустанно приводил в качестве шариатского доказательства эпизоды из Корана, где Аллах осуждает людей, требовавших от пророков открыто показать им Творца и хадисы, где пророк (с.а.в.) подает людям пример бескорыстной веры.

И, в-третьих, совершенно очевидно, что шейх не владел методами аналитического прогнозирования, он не изучал мирские науки. Информация о политических событиях, протекавших в европейских державах того времени, тоже не могла быть ему доступной, разве что потом, когда отбывал ссылку в Новосибирске, а затем Астрахани. Даже имам Шамиль игнорировал информацию о политических

событиях в Европе, всецело полагаясь на внутреннее (эзотерическое) постижение внешнего мира и, одновременно с этим, мира невидимого, загробного, где просвечена и спрошена будет каждая душа человеческая.

И хотя в XIX веке политические процессы в России, Европе и США имели прямые и косвенные влияния на ход Кавказской войны и послевоенного имперского устройства Кавказа, в методах эзотерического постижения мира были свои плюсы и минусы. Они особенно понятны, когда берется во внимание основной принцип, которым руководствовался в своей проповеднической миссии Умар-Хаджи Андийский. В академической науке этот принцип называется бинаризм (верх - вниз, легко - тяжело, истинно - ложно, разрушать - созидать, разумно - не разумно и т. д. и т. п.), который в чистом виде есть ни что иное, как дихотомия (разделение целого на две противоположные части). Но когда результаты бинаризма (распознавания хорошего и плохого) умножаются на жизненный опыт и жизненные знания, как таковые, приобретенные в следствие максимизации положительных намерений, в человеке формируются феноменальные способности.

Согласно принципу исламского бинаризма, важнейшим фактором человеческого существования является дилемма приоритета между двумя мирами. Миром физическим, временным, неизбежно исчезающим для каждой души, и миром загробным, вечным, неизбежно возникающим за чертой смерти. И хотя этот выбор, согласно вероучению Ислама, не противопоставляет земную жизнь жизни загробной, напротив, поощряет их гармоническое

сочетание, на практике, как показывает история, это оказывается очень трудным делом. Особенно в условиях народов, не имевших своего единого государства и гуманитарной культуры. Ведь никогда в истории Северного Кавказа, до установления российской юрисдикции, не было своего единого, централизованного государства. Даже в рамках современного Дагестана никогда не было единого правления. Самое большое государственное образование на Северном Кавказе было создано имамом Шамилем на основе завоеваний двух своих предшественников (Гази-Магомед 1828 - 32 гг, Гамзат-бек 1832 -34 гг). Оно просуществовало де-юре до августа 1859 года. В нее входили аварские и чеченские вилайаты (общества), и то с переменным успехом - отпадая, присоединяясь и снова отпадая. А так, чтобы весь Дагестан имел единого правителя, не было никогда в истории. Исторические сведения о Хазарском каганате и Кавказской Албании большей частью носят гипотетические характеры. А гипотезы следует подтверждать. Но даже с учетом самых вольных гипотез нынешняя территория Дагестана не управлялась никем целиком до установления здесь власти Российской империи. Нет ни единого исторического свидетельства о контактах высокогорных дагестанских сел со ставкой Хазарского каганата или Кавказской Албании. Локальная свобода и вольность сопровождали историческое развитие высокогорных народов Дагестана. Этим объясняется и тот фактор, что, например, андийцы, просясь под покровительство России еще в 1731 г., а дидойцы - в 1806 г., оставались на том же раннесредневековом уровне развития. То же самое можно сказать о большинстве дагестанских обществ.

Конечно, найдётся немало желающих оспорить заключение авторов как в части биографии Умара-Хаджи, так и касательно древней истории Северного Кавказа, ибо склонные к идеализации и/или профанации того и другого найдутся всегда. И в этом нет ничего странного, человек таков, что по природе своей склонен оспаривать не только ложь, но еще и истину.

Книга «Умар-Хаджи Андийский» написана в жанре исторического очерка, в академическом ключе. В основу данной книги легли факты как событийные, так и глубоко психологические, мистические, исторические, сомнительные - для одних и непрерываемо действительные - для других.

Самым важным в замысле авторов является образ шейха Умара-Хаджи Андийского как одного из основателей исламской гуманистической мысли на Северном Кавказе. Но вот на сколько он оказался оригинальным в истории северокавказской гуманитарной науки, пусть скажут ученые-гуманитарии. Мы удовлетворяемся на том, что продуцировали сплав (априорно-синтетическую парадигму) из веры, мистической любви и благодеяния, столь же актуального сегодня, как это было актуально на Северном Кавказе в XIX и начале XX веков.

Исходя из этого и многого другого сказанного в этой книге, каждый здравомыслящий и непредвзятый читатель сможет при желании сам сопоставить факты сегодняшней жизни с теми бедствиями, которые понапрасну навлекались на себя в прошлом, и как парадоксально негативная практика прошлого возникла в наше постсоветское время.

И если уже совсем откровенно обобщать духовное наследие Аль-Анди с оперативно текущей се-

годня историей, то угодные и не угодные Аллаху формы призывов к Исламу следует различать по признакам их плодов, актуальной и потенциальной результативности. Ведь призывы одних приносят мирные плоды, призывы других - сеют смерть и горе, разрушают построенные трудами многих людей материальные и культурно-духовные ценности. А все потому, что ленив человек. И прежде всего с точки зрения умственной работы. Эта объективная закономерность лишний раз служит основанием, подтверждающим правомочность исторической личности Умара-Хаджи Андийского как образцового и/или классического примера для подражания.

**Арсанали Муртазалиев
Магомед Султанов-Барсов**

**УМАР-ХАДЖИ
АНДИЙСКИЙ**

Научно-популярное издание
Историко-философский очерк

Редактор: М.О.Султанов-Барсов
Корректор: А.Хизрибекова
Компьютерная вёрстка: М.Казимова
Дизайнер обложки: А.Подопригора

Подписано в печать 2.12 2013. Формат 60 x 841/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Тайм». Печать дупликаторная.
Уч.-изд. л. 13,25. Тираж 300. Заказ 308.

Издательский дом «Народы Дагестана»
Министерство печати и информации связям РД,
367012, РД, г. Махачкала, ул. Пушкина, 6.